

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ

ЦК ВЛКСМ

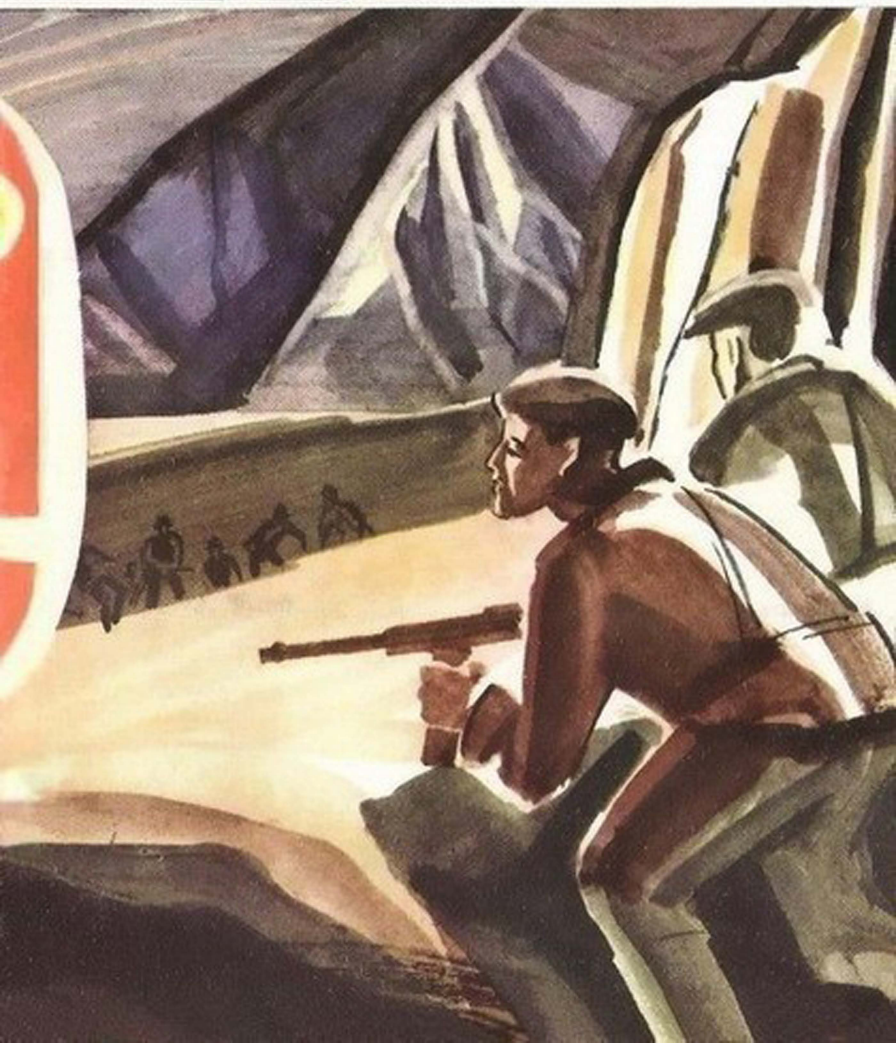
ВОКРУГ СВЕТА

И

СКАТЕЛЬ

3

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ 1978

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ
ВОКРУГ СВЕТА

Искатель

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ 1978

СОДЕРЖАНИЕ

Сергей АБРАМОВ — Сложи так	2
Роберт ШЕКЛИ — Макс выполняет свой долг	90
Джеймс Хэдли ЧЕЙЗ — Дело о наезде . .	100

СЛОЖИ ТАК

Повесть

1

Уже давно ночь. Кругом тихо. Жена, должно быть, давно спит в своей санатории в Пицунде, а я сижу у письменного стола и думаю, думаю, думаю.

Впрочем, ни о чем я не думаю, а только мысленно смотрю на воинский билет, паспорт и затрепанный роман Агаты Кристи на английском языке «Убийство Роджера Экройда». Книжка, как выяснилось, скрывает ключ к зашифровке секретной переписки, знать которую, кроме адресата, никому не дано. Но, честно говоря, книжка эта, несмотря на всю для нас важность, только маячит перед глазами, а вижу я паспорт с именем и отчеством моего Ягодкина и фотокарточкой человека, на него совсем непохожего.

Звонок телефона — этакий чуть-чуть журчащий зуммер: я терпеть не могу пронзительных телефонных звонков.

— Полковник Соболев слушает, — говорю я.

— Майор Жирмундский приветствует, — галантно воркует трубка. — Не разбудил?

— Нет, не сплю. Думаю.

— Жену вчера проводил на юг и скучаешь?

— Не совсем точно. Скучаю, конечно, но думаю не о ней.

— Медная коробочка спать не дает?

— Допустим. Есть новости?

— Кое-что. Экспертиза номер один: на двух страницах у Агаты Кристи ключ для шифровки текста на английском языке. К сожалению, мы можем только шифровать, а не расшифровывать. Текстов пока нет.

— Пока?

— Я и не рассчитываю найти их сейчас — там уже котлован для нового дома роют. А вдруг появятся? Мало ли как бывает. Ведь остались же люди — кто, пока неизвестно, — но подходили же они иногда к его газетному киоску. Кому-то из них предназначались доллары из той пачки, что была в коробке. Кому и за что? И от кого он сам получил эти доллары и тоже за что?

— Нам же искать ответ.

— Сизифов труд.

— А может быть, он и не работал сейчас, а только состоял в резерве? — размышляю я вслух. — За это тоже иногда платят. Отпечатки пальцев выявили?

— На «Агате Кристи» их много. А на пачке долларов все пять пальцев те же, что и на коробочке с мелочью из газетного киоска. Пальцы Ягодкина. Муровский оперативник, что нашел труп, снял у него отпечатки пальцев. Все сходится.

— Ты сказал «пальцы Ягодкина»? — медленно уточняю я. — Но это не его пальцы. Не того, на чье имя выписаны военный билет и паспорт.

Жирмундский смеется. Он очень доволен.

— Между прочим, как показала экспертиза номер два, фотокарточки в военном билете и паспорте не вклеены в чужие документы. Все подлинное — не подкопаешься. Ты скажешь, что выдавал их Новоружский военкомат в сорок восьмом году и девятнадцатое отделение московской милиции в пятьдесят пятом. Верно. Вполне допустимо, что есть или был другой, известный тебе Ягодкин, а документами его воспользовался профессиональный разведчик, шифрующий свои донесения не по-немецки, а по-английски. Мы, Николай Петрович, тоже не сидим сложа руки. Пока ты жену провожал, мы кое-какую военно-архивную пыль встряхнули. И выяснили, что сгоревший в состоянии полного опьянения Ягодкин был Ягодкиным еще в 1946 году после возвращения из плена. Тогда же была запрошена воинская часть и получен ответ, что Михаил Федорович Ягодкин действительно числился в списках личного состава указанной им части до марта 1944 года, когда он пропал без вести. Совпали и названные им имена и фамилии командиров роты, батальона и полка, из которых к моменту проверки оказался в живых только комполка, да и тот лица его не помнил: мало ли было солдат у него — всех не запомнишь, проверьте по спискам. Проверили — сходится. Что в плену делал? На заводе работал — вот свидетельства. А почему это вдруг у немцев такая снисходительность к военнопленному? Тоже объяснил: на заводах в Германии к этому времени уже рабочих рук не хватало, вот и подбирали из военнопленных — тех, кто поздоровее да посильнее. Вот только с военным билетом у него нескладуха. В графе прохождения военной службы упомянута только воинская часть, в которой служил до сорок четвертого года, а дальше все волшебным преобразается. Уже он не пропал без вести, а тяжело ранен и решением медицинской комиссии от военной службы освобожден. Липа явная, но классно сделанная. С этой липой он и московский военкомат прошел, поселился в опустевшей после эвакуации дворницкой сторожке в Марьиной роще и подрабатывал к пенсии по инвалидности торговлишкой в газетном киоске. Может, он и не работал на заслужившую разведку, но кто-то нашел его недавно — доллары-то новенькие. Ну и запил Ягодкин со страха, спьяну и сгорел. Трудно все-таки за доллары Родину продавать. По-моему, логичная версия.

Я терпеливо дослушиваю монолог Жирмундского и говорю:

— У Гадохи не сдали бы нервы. Его «вышка» пугала. А высшая мера ему давно была уготована.

— Ты о ком? — недоумевает Жирмундский.

— О нашем милом покойнике. Это Гадоха Сергей Тимофеев-

вич, бывший ефрейтор той же роты, в которой служил и Ягодкин.

Трубка долго молчит, прежде чем взорваться вопросом.

— Откуда сие известно?

— Я лично знал Ягодкина. Мы однолетки с Мишей, оба сироты, из одного детдома, оба «фабзайцы», даже жили в одном общежитии. А в сорок первом году оба семнадцатилетними парнишками еще до призыва пошли в ближайший московский военкомат и попросились на фронт. Просьбу нашу уважили и отправили в одну часть, в которую потом перевели и Гадоху. Откуда, не помню. Кажется, из штрафной роты. Вот так и бывает, друг мой Саша, жил и работал я в одном городе, можно сказать, бок о бок с подлещиком предателем и убийцей. И ни разу не встретился, хотя, быть может, и не узнал бы его: он усы и бороду отпустил.

— А ты не мог ошибиться? Ведь борода и усы резко меняют облик.

— Только фотокарточка на паспорте могла вызвать сомнения, а на военном билете он бритый и молодой. Ошибка исключена. Есть и еще одна примета: на левой руке у Гадохи татуировка: большой синий якорь у кисти и женское имя Нина.

— Что за Нина?

Вопрос явно из мгновенно пришедших в голову.

— Понятия не имею. Тогда не поинтересовался, а теперь поздно.

— Но ты же не видел труп.

— Его осматривал Маликов из уголовного розыска. Он же снял и отпечатки пальцев. Вчера вечером я созвонился с ним с аэродрома и заехал к нему на Петровку. Словом, друг мой Саша, ошибка здесь, повторяю, исключена.

...Маликов принял меня внимательно, но без особого интереса: дело, мол, не мое, а ваше. На пожарище он поехал, потому что кто-то из соседнего дома в МУР позвонил, когда пожарные в полусторевшей сторожке труп нашли. Он, Маликов, труп осмотрел, даже оттиски пальцев взял и все гадал: убийство или самоубийство. А вероятнее всего, несчастный случай. «Тихо он жил, — сказал участковый, — ни с кем компанию не водил, даже пил один, у Катьки-добренькой самогон бидонами покупал — она уже два раза по таким делам привлекалась, а с поличным поймаешь пока не могли: где-то под Москвой варила и полные бидоны по заказчикам развозила». Не будет же Катька дом поджигать, у нее своих дел хватает. И погиб-то старик по своей вине мертвецки пьяный: у него при вскрытии литр самогона в желудке нашли. Тлеющий окурок или недогоревшую спичку в стенку швырнул и не заметил, как оторвавшиеся обои загорелись. Где уж тут заметить, если в беспамятстве был. А огонь по ватной дверной обивке полез, трухлявая дверь запылала — и пошло. Когда Маликов приехал, пожар уже потушили, только две обгоревшие стенки от сторожки остались да труп. А тут пожарные инспектору шкатулку подают: в стенном тайнике нашли под обоями. Что было в шкатулке, полковник Соболев знает,

и начальник отдела ему лично объяснил, почему в уголовном розыске решили переслать ее органам безопасности.

— Когда вы осматривали труп, — спросил я инспектора, — вы не заметили татуировки на левой руке выше кисти?

— Большущий якорь и «Нина» — почти до локтя.

— Спасибо за информацию, — сказал я, — и за то, что переслали шкатулку нам. А у меня к вам еще просьба. Не могли бы вы заглянуть в архивы довоенных лет и посмотреть, не проходил ли у вас по какому-нибудь уголовному делу некий Гадоха Сергей Тимофеевич? Если проходил и у вас имеются его отпечатки пальцев, то вы бы могли сравнить их с теми, которые сняли с трупа.

Он улыбнулся, мгновенно сообразив, что я знаю о сгоревшем Ягодкине гораздо больше его.

— Я с удовольствием сделаю это. И если отпечатки сойдутся, немедленно поставлю вас в известность. Может быть, в этом случае придется подключиться к нам: есть еще не закрытые дела. Лично я думаю, — сказал он, — что прежнее ремесло он оставил и прежние связи не возобновил, хотя наличие крупной суммы долларов в шкатулке, может быть, и не исключает валютных операций. Словом, там видно будет. Возможен и такой вариант: мы закрываем дело, а вы открываете его снова. Ведь нам и вам интересен не сам погибший, а его сообщники и преемники...

Все это было вчера, а сейчас, плохо доспав ночь, я сижу у себя в управлении и вызываю Жирмундского.

— Я уже на месте, Саша. Заходи.

Когда разговор у нас неофициальный, мы всегда с ним на «ты», и зову я его Сашей. Он сын моего боевого товарища, с которым мы вместе дошли до Берлина и который очень много для меня сделал в труднейшей обстановке, осложнившей мою военную жизнь в сорок четвертом году. Мы были рядышком и после войны в нашей военной комендатуре в немецком городе Хаммельне, и в дни мира, когда подрастал Саша, после пришедший по стопам покойного отца в органы безопасности. Теперь он майор и мой ближайший помощник. В этой роли он был просто неоценим, особенно в тех случаях, когда в круг нашей расследовательской деятельности попадали молодые люди, которых он, естественно, знал лучше, легче понимал, точнее улавливал их настроения и помыслы. Мы даже подружились с ним, как говорится, «на равных», несмотря на разницу в возрасте.

Сейчас мы одни, и Саша, даже не поздоровавшись, словно мы только что виделись, молча садится против меня и выкладывает на стол потускневшую медную шкатулку, присланную нам из уголовного розыска. Она уже прошла через экспертизу, и все в ней разложено, как и было при получении: затрепанный томик Агаты Кристи лондонского издания Макмиллана, пухлая пачка новеньких десятидолларовых купюр и военный билет с паспортом на имя Ягодкина, все данные которых я уже помню наизусть и точно знаю, кого они прикрывали.

— Ничего интересного, кроме шифра, — говорит Жирмундский, кивнув на шкатулку.

— А чем интересен шифр?

— Можно хоть предположить страну, для которой он предназначен.

— На английском языке можно шифровать для любой страны.

— Лжеягодкин пришел к нам из оккупированной Германии. Его могли завербовать либо Гелен, либо американцы.

— Не торопись. Его наверняка завербовали еще гитлеровцы.

— А перевербовали преемники. И, пожалуй, если Гелен, то язык был бы немецкий.

Зря Сашка упирает на шифр. Он бесполезен, когда нечего расшифровывать. Ну узнал я Гадоху, а дальше? Что он делал у нас в стране после войны?

— Работал киоскером, получал за что-то новехонькую валюту, — задумчиво цедит Жирмундский. — Получал или получил? Может, это были первые полученные им доллары. А для чего? Для себя лично или для расплаты с агентами? Профессия киоскера таит неограниченные возможности якобы случайных, но всегда обусловленных связей.

— Я жду звонка из угрозыска, — говорю я.

— А что он даст?

— Я просил Маликова выяснить, не проходил ли у них Гадоха по каким-нибудь уголовным делам в довоенные годы. Тогда сохранились и отпечатки пальцев, и можно сравнить их со снятыми у Лжеягодкина. А установив тождественность его и Гадохи, потрясти старые связи. Вдруг жив кто-нибудь из прежних дружков, отбывающих новые сроки или «завязавших». Может, и подскажут они, с кем встречался Гадоха после войны, что замышлял. В разговоре с Маликовым я усомнился в том, что бывший налетчик и «вор в законе» уже в новой роли вспомнит о своих старых знакомствах. Ни одна иностранная разведка не позволит своему агенту рисковать уголовным промыслом. Но, может быть, я и ошибся, и связи он все-таки сохранил. Подождем звонка Маликова.

Маликов позвонил к концу дня.

— Вы угадали, товарищ полковник: отпечатки нашлись и совпали. Настоящее имя и фамилия сгоревшего в дворницкой действительно Сергей Гадоха. Он проходил у нас по делу о нападении на кассиров сберкассы в Хамовниках в сороковом году и через два года из тюрьмы был отправлен на фронт. Нашелся и один из его сообщников, некий Круглов, по кличке Длинный. Он тоже воевал, но вернулся уже со снятой судимостью и с боевыми наградами. С Гадохой после войны он не встречался и о судьбе его ничего не знает...

Найденный кончик ниточки обрывается. Я иду к генералу и докладываю ему все, что мне известно по делу о присланной из угрозыска медной шкатулке с английским шифром и американскими долларами. Сходимся на временной отсрочке расследования. Гадоха умер, не оставив никаких следов.

— А в каких отношениях ты был с Гадохой на фронте? — спросил Жирмундский.

Пришлось рассказать.

Помню теплую сентябрьскую осень в Москве сорок первого. Желтеют листья на деревьях, витрины магазинов завалены мешками с песком, окна домов перечерчены белыми бумажными крестами. На улицах комендантские патрули.

Мы с Мишкой Ягодкиным ехали от окраины к центру в полупустом вагоне метро — занятия в школе не начинались из-за нехватки ушедших в ополчение преподавателей, а на заводе нас еще не оформили, так что свободного времени было много. Рядом ребята, на вид наши одноклассники, но уже одетые по-военному в гимнастерки и ватники, пели нестройным хором: «...уходили комсомольцы на гражданскую войну». Женщина рядом плакала, а наши с Мишкой сердца сгорали от зависти.

Где-то на полпути, кажется на «Комсомольской», поезд был задержан — по радио уже ревели сирены воздушной тревоги. Из метро не выпускали, и мы минут сорок толкались среди пассажиров.

— Дальше не поедет, — сказал Мишка.

— А куда поедет?

— Назад.

— Почему? — удивился я.

Мишка не сразу ответил, он что-то думал, что-то решал.

— Хватит! — сказал он. — Сачковать надоело. Такие же парни в армию идут, а мы? Прямо из метро — в военкомат! Вот так.

— Но мы же допризывники. Таких не берут.

— Возьмут. Попросим, и возьмут.

И нас действительно взяли. Спросили о родных. Родных не было: оба детдомовские. Спросили о занятиях. Кончились занятия, объяснили мы. Оглядели нас, прикинули — видят: подходящие парни. Ну и направили на медицинскую комиссию.

— А где учить будут? — спросил Мишка у военкома.

— Найдем место, — сказал военком. — «Тяжело в учении, легко в бою», — говорил Суворов. У вас, ребятки, к сожалению, будет наоборот. Подучим вас наспех, а ратному делу понастоящему обучаться в бою будете.

Вот так и очутились мы с Мишкой Ягодкиным в одной роте пехотного полка энской, как говорится, дивизии. Вместе учились обороняться и наступать, вместе с боями и до Вислы дошли. Об этом долгом и тяжком пути я Жирмундскому не рассказывал. О войне он знал много и без меня, да и не моя воинская судьба интересовала его, а лишь тот поворот ее, в котором был виноват ефрейтор Гадоха Сергей Тимофеевич.

Появился он у нас уже в сорок третьем или, кажется, в начале сорок четвертого года, переведенный из штрафной роты бывший уголовник, но отличившийся в боях. И у нас он выделялся отменной находчивостью и отвагой, ходил в разведку, возвращался с удачей, и его за эту удачу командование отличало и миловало. Был он сметливым и расторопным, умел дружить и очень нравился полковым красавицам в военных гимнастерках и санитарных халатах. Да и со мной, хотя

я и был уже старлеем, держался соответственно уставу, но не без желания поправиться и заслужить похвалу, а выговоры и замечания выслушивал почтительно и согласно.

Именно поэтому командир разведзвезда Толя Корнев, наш друг и ровесник, с которым мы познакомились в том же московском военкомате, и взял с собой в разведку Гадоху и Ягодкина, первого — по способностям, второго — по рвению: Мишка был не очень умелый солдат, но старательный и упрямый.

Случилось это в местечке Пасковцы на правом берегу Вислы. Река уже была близко, но крупные немецкие соединения, сосредоточенные на побережье, все еще мешали нам ее форсировать. Поэтому и выходил их маленький отряд на береговые тропы, чтобы разведать у польских рыбаков, где немецкий фронт более растянут.

Здесь их и ждал провал, как выяснилось впоследствии, заранее запланированный. В старом ольшанике на заболоченной тропе они обнаружили крестьянскую хату, запущенную и, казалось, необитаемую. Никого кругом не было, хотя прибрежный лес и мог скрывать хорошо замаскированные передовые немецкие посты. Разведать хижину Гадоху вызвался первым, храбро вошел, насторожив друзей, все еще поджидавших его, и наконец вышел веселый и разбитной.

— Порядок, товарищ старший лейтенант! — крикнул он. — Идите за мной.

И вошел в хату.

Они побежали, рванули дверь и удивиться даже не успели, как их схватили и обезоружили. Большая горница была полным-полна немецких солдат. Сумел ли Гадоху заранее как-нибудь предупредить их или сделал свое черное дело, уже побывав в хижине, никто не знал, конечно, но предательство было очевидным.

— Зольдатен? — спросил Гадоху высокий подтянутый офицер.

— Старший лейтенант Корнев и рядовой Ягодкин, — в охотку вытянулся Гадоху. — Больше русских здесь нет. Нас только трое в разведке.

— Сука! Я всегда знал, что ты когда-нибудь продашь, вор в законе, — сказал Ягодкин и плюнул. Метко плюнул, прямо в лицо Гадохе.

Их тут же, не допрашивая, избили и связанных увезли в штаб. Там уже допросили. Какого полка? Какой дивизии? Где расположена? Сколько пушек? Они молчали. Снова избили. Допрашивали и били, допрашивали и били. Корнев захлебывался своей же кровью, но молчал. Молчал и Мишка. Почему-то их не расстреляли тут же, а почти в бессознательном состоянии переправили через Вислу в штаб дивизии. Может быть, рассчитывали, что они все-таки заговорят, когда очнутся.

Они и заговорили. Только между собой.

— Опять будут бить, — сказал Корнев.

— Будут, — прощамкал Мишка. У него уже не было зубов.

— Сдохнем, наверно.

Рисунки Ю. МАКАРОВА

— Если пристрелят, — согласился Мишка. — А может, и выживем. Лишь бы кости не перебили.

Выжили. А затем — крестный путь военнопленного, длинные дороги, вагоны даже без подстилки для скота, переезды и переотправки, вагон отцепляли и прицепляли к другим составам; их, более или менее здоровых, не кормили и не поили, а умирающих и больных просто пристреливали и выбрасывали из вагонов под откосы железнодорожной насыпи. А в конце пути — лагерь на лесистых склонах Словакии. Лагерь номерной, без названия и даже без печей для сжигания трупов. Время от времени окончательно выдохшихся людей партиями отправляли в другие лагеря с более совершенным аппаратом уничтожения. А те, кто еще был в состоянии работать, шагали в каменоломню, где дробили камень, складывая его в штабеля, и затем перегружали в железнодорожные составы. Тех, кто падал от усталости и не мог подняться, тут же прикалывали выстрелом в затылок, а трупы бросали в ров. Когда он наполнялся, его засыпали камнями, рядом копали новый и так далее, без конца.

Комендантом лагеря был эсэсовец Пфердман, садист и убийца, такой же, как и его «коллеги» в Освенциме или Майданеке, Треблинке, Дахау. Но самым страшным был даже не он, а капо барака, старый знакомый — Гадоха. Как он попал сюда — ни Корнев, ни Мишка не знали, возможно, чисто случайно, да и встретил он их с нескрываемым удивлением, впрочем, тут же обернувшимся почти ликующим торжеством.

— Старший лейтенант Корнев! Какая приятная встреча! Не ожидал, но доволен. Житуха райская у нас.

И сшиб его с ног ударом под ложечку.

— Вот такие пироги, старший лейтенант, — ухмыльнулся Гадоха и обернулся к Ягодкину. — А тебе, хмырь болотный, я оставлю памятьку на всю жизнь. Если выживешь, конечно.

И, отстегнув от пояса длинную резиновую, почти не гнущуюся дубинку, ткнул ею в левый глаз Ягодкина. Тот даже не вскрикнул, лишь закрыл выбитый глаз рукой.

— Твоя власть, Гадоха, — сказал он. — Только ведь за все рассчитаться придется.

— Я и рассчитываюсь, — не промедлил с ответом Гадоха, — я еще много раз о себе напомним. Ну а теперь марш в барак! Второй ряд от двери, койка третья и четвертая.

Он каждый раз напоминал о себе. Присядешь на минуту у глыбы песчаника — удар дубинкой. Оступишься — подсечка. Пройдешь мимо и не поклонишься — карцер. А карцер — это каменный мешок, из которого сам и не вылезешь: жди, когда тебя вытащат по приказанию Гадохи. Но в карцере он не держал более суток: Пфердману требовалась здоровая рабочая сила.

А иногда Гадоха милостиво отзывал Корнева из каменоломни: ему хотелось поговорить.

— Рассчитываемся, старший лейтенант? — похихатывал он.

— За нас рассчитаются.

— Кто?

— Твои бывшие однополчане.

В лагере уже знали о стремительном наступлении совет-

ских армий по всему фронту, и Гадоха догадывался, что и пленные о том знали. Поэтому и не последовало тогда удара дубинкой. Он только задумчиво нахмурился.

— Не дойдут сюда ваши, — проговорил он, не отрывая глаз от своих порыжевших сапог.

— Непременно дойдут. Вот тогда и рассчитаются.

В ответ не последовало ни пинка, ни удара. Молча встал Гадоха и, не оборачиваясь, пошел по каменному карнизу каменоломни. Он чуял опасность: советские войска тогда освобождали Польшу. С этой минуты он еще более ожесточился, страх прорастал в нем. По ночам стал напиваться в лагерном кабаке для охранников, а возвращаясь, избивал всех спящих на нижних койках, мимо которых он проходил в свою отгороженную от общих «спальню». Больше всего доставалось Мише Ягодкину. Корнева он почему-то не трогал — может быть, из-за убежденности в его неминуемом и скором конце.

И конец наступил, пожалуй, даже раньше, чем он рассчитывал. Однажды поздним вечером, когда Гадоха еще не вернулся с очередной пьянки, Миша Ягодкин сказал Корневу:

— Сегодня ночью накроем Гадоху.

— Как это? — не понял тот.

— Ночью, когда пьяный войдет, мы на него и прыгнем. Всей восьмеркой. Командует Арсеньев. Он старше нас и по годам и по званию. Свяжем, кляп в рот, а потом и повесим здесь же на потолочной балке.

— Так ведь расстреляют наверняка.

— Всех не расстреляют. Ну а мне все равно. Я и так уже кровью харкаю.

— Допустим, нас восьмерых. А если и других с нами? Им тоже все равно?

— А ты у других спрашивал? Я интересовался. Возражений нет. За этим гадом давно кровавый след тянется. А говорят еще, что он весь барак в ближайшие дни на уничтожение отправит. Только самых сильных оставит. А есть у нас такие?

Корнев внимательно оглядел барак, насколько позволял свет двух тусклых лампочек, подвешенных на железных балках под крышей. Никто не спал. Все ждали.

Гадоха пришел около часа ночи — так показалось, потому что в двенадцать гасили фонари снаружи за окнами. Он не успел даже крикнуть, как на него прыгнули со всех восьми коек. Тут же связали, сунули грязную тряпку в рот и поволокли к первой же балке, на которую кто-то забросил веревочную петлю. Все делали молча, без суеты, но поспешно. А через две-три минуты связанный Гадоха уже болтался в петле. Он даже не мог захрипеть предсмертно — мешал кляп.

Оказалось, что не предсмертно. Он не провисел и нескольких минут, как в бараке появился помощник Пфердмана, откомандированный власовцами, Амосов. Сопровождали его — должно быть, для ночной проверки — двое охранников.

— Что здесь делается? — закричал он. — Снять немедленно! — И сказал что-то по-немецки одному из охранников.

В ту же секунду автоматная очередь срезала веревку под

балкой. Гадоха грузно шлепнулся на бетонный пол и застыл.

— Развязаты! — приказал Амосов.

Нашлись такие, что повиновались и развязали. Гадоха был еще жив. Он дышал прерывисто, странно булькал. Но не двигался.

— Транспортирен зи герр Гадоха нах доктор Крангель, — сказал Амосов охранникам. Сказал, с трудом подбирая слова: немецкий он знал плохо. А когда унесли Гадоху, обернулся к пленным. — Стоять! — скомандовал он. — Построиться в две шеренги и ждать моего возвращения.

И вышел.

— Будут расстреливать. Вероятно, каждого пятого, — сказал Арсеньев, бывший майор Советской Армии. — Вот спички. Я отсчитываю двадцать восемь...

— Почему двадцать восемь? Нас тридцать, — перебил кто-то.

— Корнев и Ягодкин исключаются. Гадоха их предал. Из-за него они и попали в плен. Так не погибать же им за Иуду.

Никто не возражал, кроме них двоих. Но Арсеньев тотчас же оборвал протест:

— Слушать мою команду. Мы хотя и пленная, но часть Советской Армии, а я старший по званию. Так вот: я отбираю из двадцати восьми спичек шесть и отламываю половину у каждой. Это будет пятое, десятое, пятнадцатое, двадцатое, двадцать пятое и тридцатое место в очереди. Корнев и Ягодкин будут вторым и третьим. Начинем!

Все разобрали спички. Уже не помню, кому достались полуманые, но кому-то достались. Арсеньев стал первым.

— Может, с первого и начнут, — шепнул он.

— Тогда весь порядок изменится, — сказал Корнев.

— Значит, не судьба.

Расстреляли каждого пятого.

3

Гадоха не умер. От кого-то из заключенных Корнев узнал, что он лежал в немецком госпитале где-то под Братиславой с повреждением шейных позвонков и горловых связок.

— Говорить уже может, — решил Арсеньев, — и в первую очередь выдаст вас. Больше он никого не запомнил: в стельку был пьян. А вы у него как занозы в памяти.

— Может, уже выдал, — вздохнул Ягодкин.

Разговор был после лагерного ужина.

— Бежать вам надо, — сказал Арсеньев.

— Отсюда не убежишь, проволока под током, пулеметы на вышках.

— А из каменоломни?

— Там же охранники с автоматами.

— Есть шанс, — улыбнулся Арсеньев. — Один-единственный. Если до завтра вас не возьмут, я утречком покажу вам кое-что в каменоломне. Надо только найти возможность остаться там на ночь. А такой способ есть.

Под утро, слезая с койки, Арсеньев сказал:

— Пристраивайтесь на работе со мной рядышком. Новый капо мест не знает, мешать не будет. Он даже лиц наших не помнит.

Они так и сделали. Арсеньев подвел их к выступу скалы, повисшему над каменной тропкой на высоте человеческого роста. Даже пройти под ним было страшно: вот-вот обрушится.

— Мы подрубили его снизу и сверху, думали — упадет. Тогда и разбивать его будет легче. Ан нет, он все висит. Теперь мы с Афоней и Хлыновым полезем наверх и добьем его кувалдой и ломом. Он и рухнет.

— А нам что сделать? — не понял Мишка.

— Стать под ним и прижаться к стенке. Конечно, когда капо отойдет подальше. А охранники на карнизе не увидят.

Они еще раз оглядели нависшую глыбу.

— Нас же в лепешку раздавит. Костей не соберем.

— Может быть, и раздавит, — согласился Арсеньев. — Но по элементарным техническим расчетам глыба упадет не плотно к стене, а с просветом не менее полуметра. Это я вам как бывший инженер говорю. А просвет, где вы стоите, завалит осыпь. Конечно, риск есть, но в лагере вы и двух дней не выживете. Ну а камешки, которыми вас засыплет, не крупные, обычная осыпь — выдержите. И дышать сможете — осыпь неплотно ляжет. А им доложим, что вас скалой раздавило — все и сойдет: здесь не спасают.

Капо шел мимо. Они заработали молча, застучав ломом по соседней стене. Капо равнодушно прошел не оглядываясь.

— Важно продержаться до ночи, — продолжал Арсеньев, — а ночью, когда стемнеет, вы пробьетесь сквозь осыпь, завалите дырку — и ау!

— А куда — ау? — спросил Ягодкин.

— В горы. Словацкие Татры, слышали? Здесь, говорят, партизаны орудуют.

— Может, и ты с нами, майор? — сказал Корнев.

— Скала троих не прикроет. А я и в лагере продержусь, силен еще, не выдохся. Может быть, и наших дождусь. Не исключено — Пффердман уже о переводе на запад просит. Горит земля у них под ногами.

Капо вот-вот должен был повернуть обратно.

— Начнем, ребятки, — шепнул Арсеньев.

Они втроем полезли на верх уступа, а Корнев и Михаил присели под ним, плотно прижавшись к стенке. Наверху застучали кувалдой и ломом. Трудно сказать, сколько минут прошло, как вдруг треск и удар каменной массы о камень оглушили Корнева. Сразу навалилась и осыпь. Он прикрыл голову руками, но острые камни били по ним, сдирая кожу. Досталось и плечам, и коленям, но между ними и рухнувшей каменной глыбой действительно оставалось еще добрых полметра. Бывший инженер не ошибся.

— Жив, Мишка? — спросил Корнев почему-то шепотом, хотя даже крик сквозь настил каменной осыпи был бы не слышен.

— Ушибло здорово, — отозвался Мишка, — и лоб порезало.

— Сильно?

— Заживет. Крови, видать, немного. Только давит крепко. Тяжко будет стоять.

Действительно, на плечи и голову сильно давил не очень толстый, но плотный слой щебенки, осыпавшейся сверху. Мелкие острые камешки сыпались на них при каждой попытке подвинуться или встать. Тогда они сели, благо щебенки под ними не было. Что происходило снаружи, они не слышали: никто не стучал по камню и не тревожил осыпи. Вероятно, те, кто работал поблизости, подойти не рискнули, а для капо, которому уже, наверное, доложили о случившемся, их гибель была бесспорной.

Вот так они и просидели до ночи, боясь пошевелиться и почти не разговаривая. Камень поглощал звук, но кричать они все-таки не смели — вдруг услышат. И ночь не увидели, а почувствовали — нагретый за день камень стал холодеть, и даже сквозь слой щебенки явно запахло сыростью. Наконец Корнев решил: пора! И рванулся вбок, закрывая лицо руками. Осыпь подалась легко, и под градом мелких осколков дробленого камня он выбрался наружу. Мишка Ягодкин, не увидев, а услышав его маневр, рванулся в другую сторону и тоже выбрался.

Было совсем темно и тихо: на ночь в каменоломне не оставляли охраны. А лагерь вдали спокойно дожидал вечер. Горели прожектора на вышках, шел по провололочной ограде смертельный ток, несли вахту охранники. Никто и не думал, что отсюда можно бежать.

А они бежали. Я избавил Жирмундского от подробностей странствия Корнева и Ягодкина по чужим горам. Да и о чем рассказывать? О том, как плелись двое дистрофиков по горным тропам, продираясь сквозь кусты можжевельника, шли, по сути, в неизвестность, зная только, что первый же встречный или поможет, или выдаст. Через двое суток их нашел хозяин ближайшей охотничьей хижины бесчувственными от голода и усталости. Он сразу все понял: они были в изорванных камнями полосатых лагерных рубашках. Он отнес их на сеновал, накормил и, ни о чем не спрашивая, положил спать, прикрыв хорошенько сеном: по ночам здесь было холодно, как зимой. Наутро он привел еще двоих в крестьянских теплых куртках с немецкими «шмайсерами» за плечами. Разговаривали с трудом, но кое-что поняли: при всей несхожести славянских языков в них всегда есть много общих слов, иначе звучащих, а все же знакомых по смыслу. Тут же спасенных переделали и переобули и повели еще выше в расположение не очень многочисленного и разнородно вооруженного партизанского отряда.

Что можно рассказать о жизни в отряде? Она была недолгой, но дружной, научились понимать друг друга, вместе ходили в разведку, вместе нападали на малочисленные немецкие транспорты и отстреливались, уходя от карателей, иногда осмеливавшихся забираться и в эти заоблачные выси. У гитлеровских оккупантов здесь не было крупных военных

соединений, а местные квислинговцы сами боялись партизан, как чумы.

И все же наконец их накрыли.

Резервная немецкая мотопехотная дивизия отходила из Братиславы на укрепление отступающих от Дуная гитлеровских армий. Ее фланговые соединения и напорлись на маленький словацкий партизанский отряд, не успевший отойти в горы. Бой был неравный. Партизаны потеряли больше половины бойцов, остальным удалось прорваться на скалистые горные тропы, труднодоступные для мотопехоты. Корнев с Ягодкиным прикрывали отступление, и почти в безнадежном положении им все же удалось обмануть противника, укрывшись в одной из скальных трещин. Таких трещин-пещер в здешних Татрах довольно много, и найти их было нелегко: требовалось время, а времени у гитлеровцев как раз и не было. Ограничившись круговым пулеметным обстрелом, они прекратили преследование.

И тут совершилось самое страшное: Мишу Ягодкина ранило в живот. Пуля застряла где-то в тазобедренной части, и внутреннее кровоизлияние буквально убивало Мишу у Корнева на глазах.

— Прощай, Толя, — прохрипел он.

— Погоди, погоди, — бессмысленно лепетал Корнев, с трудом сдерживаясь, чтобы не завывать от отчаяния. — Вот дотащу тебя до деревни — она совсем рядом. Там и врача найдем и тебя выходим.

— Не успеешь, — сказал Миша, переходя на шепот, — ты даже не знаешь, где эта деревня... Посиди рядышком, пока я доживу положенное мне... И не хорони меня... Завали камнями потяжелее, чтобы зверь не добрался...

Так и остался Корнев один. Два дня пробыл в пещере, пока не кончились партизанские сухари, захваченные в поход. А дальше был путь к своим, к наступавшим с юго-востока советским армиям. В словацких деревнях, где он проходил, гитлеровских карателей и полицаев как метлой вымело, а его, да еще в партизанской овечьей безрукавке, всюду встречали как родного: оставайся, мол, и живи, жди своих. Но он шел и шел, пока не встретил наконец в одном из поселков советскую пехоту на марше.

Корнев был счастлив, его приняли тепло и участливо, но он уже был готов к ожидавшим его неприятностям. И они не замедлили последовать: проверить его рассказ было трудно. Действительно, кем мог быть человек, горящий по-русски, но оказавшийся на вражеской территории в чужой крестьянской одежде, да еще с немецким «шмайсером»? Соотечественником? Возможно. Но и среди соотечественников были предатели и немецко-фашистские агенты. Документов у Корнева не было: настоящие остались в воинской части, из которой он уходил с Ягодкиным и Гадохой в разведку, а ни в концлагере, ни в партизанском отряде документов не выдавали. Правда, приютившие его крестьяне засвидетельствовали его участие в партизанском отряде, а выжженное клеймо на руке подтверждало и лагерь. И тут Корневу опять повезло. Командиром полка, в расположении которого он очутился, был... я. Да,

да, я, тогда уже майор, грешным делом, очень обрадовавшийся воскрешению старого друга. Я тотчас же подтвердил, что Корнев действительно Корнев, бывший старший лейтенант, и, договорившись с дивизионным начальством, под свою ответственность оставил его в полку рядовым.

Начав войну рядовым, он и продолжал ее рядовым, только опыта, находчивости и умения ориентироваться в любых обстоятельствах у него было много больше, чем раньше. Для солдат он был своим парнем, ему верили и не чурались как разжалованного, командиры хвалили, а я сам частенько навещал старого друга в затишье, подтверждая, что скоро придут из нашей прежней роты запрошенные мною документы и все восстановится — и его имя, и солдатская честь. И этот через месяц документы наконец пришли. К тому времени и лагерь был освобожден.

К сожалению, немецко-фашистские хозяева, удрав на запад, захватили с собой и всю документацию. Но кое-кто из бывших заключенных вспомнил сенсационный побег.

Легко представить, как приятно мне тогда было сказать Толе:

— Принимай роту, командуй...

Потом он, уже в звании капитана, командовал батальоном и в Берлине закончил войну майором... Я не рассказывал сейчас об этом Саше — он слышал все и от меня, и от самого Корнева, который до самой своей смерти — шесть лет назад — дружил и со мной и со старшим Жирмундским. И не только слышал, но и читал: после войны Толя Корнев закончил Литинститут, много писал, и была у него повесть о фантастическом побеге двух военнопленных из лагеря смерти в Словакии. Вот она, стоит на полке в моем кабинете, только фамилии героев в ней изменены...

4

Итак, дело Лжеягодкина было закрыто. Ни мы, ни уголовный розыск не могли раскрыть его связей. Тайна тысячи долларов и английского шифра в медной шкатулке так и осталась неразгаданной.

Я был убежден, что, проникнув в Советский Союз с документами на имя Михаила Федоровича Ягодкина, Сергей Гадохка не вернулся к своему уголовному прошлому. Расследование уголовного розыска подтвердило, что ни одно из крупных преступлений за послевоенные годы — ни вооруженные ограбления сберегательных касс, ни угон и перепродажа автомашин, ни хищения — не были связаны с Гадохкой. Да и документы на имя Ягодкина могли изготовить для него лишь те, кому досталась вывезенная из лагеря документация. Его могли обучить в одной из бывших немецко-фашистских разведывательных школ. Во-первых, он русский, во-вторых, готовый на все уголовник.

В деле Гадохки для меня все было ясно, кроме одного: чем он занимался в Москве в своем газетном киоске, помимо продажи периодики, значков и открыток? Но и на этот вопрос

вскоре был добыт ответ. Мы получили любопытное, загадочное и неожиданное письмо. Принес его сам автор, адресовалось оно «следователю по делам иностранных разведок». А неожиданным и загадочным было даже не содержание письма, а имя, отчество и фамилия его автора:

ЯГОДКИН МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ.

Новый Ягодкин. И опять Михаил Федорович.

Я читаю и перечитываю письмо в присутствии лукаво улыбающегося Жирмундского. Он уже прочел его и наверняка уже сделал свои выводы из прочитанного.

А я снова читаю:

«Уважаемые товарищи! Пишет вам М. Ф. Ягодкин, зубной врач-протезист, работающий в стоматологической поликлинике Киевского района. Я участник Великой Отечественной войны, имею боевые награды, в плену не был и на оккупированной врагом территории не проживал. Родственники за границей у меня есть, но связи с ними не поддерживаю, хотя и получаю иногда от них денежные подарки. За границу после войны ни разу не выезжал, даже в социалистические страны по профсоюзным туристским путевкам. В Москве до прошлого года я жил на Шереметьевской в Марьиной роще, а потом переехал в отдельную квартиру в кооперативном доме на улице Дунаевского. Сообщаю вам об этом так подробно потому, что это имеет непосредственное отношение к вчерашнему происшествию в поликлинике. На прием ко мне явился без записи сравнительно молодой человек в дорогом импортном костюме и явно не нашей рубашке в красную клеточку. Оказалось, что иностранец. По-русски он говорил хорошо, но очень уж тщательно выговаривал все буквы, как это делают иностранцы, так и не сумевшие освоить нашу русскую, а в особенности московскую разговорную речь. Я сказал ему: «Ваша фамилия? По-моему, вашей лечебной карточки у меня нет». А он в ответ: «Это неважно. Я к вам от дяди Феди. Он ждет посылку». — «Какого еще дяди Феди, — недоумеваю я. — Нет у меня такого». А он спрашивает: «Ваша фамилия Ягодкин?» — «Ягодкин», — подтверждаю я. «Михаил Федорович?» — «Точно». — «Вы переехали сюда из Марьиной рощи?» — «И это верно». — «Тогда почему же вы не отвечаете как положено?» Тут уже я рассердился и говорю: «Вы меня с кем-то путаете. Приходите без записи, а у меня прием». Он помолчал немного, должно быть сознавая свою ошибку, извинился и вышел. А вечером, размышляя об этом непонятном визите, я вспомнил две фразы посетителя: первую — «Я к вам от дяди Феди, он ждет посылку» и вторую — «Так почему же вы не отвечаете как положено?». А вдруг это пароль? Значит, был другой Ягодкин, который знал дядю Федю и мог ответить как положено. Происшествие это меня очень встревожило, и я решил, что нужно обо всем рассказать вам. А вы уж разберетесь, что надо делать».

К письму приложена визитная карточка автора с адресами и телефонами его поликлиники и квартиры.

Я долго молчу, пока не вмешивается Жирмундский,

— Ну что скажешь, дядя Коля?

— Раздумываю.

— О чем? Пожалуй, все ясно... Иностранец шел к сгоревшему Ягодкину, но дворницкая и соседний дом уже снесены, соседи разъехались — спросить не у кого. Ну и узнал адрес Ягодкина в ближайшем окошечке Мосгорсправки.

— Мосгорсправка дает адрес дома, а не места работы.

— А может быть, он заходил и домой, узнал у соседей, где работает Ягодкин?

— Почему у соседей?

— Может быть, дома никого не застал.

— А почему он не пошел к Ягодкину в киоск? Для связанного это было бы разумнее.

— Возможно, ему дали явку в дворницкую.

— Опять «может быть» и «возможно». Вот ты и проясни. Побывай у Ягодкина или позвони ему, пригласи к себе. Да и я смогу зайти на разговор.

— Значит, мне допрашивать? — удивился Жирмундский.

— Не допрашивать, а расспросить. И не только о происшествии, а и о жизни вообще. Женат или холост, как живет, чем интересуется, с кем дружен. И не настырно, не последовательно, а вежливо, по-дружески. Так сказать, прощупать личность, характер, реакцию на вопросы, склад мышления. Если нужно будет, я вмешаюсь.

Жирмундский удивлен еще более, кислая улыбка, недоумевающий взгляд, полное непонимание моей пристрастности.

— Неужели ты его в чем-то подозреваешь? — почти растерянно спрашивает он.

— Нет, конечно, — разъясняю я. — Просто хочется знать побольше об авторе письма.

Я размышляю.

Больше всего терзает меня совпадение: еще один двойник Ягодкина! Случайно? Вероятнее всего, именно так. Соболевых в Москве тоже немало, и наверняка есть среди них и Николай Петровичи...

На другой день Жирмундский уведомляет меня по телефону, что автор письма уже получил пропуск и направляется к нему в кабинет.

Подождав чуток, захожу туда и я. Вхожу без стука, и Ягодкин тотчас же оборачивается. Ничего знакомого — никогда его не видел. Высок, худ, недлинные волосы с проседью, подстриженные усы и черноморский загар: видно, недавно приехал с юга.

Я в штатском, звания моего он не знает, и потому я вежливо, но деловито обращаюсь к Жирмундскому:

— Разрешите присутствовать, товарищ майор.

И в ответ согласный Сашин кивок; сажусь позади Ягодкина.

— Вы можете поподробнее описать этого иностранца? — спрашивает Жирмундский.

Ягодкин отвечает не сразу, подумав, словно вспоминая, и в голосе его не слышно ни настороженности, ни волнения.

— Отчего же, конечно, могу. Помню довольно ясно — хорошо рассмотрел. О том, как был он одет, я уже вам писал, а вообще: ростом пониже меня, не атлет, даже со склонностью к полноте, блондин, стрижен коротко, вроде меня, глаза чуть

прищуренные, с пронзительным, изучающим взглядом, ни усов, ни бороды нет, а нос прямой, чуть-чуть с горбинкой.

— Ну что ж, — замечает Жирмундский. — Описание довольно подробное. Можно с вашей помощью сделать фоторобот?

— Пожалуйста, — соглашается Ягодкин.

— А вы не можете указать тех, кто еще видел его в поликлинике?

— Мои пациенты, ожидавшие приема. Фамилии и адреса можете записать по лечебным карточкам. Я скажу, чтобы вам дали их в регистратуре.

Жирмундский вежлив и дружелюбен. Как я и предложил, не допрашивает, а расспрашивает. По-деловому интересуется.

— А как он узнал, где вы работаете?

— Понятия не имею. Он знал даже, что я переехал сюда из Марьиной рощи.

— Может быть, он заходил к вам домой?

— Не знаю. Дома никого не было. Я сейчас не женат.

— Холост?

— Нет, разведен. Пока живу один.

— Может быть, он заходил к вашим соседям?

— Где? В Марьиной роще? Так дом снесен, и все разъехалось кто куда. А с новыми соседями я почти незнаком. Где работаю, знают только в правлении жээска. А там я справлялся: никто обо мне не спрашивал.

— Тогда расскажите просто о себе, — улыбается Жирмундский. — Вы были женаты, развелись. А где сейчас ваша жена, под какой фамилией живет и где работает?

— А какое отношение это имеет к происшествию в поликлинике?

— Возможно, прямое. Он мог получить адрес поликлиники и у вашей бывшей жены.

— Я не поддерживаю отношений с моей бывшей женой. — Ягодкин уже сух и холоден. — Линькова Елена Ивановна. Живет в Москве. Получила однокомнатную квартиру. Где именно, не знаю.

Я считаю, что мне пора вмешаться. Спрашиваю так же сухо и холодно:

— В письме к нам вы называете себя участником Великой Отечественной войны. Где же вы воевали, на каком фронте, в какой части и в каком звании?

— А почему я должен отвечать на этот вопрос? — уже совсем раздраженно откликается Ягодкин. — И почему вам? Выясните сами, если хотите.

— Хотим, — говорю я. — Но сначала спросим у вас. Ваше письмо интересно, и уже потому многое в нем требует проверки. Поймите: не зная, как и, главное, почему этот иностранец нашел именно вас, мы вообще ничего не сможем объяснить. Ни себе, ни вам.

Я понимаю раздражение Ягодкина. Так и должен вести себя любой сохраняющий свое достоинство человек, непричастный к описанной ситуации. Не он создал ее в поликлинике, не он виноват в ней, так почему же интересуются его прошлым, явно не имеющим к ней отношения? Но мой тон и на-

стойчивость все же побуждают его отвечать не капризничая.

— На Юго-Западном фронте с начала войны. Призван в Минске. — Он называет военкомат, часть, куда был направлен, имена командиров полка и роты. — Начал войну рядовым, кончил служить старшим лейтенантом. Имею два ордена. Снят с учета в сорок четвертом году по свидетельству медицинской комиссии о негодности к военной службе. После ранения два года не мог ходить: было повреждено колено. Передвигался на костылях, потом с палочкой, да и теперь хромаю. А как воевал, спросите у моего ротного. Сейчас он под Москвой, директор дома отдыха в Старой Рузе.

— А после войны где работали? — спрашивает Жирмундский.

— Сначала учился.

— В Минске?

— В Минске уже никого у меня не было. Отец и мать погибли в эвакуации. Устроили товарищи в Москву, поступил в Московский стоматологический. По стопам отца — он тоже был протезист. На этом, я думаю, моя биография исчерпана? — иронически заключает Ягодкин. — Думал помочь опознать врага, а вышло, что сам на допрос попал.

— Неужели вы не понимаете разницы между вопросом и товарищеской беседой? — говорю я. — Вы действительно помогли нам, и не только тем, что написали о происшествии в поликлинике. До этого разговора вы были в наших глазах лишь автором заинтересовавшего нас письма, теперь же мы узнали человека. Вот так, товарищ Ягодкин. Ну а сейчас мы займемся фотороботом.

Затем мы сообща создавали портрет иностранца. На экране в темном залеплыли перед нами высокие лбы, прически с короткой стрижкой, щеки с различной степенью пухлости, носы с горбинкой. Ягодкин отбирал, отвергал и подтверждал.

Наконец портрет составлен.

— Похож? — спрашиваем мы у Ягодкина.

— Никогда не думал, что могу описать его так наглядно. На этом и заканчивается наша встреча.

5

Я решил сам съездить к ротному командиру.

Обмелевшая Москва-река, лиственный-хвойный лес по краям шоссе и в зеленой лесной глубине белый каменный корпус профсоюзного дома отдыха.

В кабинете директора, Жмыхова Андрея Фомича, все как в приемной врача. Письменный стол с креслом, два стула, диванчик; на стенках ни плакатов, ни лозунгов.

Встает за столом, пожимает руку, спрашивает:

— Только что приехали?

— Только что, — соглашаюсь я.

— А поместили куда? На первый или на второй этаж?

— На первый.

— В какую комнату?

— В вашу.

— Не понимаю.

— Я не отдыхающий, Андрей Фомич. Просто заехал к вам побеседовать. — И я показываю ему служебное удостоверение.

— Ого, — говорит он с уважением. — Простите дурость, товарищ полковник. Что же вас интересует в моей служебной деятельности?

— Не в вашей служебной деятельности, Андрей Фомич, а в вашем военном прошлом. Не помните ли вы своего однополчанина, старшего лейтенанта вашей роты Ягодкина Михаила Федоровича?

Жмыхов наклоняется ко мне, брови взлетают, в глазах удивление.

— Конечно, помню. Я встречался с ним и после войны. Он даже отдыхал у нас, товарищ полковник. А что случилось?

— Бросьте полковника. Меня зовут Николай Петрович. Ягодкин проходит у нас как свидетель по одному делу. И меня интересуют не его послевоенные, а именно военные годы. Как воевал, не был ли в окружении, ездил ли в командировки в другие части?

— Отлично воевал, два раза представляли его к награде. В окружении не был, как и вся наша часть. В командировки не ездил. Ничего подозрительного.

— Я и не ищу подозрительного, Андрей Фомич. Просто интересуюсь человеком как личностью.

— Но интересуетесь-то вы не мной, а моим подчиненным. А я знаю, где вы работаете.

Расспрашивать дальше было бессмысленно. Все совпадало с рассказом Ягодкина. Другая биография, другой Ягодкин. У него никто не крал биографии, как украли ее у моего друга.

Оставалось искать связного.

Нашли его быстро. Опознали, правда, неуверенно: похож, мол, но не очень, были сомнения и колебания. Но без малейшего сомнения опознали его в таможне Шереметьевского аэропорта. Им оказался некий Франц Дроссельмайер, представитель одной швейцарской часовой фирмы. Был в СССР недолго, ознакомился с нашим часовым производством и выяснил возможности коммерческих связей. Но опознали его по фотороботу все-таки слишком поздно: накануне он уже улетел на родину. В Москве был, оказывается, впервые. Ничем, кроме производства часовых механизмов, не интересовался, в театрах не бывал и встречался только с корреспондентом одной швейцарской газеты. Ничего особо интересного я не узнал, кроме одного поразившего меня обстоятельства. Дроссельмайер не говорил по-русски, он всюду объяснялся через переводчика. Мы нашли и этого переводчика, все подтвердившего: по-русски Дроссельмайер мог произнести только два слова: «спасибо» и «хорошо».

Так он или не он заходил к Ягодкину?

Я решаю выяснить это сам. Надо ехать к Ягодкину. Заехать ненароком, без приглашения, как бы проезжая мимо: больно уж он обидчив. Возвращался, мол, домой и решил взглянуть и поблагодарить его за помощь, да и показать не составленный нами совместно фоторобот, а подлинную фотокар-

точку Дроссельмайера. Он или не он побеспокоил Ягодкина в поликлинике?

На небольшой асфальтовой площадке возле его подъезда, где я оставляю машину, стоит еще одна «Волга» — голубая. Спрашиваю у старичка в подъезде: чья? «Ягодкина, — говорит. — Кому же еще такие машины покупать — деньжищ тьма. А вы к кому?» — «Да к нему же», — говорю. «Зубки, значит, сменить хотите, — ухмыляется старичок, видно до сплетен охочий. — Третий этаж. Квартира с медной дощечкой».

Подымаюсь без лифта — невысоко. Звоню. Колокольчик за дверью откликается звонко и весело.

Дверь открывает сам Ягодкин. Он в пижаме и теплых туфлях. Глаза блестят — или поспорил жарко, или выпил. Последнее подтверждает легкий вино-водочный ветерок, дохнувший из комнаты. Блеск в глазах сменяется недоумением, даже растерянностью, впрочем, тотчас же скрытой.

— Господи боже мой! — умиляется он. — Сам полковник Соболев удостаивает вниманием. Проходите, полковник, у меня несколько не прибрано: только что поужинал в теплой компании. Да вы не беспокойтесь, мы одни. Друзья и дамы уехали допивать в ресторан, а я осталась дома, как видите. Не тот возраст. Сердце надо беречь. А пиджак снимите: у меня жарко.

Делаю первый вывод: уже постарался узнать мою фамилию, должность и звание. От кого, интересно?

Остатки ужина убраны. На столе никакой еды. Только шампанское, коньяк, лимонные дольки в сахаре, да еще джин и пепси-кола вместо тоника. Гостей, видимо, было много, судя по количеству бутылок и рюмок. Широко живет протезист с новенькой «Волгой» и таким интерьером: старинная мебель, вольтеровское кресло у телевизора...

— Может быть, коньячку выпьем? — предлагает Ягодкин.

— Не беспокойтесь, Михаил Федорович, — останавливаю я его. — У меня уже не тот возраст, и сердце тоже надо беречь. А о звании моем забудьте: у меня есть имя и отчество. Николай Петрович, к вашим услугам.

— Тогда чем обязан? — спрашивает он. В голосе уже сухость.

— Хочу поблагодарить вас, Михаил Федорович. Кажется, вашего посетителя мы нашли. Вот он, поглядите. — И я кладу на стол фотокарточку Дроссельмайера.

— Он! — обрадованно узнает Ягодкин.

— Вы уверены? — вновь спрашиваю я, положив фотографию обратно в бумажник.

— Несомненно, — уточняет Ягодкин. — Именно он.

— И говорил с вами по-русски? Без единой немецкой обмолвки?!

— И без акцента, — добавляет Ягодкин. — Ну а кто он, откуда?

— А это уже не ваша область, Михаил Федорович. Больше он вас беспокоить не будет. Кстати, от кого вы узнали о моей должности и фамилии?

Ягодкин не смущается.

— У одного из ваших работников. Проходил по коридору, искал кабинет майора и обратил на себя внимание кого-то из проходящих мимо. «Вы к полковнику Соболеву?» — спросил тот. Я взглянул на повестку и сказал, что к майору Жирмундскому. Ну а когда вы зашли в кабинет и заговорили при майоре таким начальническим тоном, я уже понял, с кем имею дело.

Признаюсь, что Ягодкину нельзя отказать в сметливости, а мне в недостаточной осторожности. Подвели меня не вопросы, а тон, каким они были заданы.

И все-таки Ягодкин меня вроде бы побаивается — чувствую. Почему?

— А ведь уютно у вас, — говорю я будто бы невзначай. — Уходить не хочется. Плесните-ка мне коньячку чуток, как говорится, посошок на дорогу. А я пока на ваши книги взгляну.

Подхожу к стендам. Подписные издания, классики, переплетенные тома дореволюционных журналов, вроде «Исторического вестника», полный Дюма в издательстве Сойкина и другие, явно букинистического приобретения. А Ягодкин тем временем уже поставил на стол два чешских широких бокала и налил их до половины коньяком.

— Присаживайтесь, — приглашает он. — Армянский коньяк десятилетней выдержки. Лучше мартеля.

— И на книжных полках у вас немало редкостей, — замечаю я не без зависти, но и не без умысла: пусть знает, что я тоже библиофил, скорее разговоримся.

— Подбираю мало-помалу. Всю жизнь, в общем, с тех пор, как начал работать. Спросите, на какие денежки? Догадываетесь небось, сколько все эти редкости стоят? Охотно отвечу. Выгодная у меня специальность, Николай Петрович. Много заработать можно и без хищения государственных средств.

Во-от что его волнует!.. Ну, милый Михаил Федорович, это уж не моя компетенция. Тут вами другое ведомство заинтересуется, если надо будет...

— А как насчет государственного времени?

— Время проверить трудно. Оно растяжимо. И служебное время можно объединить со своим. Никакой фининспектор не учтет частных заказов.

— А я и не фининспектор. Мне интересны ваши книги, а не их стоимость. Кстати, вы и марки собираете? Я заметил у вас классер...

— Старое хобби, — улыбается Ягодкин, — еще мальчишеское увлечение, потом надолго забросил, а в последние годы вдруг начался рецидив. Собрал довольно крупную коллекцию марок. Тематика — полярная почта. Все связанное с Арктикой и Антарктикой, все экспедиции и открытия.

— Гашеные или негашеные? — спрашиваю я, не проявляя большого интереса к ответу: в филателии я не шибко разбираюсь.

— И те и другие. Мои коллеги-филателисты часто предпочитают только гашеные, но я не фанатик. У меня, как у Ноя, каждой твари по паре. Хотите взглянуть?

— Нет, спасибо. Я не филателист.

Коньяк выпит, засиживаться неудобно. Узнал я немного, но какие-то черты личности проявились: приобретатель. Современная разновидность мещанства. Извиняюсь, что отнял время у любезного хозяина, встаю и еще раз благодарю его за проявленную бдительность.

— Может быть, еще встретимся, — говорю я.

— Упаси бог! — с картинным испугом откликается он. — Беда, когда вы балуете вниманием нас, грешных. Вот тогда и чувствуешь, что выглядишь грешником. Скажете: негостеприимно? Согласен. Но с госбезопасностью лучше не сталкиваться. Я за нейтралитет.

Вечером я у Саши Жирмундского. Теперь он хозяин. Уже не шахматы, а телевизор. Футбольный матч между киевским и московским «Динамо». Болею, конечно, за москвичей.

О Ягодкине молчу, сказать-то ведь, в сущности, нечего. Но Жирмундского не обманешь. В перерыве между таймами он спрашивает с ухмылкой:

— Ну посмотрел, как он живет?

— Хороший ты чекист, Саша, — говорю я. — Догадливый.

— А я и не догадывался. Просто спросил у водителя, куда ты ездил после работы.

— Богато живет, — говорю. — Голубая «Волга», антикварная мебель, домашний бар с армянским коньяком десятилетней выдержки и прочими десертными винами, а библиотека — позавидуешь! Даже «Молодость Генриха Четвертого» Понсон дю Террайля на полках стоит. Все три тома.

— Да-а, — тянет Саша. — Я в Доме книги на Калининском один видел. Семьдесят пять рублей цена! Вот тебе и зубной технарь.

— Только интересного для нас, Сашенька, в нем ничего нет. А приватная деятельность на ниве зубных коронок и пластмассовых челюстей — это фининспектора забота. Да он и сам это знает и, видимо, не очень боится. Попивает коньячок редкой крепости в соответствующей компании и смакует свой кляссер с коллекцией марок.

6

После моего доклада генералу заявление Ягодкина откладывается в резерв, вплоть до возможного вторичного приезда Дроссельмайера в Москву. Пока сведений о его деятельности на поприще иностранных разведок к нам не поступало. Просто трудился в своей часовой фирме, той самой, от которой приезжал в Москву ее представителем. Зарубежные разведчики, правда, часто пользуются крышей какой-нибудь из торговых или промышленных фирм, но в данном случае могло быть иначе. Или он был строжайше засекречен даже от хозяев фирмы, или вообще не был разведчиком.

А если так, то возникает некая сумма противоречий. Кто лжет, Дроссельмайер или Ягодкин? Или Дроссельмайер действительно хороший разведчик, сумевший скрыть в Москве и свой визит в поликлинику, и свое знание русского языка? Или Ягодкин выдумал всю эту историю с гостем из-за границы? Но как же он сумел составить почти точную фотокопию

гостя? Может быть, он где-то видел его и запомнил? И тут уже вполне закономерен вопрос: для чего понадобилась ему шарлатанская игра в бдительность? Или эта игра только следствие психической ненормальности? Шутка скрытого шизофреника, вообразившего себя Джеймсом Бондом из Марьиной рощи. А вдруг здесь что-то другое, куда более серьезное и опасное?

— Может быть, Ягодкина все-таки еще раз «прощупать»? — докладываю я генералу о своих размышлениях.

— А зачем? — недоумевает он. — Дело закончено. Швейцарский немец удрал. Агент его — хотя вы и не доказали, что он именно его агент, — благополучно «сыграл в ящик» и разоблачен посмертно, а настоящий Ягодкин отнюдь не его замена. Так можно любого прохожего заклеить.

— Можно и с его друзьями потолковать.

— Можно, конечно. Но у тебя не только обвинений, а и подозрений нет. Нет даже основания для таких подозрений. Вот так, братец, жми, да не пережимай.

Получив указание начальства, призадумываюсь. Все-таки что-то меня беспокоит в Ягодкине, что-то недосказанное.

— Ведь перешла же к кому-то агентура Гадохи, — размышляет Жирмундский.

— А ты думаешь, она велика?

— Вряд ли. Но все же кому-то предназначались новенькие доллары из шкатулки Гадохи.

— Судя по сумме, обнаруженной в этой шкатулке, покойник был довольно прижимист. Может быть, шкатулка подкармливала его самого? Но, лежа в кармане, советские рубли в доллары не превращаются. Их кто-то должен был продавать или обменивать.

— Нелишне проверить, нет ли валютчиков в окружении Ягодкина?

С проверкой, однако, решили не торопиться: времени у нас много, а подозрений — кот наплакал.

— Побываем-ка у его бывшей жены, — предлагаю я. — Попробуем и поликлинику.

— С поликлиникой подождем, — не соглашается Жирмундский. — Что могут сказать там, кроме сплетен о его частной практике? Лучше начнем с бывшей жены. Ее отношения с ним, судя по его реплике, вероятно, на грани «холодной войны».

— Наговоры брошенной и обиженной?

— Не исключено. Но что мы теряем? Час-полтора времени. Адрес известен: живет у станции метро «Варшавская». Телефона у нее нет. Ну и рискнем без звонка.

— А если она сообщит Ягодкину о нашем визите?

— Вряд ли. Да и что с того?..

Линькова Елена Ивановна дома. Тугой узел волос на затылке и морщинки у глаз старят ее. Следы былой миловидности еще заметны, но лишь следы. И одета скромно. В строгом черном костюме, и никаких украшений — ни колец, ни серег. Явно не вписывалась она в изысканный интерьер Ягодкина.

Мы представляемся и получаем приглашение зайти в ком-

нату, по-видимому, служащую и гостиной и спальней. Завтракает и ужинает хозяйка на кухне, откуда и приносит на стол уже заваренный крепкий чай, должно быть, только что приготовленный.

— Мы к вам, очевидно, не вовремя, — говорю я. — Вы собирались пить чай, а мы нагрянули.

— Будем пить вместе. Чай-то я умею приготовить, с молоком, по-английски, — отвечает она и ставит на стол молочник и весьма аппетитные булочки. — То немного, что умею...

— Вы были в Англии? — мгновенно реагирует Жирмундский, и, по-моему, слишком заинтересованно.

Но она откликается просто и доверчиво:

— Да, в Лондоне. Месяца три назад. На симпозиуме по вопросам судебной медицины. Я ведь в специальном институте работаю, имею некоторую причастность к человековедению. А что вас привело ко мне?

— Ваш бывший муж, — говорю я.

Лицо ее каменеет.

— Нас с ним ничто не связывает, и, вероятно, я не смогу быть вам полезной.

— Именно вы и можете, — вмешивается Жирмундский. — Вы же его знаете лучше, чем мы.

Она все еще сдержанна. Видимо, ей совсем не нравится тема начатого разговора. Но тон Жирмундского настойчив, а бы сказал, даже повелительно настойчив.

— Я действительно его знаю, — почти сквозь зубы цедит она, — но...

— А зачем «но»? — смеется Жирмундский. — Мы тоже убеждены, что вы знаете.

Улыбается и она.

— Чем же он мог заинтересовать ваше высокое ведомство?

Я отвечаю примерно так же, как и в беседе со Жмыховым:

— Он проходит у нас свидетелем по одному важному делу. Где он работает, мы знаем, и характер работы нам известен. Нас интересует другое. Его личная жизнь, быт, привычки, склонности, увлечения, знакомства. Вы уже сказали, что имеете некую причастность к человековедению. Такую причастность имеем и мы. Вот вы и расскажите о нем что знаете.

— А что ж это вы ко мне, а не я к вам? Гора к Магомету?

— Были рядом, вот и рискнули, — улыбается Саша. — Давно ли вы разошлись?

— Год назад. Сегодня ровно год. Самый счастливый из последних трех лет моей жизни?

— Почему?

— Год без Ягодкина.

— А долго ли вы прожили вместе?

— Почти два года, а вернее, год с малым, когда я жила как в тумане, сознавая всю трагическую для меня нелепость этого брака, изо дня в день растущее отвращение к этому человеку. Ну а второй год был попросту годом сосуществования на одной территории с правом невмешательства в личные дела каждого. Мы только старались поменьше встречаться, а

встречаясь, тихо терпели друг друга, откладывая формальный развод до разбеда. Вас, наверное, интересует, как и почему возник этот союз двух совсем несхожих натур, да, если хотите, полярных, антагонистических духовно. Только боюсь, что мое свидетельство будет необъективным, не в пользу Ягодкина.

Мы с Жирмундским молчим, не скрывая своего интереса к рассказу. Тогда она, глотнув уже остывшего чая, продолжает:

— Вышла я замуж тридцати семи лет — возраст, как говорится, не свадебный. Случилось это пять лет спустя после смерти моего первого мужа. Он тоже был врачом, как и я, и погиб, можно сказать, на боевом посту во время холерной эпидемии в Северной Африке. И показалось вдруг мне это пятилетнее одиночество холодным и неудобным, как пустая, уже оставленная жильцами квартира. Бывает, знаете, так у не совсем еще старых баб. Вот тут я и наткнулась на Ягодкина. Познакомились в Ялте, в курортной гостинице, где он, как и я, жил без санаторной путевки. Оба соседи по коридору, оба одиноки и свободны — он тоже похоронил свою первую жену и еще не обзавелся новой. Неглупый, интеллигентный, не лишенный мужского обаяния, он в свои пятьдесят два года казался моложе лет на десять и, надо отдать ему справедливость, умел развлечь скучающую курортницу. Тут и началась у нас этакая ресторано-музыкальная круговерть с транзисторами и магнитофонами, с винными подвальчиками и барами, с пляжами и пикниками, с гонками на яхтах и мотолодках. Я никогда не жила такой жизнью и, как дура-баба, легко поддавалась ее сомнительным соблазнам. Я сознавала их временность, знала, что вернусь в Москве к обычной для меня обстановке — долгим часам работы в институте, нечастым вечерним встречам с друзьями-сослуживцами и одиночеству дома за книжкой или подготовкой диссертации, которую так и не смогла тогда защитить. Но когда пришло время уезжать, Ягодкин вдруг предложил мне стать его женой. Я сама не понимаю, почему согласилась так сразу и так легко — должно быть, все-таки боялась ожидавшего меня одиночества. Полюбить друг друга мы еще не успели, ну просто потянуло двух одиноких к какой-то человеческой близости, и не следовало бы, конечно, торопиться с женитьбой, но уж очень хотелось мне домашнего уюта и мужской заботливости.

Она задумывается, и губы ее кривятся не радостью, а горечью недобрых воспоминаний.

— Так и была наказана старая баба за то, что непростительно даже девчонке: месяц курортной канители — и нате, пожалуйста, законный брак. Михаил Федорович Ягодкин и Елена Ивановна Линькова — хорошо, что фамилию свою сохранила, дура, не пришлось после развода паспорт менять — обитают в двухкомнатной квартире в маленьком каменном особнячке в Марьиной роще. Соседей своих он мгновенно переселил в мою прежнюю комнату, а я очутилась под крыльшком мужа, который постепенно стал раскрываться. И открылось моим глазам нутро человека-приобретателя, мещанское до са-

мых бездонных глубин нутро. Два холодильника у нас доверху были забиты продовольственным дефицитом, зернистая икра и финская колбаса со стола не снимались, домашний бар блистал этикетками импортных вин. Мало, скажете? Так прибавьте еще и библиотеку с уникальными книгами, которые почти никогда и не раскрывали. Сначала мне казалось, что он просто болен «вещизмом», думала его, как говорится, перевоспитать, ну вылечить, что ли. Но через полгода уже поняла, что дурака сваяла: не я его вылечила, а он меня опоганил. Мне все чаще и чаще виделось, что именно с таких, как он, Маяковский «Клопа» писал, и Ягодкин, как и Присыпкин, тяготился своей фамилией. Уж как ему хотелось быть не Ягодкиным, а, скажем, Малиновским или Вишневым. Так не могу, говорит, дело не позволяет. А какое у него дело — фальшивые зубы вставлять? И все развлечения, кроме телевизора, отменил сразу, всех моих друзей разогнал, а своих принимал, когда меня дома не было.

Вот уже и друзья появились. Когда, кто, откуда?

— После замужества, когда мы еще раз на курорте побывали и уже заперлись у себя в Марьиной роще, как в скиту, пришли двое. Первый — когда мужа не было, днем, а я дома оставалась, приболела немного. Вошел затрепанный какой-то, в сальном пиджаке и нестираной рубашке без галстука. Опухший, отекший, лысоватый, небритый. «Муж, — спрашивает, — дома?» Я говорю: «Скоро придет». — «Ну а я подожду, дорогуша, сколько хошь подожду, потому что, кроме него, мне идти некуда. Однополчанин он мой, дружок-фронтовичок. А ты, — говорит, — водочки мне сообрази, закуски не надо. Я без водочки не могу, с утра во рту капли не было». Посетитель меня не удивил, мало ли какие однополчанин у него были, но повел себя муж при виде его странновато. Сначала даже не узнал как будто и спросил, мол, чем обязан. А бродяга ему: хи-хи да ха-ха, вспомнил, милоч, дружка старого. Ушли они на кухню, долго сидели, а потом дружок-фронтовичок смылся, со мной не попрощавшись. «Что это за личность?» — спрашиваю у мужа. «Так, — говорит, — человек из прошлого, черт бы его побрал. Даже фамилию забыл, только кличку и помню: Хлюст. Не знаю, откуда он к нам попал, вместе из-под Минска драпали, ну а теперь вроде в беде: жалко. С блатными опять связался, влип, милиция по пятам идет. Вот я и решил посодействовать. Денег дал на дорогу, записку написал знакомому директору завода в Тюмени: пусть поможет бывшему фронтовику устроиться по-человечески. А там, глядишь, и судимость снимут за давностью». Вот и вся история с дружком-фронтовичком. Ну а потом, этак через год с лишним, когда мы фактически разошлись и вот-вот должны были разъехаться, еще с одним гостем столкнулась. Уже не фронтовичок в грязной рубашке, а джентльмен в клетчатом пиджаке, блондин лет тридцати пяти. Познакомил нас Ягодкин, представил мне как профессора стоматологии из Риги. Помнится, Лимманисом его назвал. Я так подробно об этом рассказываю лишь потому, что Ягодкина после его визита словно подменили. Как будто Лимманис этот убедил его, что жить сычом глупо. Ну и выходит, что

послушался его мой благоверный. Да только знакомых себе начал заводить — ужас! Появились какие-то пьяные девки, не то манекенщицы, не то продавщицы — одна, помнится, торговала у нас в молочном киоске напротив. Да и привечал-то он их не для себя, а для новых дружков своих, из которых одни возникали и пропадали, другие задерживались дольше, бражничая по вторникам и четвергам, когда у него были выходные дни в поликлинике. Приходили и люди интеллигентные на вид, и просто подонки, которые у винных прилавков на троих соображают. А неизменно присутствовали в компании двое. Один из них, грузин московского разлива по имени Жора, а фамилии не знаю. Был он молод, этак лет тридцати, в сыновья Ягодкину годился. Второй тоже ходил под Ягодкиным, но больше помалкивал да поглядывал, кто это мимо открытой двери на кухню идет. Звали его — тоже без фамилии — Филей. Впрочем, Ягодкин как-то проболтался о нем, сказал кому-то по телефону: свяжись, мол, с нашим механиком Филькой Родионовым, он тебе машину в какой хошь цвет покрасит. Я сказала как-то Ягодкину, вскользь сказала, между прочим: зачем, мол, тебе этот подонок? А. Ягодкин засмеялся и говорит: это для тебя он подонок, моя бывшая женушка, а на станции техобслуживания он бог Саваоф, поневоле поклонисься. Кстати, «Волга» у него была в прекрасном состоянии. Может, в том как раз Филькина заслуга. Не вмешивалась я и в его страсть к маркам: все его закулисные и недомашние знакомства как раз и связаны с марками. Он и до этого ими всюю интересовался, а тут даже о своей библиофилии забыл, только на марки переключился. Он часами торчал в обществе филателистов на улице Горького или в марочном магазине на Ленинском проспекте, с кем-то перезванивался, и все о марках. Любовница у него появилась: я как-то видела ее в машине с Филей за рулем, должно быть, по поручению Ягодкина ее домой или на работу отвозил. Ну а вы сами понимаете, как я к этому относилась: пусть хоть десяток заводит. Вот так и прошла моя жизнь с Ягодкиным. Больше и рассказывать нечего. Выложились, как говорится. Все. Точка...

Возвращаемся домой. Жирмундский за рулем что-то насвистывает, улыбается. А я молчу. Столько узнал, что не разложишь в мыслях, как пасьянс на столе. А вдруг сойдется?

— А ведь я знаю, о чем думаешь, товарищ полковник, — замечает многозначительно Жирмундский.

— О том же, о чем и ты.

— Я свое уже додумал. Я моложе, и у меня быстрее реакция. А ты сейчас комплектуешь вопросы, вытекающие из рассказа Линьковой.

— Кстати, зла она на Ягодкина, по-бабьи зла, хотя и притворяется равнодушной.

— Ее понять нетрудно: наш Ягодкин — личность явно не веселая. Но рассказ-то ее, если из него личные обиды вычтешь, любопытен. И без вопросов не обойдешься. Почему солгал Ягодкин? Сказал, что не знает адреса своей бывшей жены. Боятся он ее, что ли? Кто был этот латыш и почему он оставил Ягодкина с непростым решением «начать жизнь по-

новому»? Он ненавидел свою фамилию, но изменить ее не решился: дело якобы мешало. О каком деле говорил он? О своей специальности? Но не все ли равно, какую фамилию носит дантист, даже весьма в Москве популярный? Кто был дружок-фронтвичок, угнанный им за тысячи верст от Москвы? И где сейчас этот дружок-фронтвичок? С кем был связан Ягодкин в своем марочном собирательстве? Какую роль в его окружении играли пресловутые Жора и Филя?

— А ведь из этих вопросов может сложиться версия, — заключает Жирмундский. — Только для кого? Для нас или для уголовного розыска?

7

И версия действительно складывается, правда, на одних предположениях основанная, ни одним фактом не подтвержденная.

И вот я на очередном приеме у начальства, готовый к защите своей версии.

— Упряма, — улыбается генерал. — Только уж больно ты лаконичен, братец. Раскручивай свою версию. Начинай с азов. Рассказываю.

— Исповедь заблудившейся и оттого обозленной женщины, — резюмирует он.

— И у вас не возникло никаких вопросов?

— А какие возникли у тебя?

Если начальство предпочитает ответить на твой вопрос таким же вопросом, надо начальству отвечать. И я, вооружившись терпением, излагаю весь ход собственных мыслей, так красноречиво сформулированных Жирмундским.

— Из этих вопросов и складывается версия, — невольно повторяю я слова своего помощника.

— Версии складываются не из вопросов, а из фактов или, точнее, из доказательств, найденных в процессе расследования.

— Разумное предположение тоже может быть источником версии, а я как раз и прошу расследования в поисках ее доказательств.

— Ладно, выкладывай свое разумное предположение, — соглашается генерал. — С чего начнешь?

— С военных лет. Допустим, что уже в те годы в распоряжении немецкой разведки была необходимая документация на двух советских людей с некоторой возрастной разницей, но с одинаковыми именем, отчеством и фамилией. Какая идея может возникнуть у хозяев этой разведки или у их премников сразу же после войны? Ведь ставка на двойников не есть нечто новое в разведывательной практике.

— Допустим, — опять соглашается генерал.

— Тогда допустим и другое. Поскольку один из двойников считается уже несуществующим, то его анкетные и биографические данные, составленные с помощью провокатора и предателя, этому же провокатору и предателю и присваиваются. С поддельными документами и надежной биографией он возвращается из плена, приезжает в Москву и легко находит себе жилье в Марьиной роще.

— Почему в Марьиной роще? Случайно? — интересуется генерал.

— Нет, не случайно. При ставке на двойников местожительство их в одном районе обязательно. Вы это поймете из дальнейшего изложения моей гипотезы. Так вот, этот двойник, именуемый по паспорту Ягодкиным, а на самом деле Гадохой, поступает на работу киоскером, живет замкнуто, пьет в одиночку, не заводя дружков-алкашей, и в конце концов погибает пьяный. Случайно, как предположили в угрозыске? Может быть, и случайно... Работал он плохо или вообще не работал, пил без просыпу. За какие-то дела он получал или получил свою пачку долларов — лично я думаю, что она была единственной. А вручили ему ее на подготовку агентуры для двойника. Не обязательно той, что необходима для разведывательной деятельности, а той скорее, что может быть полезной, скажем, крупному мошеннику-дельцу. Вероятно и здесь Гадоху не преуспел: помешал страх перед разоблачением. Ягодкину, возможно, и передали кое-кого из купленной Гадохой шпаны, но едва ли это была хорошо организованная и законспирированная агентура разведчика. Просто порученцы для разных дел.

— А зачем они Ягодкину?

— Пока не могу ответить, товарищ генерал. Но вы помните одно местечко из рассказа Линьковой, где Ягодкин, тяготясь своей фамилией, говорит, что ему бы хотелось быть Вишневым или Малиновским. Хотелось бы, да дело не позволяет. Даже Линькова обратила на это внимание. Какое, мол, дело? Фальшивые зубы вставлять? А дело, оказывается, могло быть: ждать. Ждать под крышей Ягодкина, потому что, когда придет время, хозяева будут искать Ягодкина, а не Вишневого. И нашли его наконец. Линькова о латыше говорит, но латыш или не латыш, а дело явно пошло.

А генерал, улыбаясь, слушает, внимательно слушает, не перебивает, ждет. И я знаю, чего ждет: во-первых, Ягодкин, мол, сам в управление пришел, и заявление его почти неопровергаемо: был ведь иностранец в поликлинике и мог ошибиться адресом, к другому Ягодкину шел и тоже, представьте себе совпадение, из Марьиной рощи. А во-вторых, военная биография Ягодкина чистым-чиста. Где его завербовать могли? Неувязочка у вас, полковник Соболев. Выстрелил, да промазал.

Ну, тут уж я делаю предупреждающий выпад, «парэ», как говорят на фехтовальной дорожке.

— То, что Ягодкин к нам пришел, было его первой ошибкой. Возможно, испугался он смерти киоскера, проверки испугался: вдруг да заинтересуемся мы соседом-однофамильцем? А тут честный гражданин с героической биографией — проврейяте, я сам к вам пришел. Расчет был правильный и выстрел меткий, только у меня охотничье чутье на неправду, собачье чутье. Нет пока у меня никаких доказательств, только штришки из рассказа Линьковой, но вот не верю я ему, слишком уж правдоподобно все это придумано. Какой-то перебор в правдоподобии, какой-то пережим. И военная биография его, честно говоря, меня не убеждает. Я вот опять его ротного по междугородному выпросил. Отступали они из Минска

с боями, врассыпную. Шли десять дней по болотам, по ольшанику под бомбежкой. Немцы то и дело десанты выбрасывали. Многие не вышли из окружения, а Ягодкин уцелел. Как шел он, когда друг друга в лесу то и дело теряли, когда и сообразить было некогда, кто рядом идет, а кто отстал, это еще вопрос. Мало ли что могло с солдатом случиться. Ну, попал в расположение вражеского десанта, прикончить не прикончили, а завербовать могли, если трус и подлец.

— Опять предположение, — вздыхает начальник.

Но вздыхает сочувственно, понимает, как трудно здесь выделить микроложь из в общем-то правдивой картины, понимает, что сомнения возможны, но для дела нашего важны не сомнения, а доказательства.

— А доказательства добудем, товарищ генерал. Есть такая вероятность. Жжет меня рассказ Линьковой о ягодкинском дружке-фронтовичке, который, как он сам сказал, вместе с ним из-под Минска драпал. Почему это Ягодкин его в сибирские дали загнал? Ведь если милиция по следам идет, его и в Тюмени накроют как миленького. Что-то не нравится мне эта придуманная Ягодкиным ссылка на «сибирскую глушь». Вот и надо сейчас этого дружка-фронтовичка найти, где бы он ни зарылся. В этом, думаю, угрозыск поможет. Из штрафной роты — во время войны, блатной — после войны, мимо угрозыска наверняка не прошел. А когда найдем, удача здесь — всему чаю заварка.

— А если неудача?

— Допустим. Но предположение все-таки остается, пусть пока и недоказанное. С другой стороны подойдем.

— Гадания!

— Согласен. Но у него, несомненно, что-то связано и с марками. Должно быть связано. Иначе трудно понять эту внезапную страсть. Учтите, что я только перечисляю векторы, по которым должно направляться расследование. Марки — один из таких векторов. Я думаю связаться с Обществом филателистов и, если позволите, послать туда нашего человека. Ведь есть же у нас кто-нибудь собирающий марки или знакомый с техникой и тактикой собирательства.

Генерал впервые за время нашего разговора решительно и даже с удовольствием соглашается:

— Это ты хорошо придумал, Соболев. Найдем мы у нас такого человека. А с обществом сам стоворись. Коллекционеры там настоящие, с редчайшими собраниями марок, участники не только наших, но и зарубежных выставок. Там тебя и с нужными людьми сведут, и Ягодкина твоего оценят как собирателя: что у него от липы, что от сердца. В общем, добро, Соболев. Действуй.

8

Возвращаюсь от генерала, а меня в кабинете уже Саша дожидается.

— Есть новости.

— Какие?

— Нашли дружка Ягодкина — Филю.

— Что за личность?

— Гигант мысли, — смеется Жирмундский.

Работает Филя, по фамилии Родионов, на станции технического обслуживания автомобилей. Царь-механик, как о нем говорят. Все умеет. Даже может из автомобильного хлама сделать быстроходную автомашину, хоть прямо со станции на ралли поезжай. И где живет, Жирмундский тоже знает. У Фили собственный дом в подмосковном поселке Косино, близ шоссеной дороги. А у дома большой приусадебный участок, обнесенный высоким-превысоким забором, — доска к доске. Соседи говорят, что от въезжающих и выезжающих машин покоя нет.

— Молодец, — хвалю я помощника, — перспективный ты товарищ. Полковником будешь.

Смеется. Сашка — нахал редкостный.

— А мне, дядя Коля, полковника мало, я и в генералы пробьюсь.

Я решительно меняю тон:

— Прежде всего запомни: впредь никакой несогласованной личной инициативы. В Косино пошлешь наших людей, пусть разузнают побольше о жите-бытье Родионова за высоким забором. Во-вторых, найди любовницу Ягодкина: она нам понадобится. И наконец, подыщи у нас какого-нибудь парня, собирателя марок или знакомого с практикой их собирательства. Я сам поговорю с ним. При тебе поговорю, будешь в курсе. А сейчас ты мне не нужен. У меня свои дела на Огарева, шесть.

— Секрет?

— Почему секрет? Дело общее. Следы Хлюста найти нужно. Помнишь дружка-фронтовичка, которого Ягодкин почему-то в Тюмень загнал? Только думаю я, что не в Тюмень. Зачем? Разве не мог он спрятать его, скажем, у Фильки Родионова за высоким забором? Ведь милиция за Хлюстом по пятам шла, так именно Линькова и выразилась. А где, по-твоему, безопаснее — у Фили или у какого-то директора в Тюмени?

Почему я решил искать эти следы не на Петровке, 38, а на Огарева, 6, тоже было продумано. Ведь если бы он в Москве орудовал, то давно бы связался с Ягодкиным. И неспроста он так нахально явился к тому за помощью, а потому, что в этой помощи Ягодкин не мог ему отказать. Что-то связывало их — тесное и недоброе. И не в Москве гастролировал Хлюст, а на периферии. Так и следы его надо было искать в других городах и весях, иначе говоря, в Минвуделе, где следственными делами ведал мой товарищ, тоже полковник, Женька Вершинин, коллега по юридическому. И помочь ему мне было, как говорят, легче легкого.

Так и вышло. Встретились мы с Вершининым как давние друзья, и суть дела он понял сразу. Есть, говорит, у меня необыкновенной памяти человек — Афанасий Иванович. Непременно вспомнит сразу же, только разбойную кличку скажи, и дело припомнит, и где-нибудь в пыли на полках найдет.

Пригласили мы его. Я ему и объяснил, в чем дело. Хлюст, говорит? Был такой, лет двенадцать по суду получил, да война вызволила, срока не отбыл, сразу в штрафную роту попал, а потом в Ростове уже дезертировал. Ну, во время войны не до него было, выпал, как говорится, из поля зрения. А после войны опять попался на спекуляции трофейными автомашинами. Новый срок дали. Сбежал. И начал угнанные машины из Москвы в Тбилиси перегонять. Сначала «Победы», потом «Волги». Долго мы за ним гонялись, перекупщики попадались, а он нет. Года два назад взяли. По анонимке взяли: кто-то донес. Анонимкой для ареста мы не воспользовались, конечно, ну а по следам указанным прошли. В Сызрань он машины перегонял, заводской номер сбивал, городской номер менял, кузов в другой цвет перекрашивал. А с новым номером бывшая серая, а теперь зеленая «Волга» в Тбилиси к некоему Кецховели шла, там и перепродавалась. И документы подделывали, а концов мы так бы и не нашли, если б до Кецховели не добрались.

— Я помню это дело, — говорит Вершинин, — там человек шесть орудовало, и среди них Ключев Никита Юрьевич. Он и есть Хлюст. По кличке я бы не вспомнил, но у Афанасия Ивановича память как магнитофонная запись. Теперь этот Ключев в колонии строгого режима сидит.

— Устрой мне с ним встречу, Вершинин, — говорю я после ухода майора. — В колонию я сам съезжу. И анонимное письмо дай. Серьезное у меня дело.

9

Принимает меня сам начальник колонии, фамилии его я не помню и нашего разговора с ним привести не могу. Да и незачем. Объяснил, что Ключев нужен мне не по делу, а по моей работе в Комитете государственной безопасности. Нужен как свидетель и очень важный свидетель, почему я и просил оставить нас для допроса вдвоем.

В кабинет, который начальник колонии специально отвел мне, вводят Ключева. Он только что пообедал и потому сыт и беспечно настроен. Лет ему немало, этак годков на пять больше, чем мне, но выглядит отлично. Выбрит, гладок, не худ и не полон. И ватник на нем не рваный, и сапоги кирзовые не измяты на лесоповале. Аккуратный весь, гладкий, будто и не в колонии. Только глаза колючие: смотрят недобро и недоверчиво.

— Значит, не из уголовки вы, а повыше, — замечает он, потому что я молчу, пока ни о чем не спрашивая.

— Что значит повыше? — начинаю я разговор. — Такой же полковник, как и Вершинин. Только из другого ведомства.

— Ну, ваше ведомство мне ни к чему, касательства не имею. А полковника Вершинина всю жизнь помнить буду. Без него не нашли бы меня.

— Кецховели же наши.

— Он не выдал. Другая сволочь стукнула.

Об анонимке я пока молчу. Напечатана она на пишущей машинке. Ну, машинку-то мы, конечно, найдем, только не она сейчас мне нужна, а реакция Клюева. Ведь об анонимке этой он ничего не знает, ему ее не показывали, просто к делу подшили, и сейчас, в начале разговора, о ней упоминать рано. Ягодкина он так просто не выдаст, хотя я почти точно уверен, что отправил его Ягодкин не в Тюмень, а в эту колонию. Но к анонимке мы еще подойдем, время есть.

— А почему это я вам понадобился? — интересуется он.

— Ищем мы одного человека, а ты, друг любезный, его хорошо знаешь.

— Ошибочка, гражданин начальник. С чекистскими подследственными мы дел не имеем. Да и дела наши не угрожают государственной безопасности.

— Но иногда они помогают именно тем, кого мы ищем.

Хлюст молчит, что-то соображая. Может быть, и вспомнил он Ягодкина, а может, и нет. Только говорит на этот раз не кривляясь:

— И все-таки ошибочка вышла, гражданин начальник. Не по адресу вы ко мне приехали.

— А может, и по адресу, штрафник Клюев.

— Почему штрафник? — обижается он. — Честно работаю, у старшего спросите.

— Я не о здешней твоей работе говорю. Вспомни войну, сорок первый год, минские болота в ольшанике, когда человек вдруг пропадал в лесу, а потом появлялся рядышком. Ты в штрафной роте был, Клюев. А когда ваш полк из-под Минска отходил, все смешалось. Не повзводно шли, а по двое, по трое. Так кто с тобой рядом шел?

— Многие шли. Разве всех вспомнишь?

— Одного ты запомнил, Клюев, и кого запомнил, мы знаем.

Что-то гаснет в глазах у Клюева. Запретная зона памяти. Отключил, и все тут.

— А если знаете, то чего же спрашиваете?

— С Ягодкиным ты шел, — говорю я. — Михайлой вы его звали. Я могу даже отчество подсказать: Федорович.

— Не помню такого. Плохо у меня с памятью, гражданин начальник.

— А ведь ты у него перед арестом дома был. Ты и с женой его разговаривал, водки просил.

— Ну, был я у Ягодкина перед арестом. Дал мне он денег на дорогу? Дал. А что плохого в том, что тебе бывший однополчанин помог? К моему промыслу отношения он не имеет.

— И это мы знаем, Клюев. Только не этим интересуемся. У тебя с ним свои счеты были. Вот о них-то и расскажи.

Клюев отводит глаза. Губы сжаты. Сомкнутые беззубые десны придают лицу что-то собачье, он похож на бульдога, готового укусить. Нет, не продаст дружка Клюев, пока не узнает, кто его выдал.

— А ведь ты прижать его мог. В кулаке, можно сказать, зажать. Самую сокровенную его тайну знаешь.

— Что знато, то позабыто. Амба.

— Новый срок получить хочешь?

— За что?

— За пособничество государственному преступнику. Это посерьезнее будет, чем угон и перепродажа автомашин.

Клюев смеется и, представьте себе, искренне смеется, от души.

— Так вы и докажите, что он государственный преступник. Ну а я при чем? Вместе воевали, вместе от Минска по болотам топали. Только из Ростова я дезертировал, а он нет. Спросите у ротного — скажет, если жив еще ротный. А то, что два года назад к старому дружку-корешку зашел денюжат на дорогу попросить, на это в Уголовном кодексе даже параграфа нет. Попросил помочь, он и помог.

Я понимаю, что рискую. Тайны Ягодкина Клюев может и не выдать, а вот сообщить ему о моем допросе вполне в состоянии. Через какого-нибудь «дружка-корешка». Мало ли людей из колонии на свободу выходит... Но я почти уверен, что до этого не дойдет. Даже не почти, а просто уверен, и никаких сомнений у меня нет.

— Значит, говоришь, помог?

— Конечно, помог. И денег дал, и записку в Тюмень к директору автобазы.

— А на допросе об этом скрыл.

— Так меня спросили, куда и зачем я еду. Я сказал. В Тюмень потому, что далеко, а шоферня везде нужна. А записку Михайлы я еще в вагоне выбросил, когда меня взяли. Ну зачем хорошего человека топить, который касательства к делу нашему не имеет?

— А кто, кроме Кецовели, про Сызрань знал, про Шмитько и Тишкова?

— Ни одна живая душа. Да и Кецовели только Шмитько знал, а Тишкова один я и мог выдать. Но не выдал. Думаю, что сам он всыпался. Местная уголовка замела.

— Так вот слушай, что я тебе скажу, Клюев. В тот самый день, когда ты собрался в Тюмень ехать, в следственный отдел Министерства внутренних дел принесли письмо. На пишущей машинке, без подписи. Анонимка, в общем. На допросах тебе ее не предъявляли, документом анонимка у нас не считается, ну а следственный отдел и так уж многое знал.

Лицо Клюева багровеет. Кулаки на столе не сжаты — стиснуты.

— С тобой письмо, гражданин начальник?

— Со мной.

— Покажь.

Я молча протягиваю ему листок, полученный от Вершина.

Он читает письмо вслух, и голос его крепнет с каждой прочитанной строчкой, зло крепнет, с назревающей яростью, словно он знает и секрет этого письма, и цель его, и то, кто его написал.

— «В Министерство внутренних дел. Пишет вам доброжелатель, к преступлению отношения не имеющий, но о преступлении узнавший от самого преступника, случайно узнавший, можно сказать. И от государства скрывать это я не хочу,

потому что сам не нарушаю и другим не советую. А было, значит, так. Встретились мы, друг друга не зная, возле продовольственного на Студенческой. Хотели было на троих сообразить, да на троих не вышло, а на двоих получилось. Ну, одну бутылку взяли и у рынка выпили, потом вторую открыли и красненького добавили. Тут его и развезло. Раскрыл он мне душу свою, как на духу исповедался, что не рабочий человек, а рецидивист-блатняга, вор в законе, как у них называется. И что зовут его Ключев Никита, не помню отчества, а едет он в город Тюмень по фальшивому паспорту на имя автомеханика Туликова. И о своих делах грабительских мне поведал. Угонял, говорит, автомашины из тех, что по дворах да у подъездов стоят. И набор ключей мне показал, знатный такой набор, качественный. Так все и происходило: со двора прямо в Сызрань гнал к друзьям своим Шмитько да Тишкову. На автобазе они работают, да у каждого еще гаражи свои. Там, конечно, номера другие срабатывали, документы на машину подделывали, а саму ее, голубушку, из белой в синюю перекрашивали. Ну а потом куда? В Тбилиси, конечно, к директору одному автомобильному, Кецховели по имени. Я имена все помню, потому что хотя и выпимши был, но записал все сразу же после нашего разговора. Он так и остался в канаве, я его не будил, думаю, проспится, опохмелится — и на вокзал, в Тюмень свою. И билет я у него видел, на какой поезд не знаю, только поезд этот сегодня уходит. Уж вы сами старайтесь, ловите ворягу. А пишу я не на Петровку, 38, а вам, потому что в МУРе московских жуликов ищут, а у вас по всему Союзу. А жулики-то в Сызрани да в Тбилиси орудуют — вам до этого и доука. И еще объясню, что на пишущей машинке пишу оттого, что почерк у меня неразбористый, а машинка так себе без дела в домоуправлении стоит. Вот и отстукал одним пальцем, думаю, без ошибок — грамотный. А что не подписался, уж извините, кому охота в свидетелях по воровским делам таскаться».

Ключев дочитывает письмо уже тихо, чуть ли не шепотом.

— Вот уж не думал, что он сзади ударит, никак не думал. Верил ему.

— Почему?

— Вы правду сказали, начальник, старые счета у нас. Не мне его, а меня ему надо было бояться. Так вот я сволочей не жалею. Спрашивайте, начальник.

— Когда отходили с боями из Минска, ваша рота на левом фланге дивизии шла. Что произошло тогда, Ключев?

— Что тогда происходило? Бомбили нас «юнkersы». Несколько дней под бомбежкой шли. Да и «мессеры» донимали, с бредущего болотные тропы простреливали. Ну, рассыпались роты, где какая — не разберешь. Лес хлипкий, гнилой ольшаник, но кучный — спрятаться можно. Меж кочками так и втискивались всем телом в торфяную жижицу.

— Ягодкин с тобой рядом был?

— Видел его в первое время. То впереди, то сзади. Метрах в трех то там, то сям вынырнет. А порой и совсем пропал.

— Надолго?

— Да нет, когда «мессеры» уходили, мы даже рядком при-

страивались. Покурить или пожевать что. А если немецкие патрули клиньями вперед прорывались, то и бой принимали, с успехом даже. В болотах-то немцам тоже нелегко было: на машинах не проедешь. Танки — и те вязли. А болото длиннющее, день за днем все тот же ольшаник да рыжие бочажки. Тут нас ротный и задержал: фрицы, говорит, справа десант выбросили, отрежут от дивизии — тогда конец. Поэтому будем в обход пробиваться. Вот тут Ягодкин и пропал. Дня три или четыре мы еще по болоту блукали — не вижу Ягодкина. Ну, думаю, все, гниет где-то в грязи болотной. Ан нет, когда мы этак к концу пятого дня все же вышли на соединение с дивизией, где повзводно, где поодиночке, глянь — смотрю, Ягодкин впереди меж кочек лежит, от «мессеров» прячется. Только странно очень: мы сквозь мокрые, а он сухой, чуток лишь в торфяной грязи. Когда «мессеры» ушли, я и подполз к Михайле, сел рядышком. Смотрю вблизи — а глаз у меня стреляный, замечающий, — он и совсем сухой, словно где-то у печки обсыхал. «Откуда, — говорю, — ты взялся? Пять дней по этой мокрятине топаем, а тебя нет да нет». — «А я и не уходил никуда, — говорит, — я тут все время с вами бок о бок иду. Поотстал немного, правда, ну а потом нагнал. Ведь десант-то мы все-таки обошли». А я ему в ответ, — не по фене, конечно, по фене он не понимает, — мол, брось мне врать, мы все до нитки промокли, а ты сухонький да чистенький, сразу видно, где пропадал и что делал. В плену ты был, милоч, может, взяли тебя, а может, и сам пришел, только сейчас тебя обратно подбросили. И для чего, тоже понятно. Наш политрук сразу тебя раскусит, да и шлепнет здесь же за милую душу. Взвизгнул Михайла, именно взвизгнул, а не крикнул, и за автомат. Только мы очень близко друг к другу сидели, не мог он в упор меня, а пока с автоматом изворачивался, вырвал я у него автомат, да и прикладом ему два зуба выбил. «Вот я тебя и без политрука шлепну», — говорю. А он в слезы: как дите ревет. «Ну, взяли, — говорит, — с меня подписку, Ключев, силком взяли. Попал я им в лапы, струсил, честно говорю, струсил. А им-то всего и надо: бумажку подмахнуть. Так что мне, подписи, что ли, жалко? Я ведь не обязан им служить. Я лучше Родине послужу». — «Твое дело, — говорю, — лично мне эта военная муть уже надоела. В город приду, сбегу. На воле у меня свои дела есть, да и на воле, Михайла, мы друг другу пригодиться можем. Так что доносить на тебя не буду и убивать не буду, только автоматик твой разряжу. И катись сейчас от меня подальше да на глаза не попадайся, а то передумаю». Вот и всё, гражданин начальник. Ушел он в свою роту, а я в свою. Повоевал еще с годик, а в Ростове сбежал.

С записанным и подписанным рассказом Ключева я возвращаюсь в Москву. На руках у меня свидетельство о том, что еще в первый год войны Михаил Федорович Ягодкин был завербован немецко-фашистской разведкой. Для меня это свидетельство совершенно бесспорно, и вместе с тем я сознаю, что для объективного следственного процесса его мало. Во-первых, даже завербованный иностранной разведкой Ягодкин мог на нее и не работать. И вина его ничем, кроме рассказа Ключева,

не доказана. А во-вторых, на первом же допросе Ягодкин мог вообще опровергнуть этот рассказ как злобное измышление клеветника, мстящего за анонимку. Да и ротный командир Ягодкина, вероятно, тоже не подтвердил бы клюевского рассказа. Я уже предугадываю то, что может сказать генерал, когда положу ему на стол этот рассказ. Вызывает ли доверие сама личность автора как бывшего дезертира и вора-рецидивиста, отбывающего длительный срок заключения за серьезное преступление, и способствуют ли доверию его обвинения? Что я отвечу? Не вызывает, не способствуют, и ротный не подтвердит, и Ягодкин опровергнет. Но для меня эти обвинения были и весомы и убедительны. Я не подсказывал своей версии Клюеву, он рассказал именно то, что происходило в действительности. И пусть его рассказ был мстью за анонимку, я не интересовался психологическими мотивами этой мести, но я нашел наконец тот кончик ниточки, которую нужно было тянуть и тянуть, разматывая весь клубок.

10

Утром прихожу в управление, а Жирмундский уже ищет меня.

— Что-нибудь случилось, Саша?

— Увы, ничего. Наблюдение за Родионовым пока безрезультатно. Ни в дирекции, ни в парткоме на него не жалуются: механик, мол, опытный, работает старательно. С кем общается, говорят, не знаем, в личную жизнь не вмешиваемся. Правда, его сосед по рабочему месту, тоже автомеханик, Мельников по фамилии, чуть больше сказал. «С кем дружит он, товарищ майор, я тоже не ведаю: домами не общаемся. Правда, соображали вместе не раз, после работы, конечно, но друзей тут у Фильки нет. Да и о своих делах у него всегда рот на замке. Пить, мол, с вами пью, а в душу не лезьте. Вот так, — говорит, — товарищ майор, о нашей с вами беседе я, конечно, трепаться не буду, знаю, что не положено, но сказать вам ничего более существенного не могу». Да, пожалуй, и я, Николай Петрович, ничего более существенного к рассказу его не добавлю. В круг Филиных связей еще не проникли, характер его работы на Ягодкина пока неясен.

— Пока, Саша, пока, — вторю я Жирмундскому. — Родионова на зубок взяли? Взяли. Вот что-нибудь да и выяснится. Кстати, генерал у себя?

— В ближайшие дни его не будет.

Внутренне, думаю, я даже доволен. Не будет скептического разговора о ценности привезенного мною документа. Во всяком случае, этот разговор откладывается.

Пожалуй, так даже лучше. Через два-три дня доклад будет полнее. А пока подытожим, что уже найдено.

И я передаю Жирмундскому письменное признание Клюева. Майор читает его, перечитывает, потом долго глядит на меня без улыбки.

— Любопытный документ, — говорит он наконец. — Только вряд ли он обрадует генерала. Хочешь, я подскажу тебе его

слова? — Жирмундский наклоняется над столом, как это делает генерал, и довольно похожим голосом начинает: — Ну, допустим, завербовали тогда немцы вашего Ягодкина, а что дальше? Муть, туман, гипотезы. И при этом только «допустим», потому что свидетельство Ключева недоказуемо, пока не схватили за лапу Ягодкина. И что вообще делает «когда-то завербованный» Ягодкин, кроме протезов в своей поликлинике? — Тут Жирмундский, сыграв генерала, продолжает уже своим голосом: — Я даже знаю, что ты ему скажешь на это. Что у нас есть теперь право на подозрение и несомненный повод для следствия.

— Вот мы и поведем с тобой это следствие, — говорю я. — С чего начнем? Непосредственно с Ягодкина. И проникнем наконец в загадочную для нас область собирательства марок.

— Я уже нашел для этого подходящего парня, — подводит итог Жирмундский. — Старший лейтенант Чачин из отдела полковника Маркова. И с тем и с другим уже согласовано.

— Где же он, твой Чачин?

Жирмундский смотрит на часы.

— Думаю, что сейчас уже в приемной.

— Зови.

В кабинет входит спортивного вида парень лет тридцати, русоволосый и миловидный. Некогда коротко остриженные волосы успели уже отрасти, на верхней губе пушились недлинные блондинистые усы, на щеках у висков обозначились бачки, и очевидная небритость была явно не к лицу нашему ведомству.

— Разрешите объяснить, товарищ полковник, — рапортует он не без смущения. — Я только что с самолета. Вернулся из командировки и даже побриться не успел. Товарищ майор не разрешил, приказал явиться таким, как есть.

Я понимаю ход Жирмундского. Парень нужен нам именно таким, как есть, именно в том же мятом замшевом пиджаке и яркой рубашке без галстука. Но я все-таки спрашиваю:

— Таким и разгуливали в своей командировке?

— Для маскировки, товарищ полковник.

— Разрешаю побриться. Но усов и бачек не трогайте. И не стригитесь. Так вот, с этой минуты вы поступаете в наше распоряжение. В свой отдел пока не возвращайтесь, все уже согласовано.

— Есть, товарищ полковник.

— Называть меня можете Николай Петрович. И не стойте как перст. Садитесь. Говорят, вы марки собираете?

По глазам вижу, что он ничего не понимает.

— Со школьных лет, Николай Петрович. Только в университете всю коллекцию обновил и скорректировал.

— Что значит «скорректировал»?

— Тематически. Собираю русские марки, дореволюционные. А советские — только об авиации.

— Хорошую коллекцию собрали?

— Говорят, хорошую.

— Кто говорит?

— Собиратели.

— Вот мы и хотим ввести вас в этот круг, а конкретнее — в Общество филателистов.

— А я давно уже член общества. Даже на выставку марок в Ленинской библиотеке кое-что из моей коллекции взял.

Я развожу руками.

— Засвечен твой кандидат, майор. Со старта засвечен.

Сообразительный Чачин сразу же понял меня и опережает с ответом Жирмундского:

— В обществе не знают, где я работаю.

— Это точно?

— Я никогда никому о работе не говорил, да там и не интересуются, где кто работает. Только и речь, что о марках да выставках.

— Так в анкете же есть все данные.

— А я вступал в общество, когда еще в университете учился.

— На юридическом, — говорю я Жирмундскому. — Нам это может и помешать. Куда идут с юридического?

— Нет, — радостно улыбается Чачин: он уже понял смысл моей реплики, — я тогда на филологическом был. На юридический перешел после первого курса.

— Часто бываете в обществе?

— Больше в марочных магазинах и на почте — там у меня есть знакомая девушка, которая подбирает для меня марки, только что выпущенные. А в обществе не был с того дня, когда мою коллекцию на выставку отобрали. Она и сейчас там висит.

— Теперь будьте в своем собирательстве несколько пошумнее. И общайтесь с марочниками. У вас свободные деньги на марки есть?

— Для только что выпущенных много не нужно, а на редкие я все сбережения ухлопал. Уже магь жалуется.

— Вы женаты?

— Холост.

— Отлично. Если в связи с заданием возникнет необходимость в женской компании, не уклоняйтесь. Вас как зовут?

— Сергей Филиппович. Чаще Сережей.

— Значит, Сережа Чачин. Это и будут ваши позывные для связи. Никаких званий! В комитете больше не появляйтесь. Будем встречаться у майора — он тоже холостяк. А поскольку мы вас отправляем в командировку...

— Куда, Николай Петрович?

— В Москву. В общество собирателей марок, где бы они ни собирались. Говорите всем, что в отпуск не поехали, а отпускные пустили на пополнение коллекции. А если спросят, где вы работаете, скажете, что у одного профессора. У вас есть приятели среди собирателей? Ну и отлично. Похвастайте, что в скором времени поедете туристом в какую-нибудь капитанскую страну — поохотиться за марками. Редкие марки вам, мол, для обмена пригодятся. А задание ваше состоит в том, чтобы этот разговор дошел до некоего Ягодкина.

— Знаю его.

— Знакомы?

— Нет. Видел недавно на выставке марок в Ленинской библиотеке. Потом ребята говорили о его выставочной коллекции. Редчайшее собрание марок, связанных с историей полярных исследований.

— А можно, скажем, такую коллекцию за год собрать?

— Сомнительно. Очень большие деньги нужны. И связи.

— Вот и узнайте все, что сможете, об этом собирателе. Только делайте это неназойливо и незаметно для него. С кем общается среди коллекционеров, кто помогает ему в его собирательстве. Добейтесь личного знакомства и сделайте так, чтобы это знакомство было случайным. В общем все.

11

В субботу мы едем в стоматологическую поликлинику. Она закрыта по воскресеньям, а суббота — неприемный день, когда из медицинского персонала дежурит только одна медсестра на случай экстренного вызова стоматолога на дом. И суббота — единственный день, когда мы без помех можем проверить клиентуру Ягодкина.

Предварительно договариваемся с директором, просим назначить дежурной опытного, давно работающего здесь человека, способного оказать нам помощь. Директор сразу же объясняет, что дежурит в субботу именно такой человек — старшая медсестра Корнакова, и робко спрашивает, нужно ли ему тоже быть в поликлинике. Мы поясняем, что в этом нет необходимости.

В поликлинике нас встречает директор — не удержался все-таки, приехал полюбопытствовать — и дежурная медсестра Корнакова, похожая на строгую учительницу старших классов. Она же и открывает нам дверь.

Здесь непривычная для поликлиники пустота. Нет обычной суеты в коридорах. Тихо. Не звонят телефоны. Не мелькают белые халаты врачей.

Нас четверо — меня и Жирмундского сопровождают старшие лейтенанты Строгов и Ковалев. Все в штатском, что, по моему, даже озадачивает директора.

— Целая делегация, — недоумевает он. — Чем обязан?

— Ничем, — говорю я. — Ваше разрешение ознакомиться с картотекой пациентов поликлиники мы уже получили по телефону. А сейчас, собственно, и начинается наша работа.

— Это же бездна работ. А могу я спросить: зачем?

— Спросить можете. Нас, в частности, интересуют некоторые пациенты доктора Ягодкина.

Глаза у директора круглеют, он даже руками всплеснуть готов.

— Михаила Федоровича! Так ведь он лучший протезист поликлиники. Самый честный и добросовестный. Только зарплата и никаких «левых» заработков.

— Нас не интересуют ни левые, ни правые заработки ваших врачей вообще и Ягодкина в частности. Мы ни в чем его не обвиняем. Нам нужен не он, повторяю, а кое-кто из его пациентов. Никто, кроме вас и товарища Корнаковой, не должен знать об этом и тем более Ягодкин. Незачем бросать

даже малейшую тень на врача, репутация которого вне подозрения.

Один вопрос, — останавливаю я уже уходящего директора, — а бывают у вас случаи приема без регистрации?

— Нет, конечно. «Леваков» мы не держим. Наши протезисты, особенно Ягодкин, работают на износ. Усердно и доброкачественно. Никаких претензий к ним не имею.

Я тихо беседую с Корнаковой.

— Это все из-за того иностранца? — спрашивает она.

— Отчасти, — говорю я.

— Так он как раз и не был зарегистрирован.

— Увы, это ему не помогло.

— А все остальные у Ягодкина только наши, советские.

— И среди них могут быть люди с нечистой совестью.

— Николай Петрович, — зовет меня Жирмундский. —

Взгляните на эту карточку.

Карточка выписана на имя Немцовой Раисы Яковлевны, 1944 года рождения. Протез верхней челюсти: мост и две коронки.

— А что, собственно, вас заинтересовало, майор?

— Обратите внимание на место работы.

«Научно-исследовательский институт им. Жолио-Кюри».

— Ядерные дела-делишки, — усмехается Жирмундский. — Я знаю этот институт. — Он щелкает по картонному переплету медкарточки. — Кстати, и другая любопытная деталь: живет эта дамочка в Сокольническом, а не в Киевском районе. Записать?

— Пиши.

Мы отбираем еще четырех человек. Жирмундский, подсев ко мне, читает вслух:

— «Ермаков Иван Сергеевич. Сорок пять лет. Научный работник НИИ твердых сплавов. Диагноз: протезы верхней и нижней челюстей».

— А живет посмотрите-ка где? На Ленинском? Где имение, а где наводнение.

— Дальше.

«Шелест Яков Ильич, — читает Жирмундский, — двадцать девять лет. Переводчик Советского комитета Международного совета музеев», — перелистывает карточку. — Был в январе и феврале с диагнозом: две коронки и мост верхней челюсти. Тоже в другом районе живет. «Лаврова Ольга Андреевна. Двадцать три года. Модельер Дома моделей». Живет в Киевском районе, но была только один раз в феврале этого года. Диагноза нет... Вот еще один: «Челидзе Георгий Юстинович. Тридцать два года. Работает по договорам, как художник». Смотри-ка: в поликлинике бывает даже чаще, чем этого требует диагноз. И тоже не из Киевского...

Я возвращаю карточку сестре.

— Почему не записан диагноз?

— Бывает, — отвечает та. — Может, забыл Михаил Федорович или, что всего вероятнее, больной просто не потребовалась помощь протезиста.

— Так почему же она записана к Ягодкину? В карточке нет ни одной записи лечащих врачей.

Корнакова недоуменно пожимает плечами. Пожать плечами приходится и мне, но у меня еще есть вопросы.

— А почему эти четверо зарегистрированы у вас? — Я показываю ей карточки Немцовой, Ермакова, Шелеста и Челидзе. — Ведь ни один из них не проживает в вашем районе.

— Мы делаем это в особых случаях с разрешения директора.

— Так почему же он разрешает?

— Он не всегда разрешает. Смотри какой врач просит. А Михаилу Федоровичу никогда не отказывает.

— Значит, все они записаны по просьбе Ягодкина?

— Точно.

Мы уезжаем. Улов невелик, но и это обнадеживает. Все пятеро выбраны Ягодкиным или по материальным соображениям, или с какой-то другой, пока еще неизвестной целью. Ее-то и необходимо выяснить. Как? Об этом мы размышляем уже на работе.

— Немцову думаю пока не беспокоить. Сначала выясним кое-какие детали ее биографии за последний год, — предлагает Жирмундский, — ее поведение на работе, область работы, близость к руководству или к секретным материалам института и, главное, что ее связывает с Ягодкиным. Роман или деловое сотрудничество?

— Резонно, — соглашаюсь я, — а Лаврову вызовем?

— Девчонка, фифочка. Может и проболтаться, — сомневается Саша.

— Опять резонно. Вопрос о Лавровой пока отложим.

— А трое мужчин — Челидзе, Шелест и Ермаков? Может быть, поискать их среди аристократов филателии? Передадим-ка розыски Чачину.

Мне не хочется «засвечивать» Чачина. Ведь любая, даже неофициальная, справка его в канцелярии Общества филателистов может вызвать ненужное любопытство и разговоры. А задача у Чачина другая: незаметно вживаться в круг собирателей, стать в нем своим, примелькнувшимся парнем, нащупать подходы к Ягодкину и вдруг да и учуять что-то по-стороннее, не имеющее отношения к страсти коллекционера и его практике собирательства.

— Нет, — говорю я, — Чачина трогать не будем. Справимся об этих троих сами в канцелярии общества.

Нахожу телефон. Звоню. Отвечает женский голос. Прошу передать трубку кому-нибудь из руководителей общества.

— А никого нет. Я тут одна за всех и две девочки из типографии. Просматриваем эскизы новых марок, — отвечает тот же вежливый голос. — Что вы хотите?

— У вас есть под рукой список всех московских членов общества?

— Он у меня в столе.

— Запишите три фамилии, только не повторяйте их вслух, — диктую я, — и посмотрите, нет ли их в вашем списке. Я подожду у телефона.

Из положенной секретарем трубки доносится чуть приглушенный расстоянием другой женский голос: «Кто это говорит, и чего ты мечешься?» И тут же голос телефонной хозяйки:

«Отстань, не твое дело». Минуту спустя тот же голос адресуется уже ко мне:

— Есть двое. Кроме Ермакова. А вы откуда говорите? — наконец-то интересуется девушка.

— Из газеты, — говорю я. — Есть задача: рассказать нашему многомиллионному читателю о филателистах. Очень он исстрадался без этого, многомиллионный читатель.

— Действительно важная задача, — смеется девушка.

Задача и вправду важная — наша задача, — но до ее решения пока далеко. Еще только формируются ее условия. Что дано и что надо найти. Мы знаем или, вернее, предполагаем, что надо найти, но дано нам для этого еще очень мало. Правда, мы узнали, что Ягодкин в пятницу ездил на станцию технического обслуживания, где встречался с механиком Родионовым, потом толкался среди собирателей марок в магазине на Ленинском проспекте и заехал этак часам к пяти в кафе «Националь» — пообедать. Обедал он не один, а с молодым грузином или армянином, чем-то похожим на майора Томина из телевизионных «Знатков». За столом они ничего друг другу не передавали, просто обедали, равнодушно, пожалуй, даже лениво, переговариваясь. А в ночь с пятницы на субботу Ягодкин ночевал в доме номер один на улице Короленко.

Именно в этом доме, как выяснилось сегодня, живет Немцова.

12

Чачин вышел из дому с волнующим и чуточку пугающим ощущением новизны своей роли.

Московское летнее утро всегда чудесно. Улицы чисты — только что прошли поливные машины, и асфальт, впитавший влагу, чуть потемнел. Лакированные бока автомобилей сверкали на солнце всеми цветами спектра. Прохожие не спешили — работа уже началась, и толкотня мешала только на перекрестках. Даже цветастые летние платья женщин казались Чачину почему-то ярче обычного.

Чачину только что позвонил полковник Соболев и уточнил задание. Есть два человека — он назвал их, указав имена и возраст: Шелест Яков Ильич двадцати трех лет и Челидзе Георгий Юстинович, которому перевалило за тридцать. Оба — члены Общества филателистов, и все как-то связаны с Ягодкиным. Задача, как сформулировал ее Соболев, установить характер этих связей. Основная цель остается прежней: искать подходы к Ягодкину, возможность знакомства с ним и, если удастся, проникнуть в окружающую его компанию.

Что влекло Чачина в этом задании? Оперативная самостоятельность, возможность импровизации и поиска собственного решения в любой непредвиденной ситуации и, не исключено, риск.

Чачин знал, куда идти. По Калининскому проспекту через Арбатскую площадь к колоннам Ленинской библиотеки, где

на втором этаже в двух больших залах была развернута выставка лучших коллекций марок. Там нашлось место и для чачинского картона с полной серией, посвященной спасению челюскинцев, с портретами первых Героев Советского Союза, с марками, выпущенными в честь перелетов Чкалова и Громова из Москвы через полюс в Соединенные Штаты. А начинали картон несколько дореволюционных земских марок, считающихся особенно ценными у филателистов-любителей. Чачин жалел, что задание полковника Соболева было получено накануне закрытия выставки, а не перед вернисажем, где он сразу же встретил бы всех московских любителей почтовой марки. Не только своих знакомых, но и названных Соболевым коллекционеров, и, вероятно, даже самого Ягодкина.

Ягодкин собирал все связанное с полярной почтой, начиная с первых исследований Арктики и Антарктики, с экспедиций Пири и Нансена, Амундсена и Нобиле. Собирал он и почтовые штампы русского Севера, и образцы полярной авиачты. Имелся у него и знаменитый папанинский блок, посвященный советской дрейфующей станции «Северный полюс». Блока этого у Чачина не было, и он с удовольствием выменял бы его у Ягодкина: у такого коллекционера наверняка имелись и дубликаты. «Вот и подходящий случай для знакомства, — думал Чачин, — деловой повод для дружеского разговора двух коллег-филателистов, а если повезет, то и для дальнейшего общения, даже если обмена не будет».

Посетителей на выставке было мало, знакомых среди них Чачин не нашел, но внизу, в курилке, сразу же встретил двоих с классерами — Верховенского и Находкина. Особого восторга коллеги не проявили, но встретили по-дружески.

— Тыщу лет! Где пропадал?

— В Москве. Где же еще?

— И пустой пришел. Ничего нет для обмена?

— Он на свою коллекцию полюбоваться пришел.

— Моя коллекция висела и висит. Я на другие люблюсь. Мне папанинский блок покоя не дает. У вас нет, случайно?

— Чего нет, того нет.

— У Ягодкина под стеклом красуется, — вздохнул Чачин. — Можег, и дубликат есть. Сменять бы!

— Нашел у кого. Корифеи с нашим братом не меняются. Он свои марочки по заграницам ищет. Привозят ему доброты.

— Пижоны, — сказал Чачин. — Какой любитель, если он настоящий, а не пижон, будет для чужого стараться? Вот я через месяц-другой поеду, так прежде всего для себя пошщу что получше.

— Куда поедешь?

— В Стокгольм или в Западную Германию.

— В командировку?

— Туристом. Мой профессор путевку обещал.

— Какой?

— Я у него секретарем работаю.

— Ты же филолог.

— А что, по-вашему, учителем русского языка в школу идти?

— Что верно, то верно. Учитель такой путевки не слопочет. Только тебе-то зачем? Ты же русские марки собираешь.

— А для обмена.

— Тебя надо с Яшкой Шелестом познакомить.

— Шелест сейчас в Одесском порту сидит. Ему со всего Средиземноморья марки везут, — сказал Находкин.

Чачин умышленно не проявил интереса к Шелесту.

— Если найду что-нибудь стоящее в поездке, сам подыщу, с кем махнуться.

— Его бы с Жоркой свести, — предложил Верховенский. — У него нюх на туристов. Знаешь Жорку Челидзе?

— Не знаю, — сказал Чачин, насторожившись: в первый же день повезло.

— Да ты его, наверно, сто раз видел. Этакий Томин из «Знатоков». Его даже гаишники не штрафуют — так похож.

— А где ж я его найду?

— Угостишь пивом — найдем.

В пивном баре Центрального парка культуры и отдыха было, как всегда, людно. Но свободный столик нашелся. Именно там и сидел похожий на артиста Каневского невысокий плотный грузин.

— Знакомьтесь, — сказал Находкин. — Жора Челидзе. Сережка Чачин. Коллеги-марочники.

— Гоги, — поправил его Челидзе, — хотя меня все здесь почему-то Жорой зовут. Я уже привык.

Говорил он по-русски чисто, без акцента, как москвич, выросший где-нибудь на Покровке или на Сретенке.

— Я видел вашу коллекцию на выставке, — сказал он, пронзив Чачина чуть-чуть прищуренными глазами. — Ценные у вас эти земские марочки. Дорого платили, не секрет?

— Он по году на марку наскребал, — хохотнул Находкин. — Ты лучше скажи ему, где в Западной Германии марки покупать.

— Почему в Западной Германии? — поинтересовался Челидзе. Особого удивления он при этом не проявил.

— Так он как раз туда собирается.

— В командировку?

— Нет, простым туристом.

— А когда?

Чачин ответил, как и час назад Находкину:

— Через месяц-другой. Когда группа оформится.

Челидзе вежливо улыбался, не проявляя любопытства к беседе. Но ответить на вопрос Находкина он все же считал нужным:

— Марки в Западной Германии можно покупать где угодно. Почтовые в любом газетном киоске, а коллекционные в специализированных магазинах. В каждом городе найдется магазинчик, рассчитанный на филателистов. Ну а более точные адреса найдем, когда выяснится ваш маршрут. Они есть и в каталогах, и в специальных журналах. Время терпит.

— Почему это оно терпит? Или у вас его слишком много? — послышался позади грудной женский голос.

К столу подходила девушка с оттенком какой-то нерусской, скорее цыганской прелести в худощавом лице, с ко-

ротко подстриженными волосами и большими гранатовыми серьгами в ушах.

— Что-то вас слишком много, мальчики, — сказала она, протискиваясь между стульями.

Челидзе встал.

— Самое главное, я здесь, Лялечка. И давно жду.

Чачин тоже встал, пропуская девушку на место рядом с Челидзе. На своих очень высоких каблуках она была ниже его всего на несколько сантиметров, а он измерялся сто восьмьюдесятью с гаком.

— Познакомьтесь, — сказал Челидзе, — Лялечка. Она же Оля. Фамилия несущественна, место работы тоже несущественно, а существенны только ее внешность и острый язык, с которыми вы сейчас познакомитесь.

— А что у вас существенно? — отпарировала она. — Жорку я знаю: он немногого стоит. А вы кто? Верховенский? Что-то из Достоевского...

— Я только однофамилец его героя, синьора. Скромный однофамилец.

— Инженер, наверно?

— Угадали.

— А я маляр, — сказал Находкин. Он был художником-плакатистом в одном из больших московских кинотеатров.

— Это уже интереснее. Когда-нибудь я приглашу вас побелить потолок у меня на кухне. А вы что молчите? — обернулась она к Чачину.

— Вы не спрашиваете.

— А если спрошу?

— Разве это существенно, Лялечка? Кто есть кто. Здесь собрались рыцари одной страсти, поклонники одной богини, которой на Олимпе не было.

— Это почтовой марки, что ли? Тоже мне богиня! Неужели нет на свете ничего интереснее?

— Многое есть, Лялечка. Например, девушки. Утренние рассветы на университетской набережной, когда любимая рядом. Томление чувств. Трепет желаний. Хочется, хочется голубых лугов. Хочется, хочется стать быстрее постарше. Рано или поздно приходит к нам любовь, но лучше все-таки, если бы пораньше.

— Пошловато. Ваше?

— Нет, это я спер из популярной песни.

— А поп-музыку любите?

— Не очень. Я любитель старомодной классики.

— Тогда мы вас перевоспитаем, — оживилась Лялечка. — Правда, Жора, его стоит перевоспитать? Вроде хороший мальчик...

— Отчего же нет? Попробуем.

Чачин ощутил кинжальный удар прищуренных глаз.

— Ну а теперь начнем треп, мальчики, — резюмировала Ляля, явно считая молчание Челидзе знаком согласия с чачинским перевоспитанием. — Просто треп. За жизнь. Начали.

И все начали. За жизнь так за жизнь. Ни о марках, ни о закрытых компашках, ни о преодолении музыкальной старо-

модности Чачина. Никто его ни о чем не спрашивал, и он никого ни о чем не спрашивал. Просто смеялся, острил, читал Евтушенко и Ахмадулину, с удовольствием внимал комплиентам Ляли по адресу его голубых джинсов со звездно-полосатой нашлепкой на кармане, хохотал над анекдотами Находкина и даже с Жорой в общении был уже на «ты».

А в душе его пела сказочная жар-птица удачи. Голоса ее за столом в пивном баре никто не слышал, но он, этот голос, непременно достигнет полковника Соболева, потому что удачу полковник предвидел и запрограммировал, выбрав именно Чачина для такого задания. В том, что есть все-таки великий бог телепатии, старший лейтенант уже не сомневался.

13

Об удаче Чачина я узнаю от него самого вечером на квартире у Саши Жирмундского. Мы слушаем внимательно, не перебивая, а старший лейтенант все рассказывает и рассказывает — оживленно, несбивчиво, даже с какой-то подчеркнутой красноречивостью. Я замечаю иногда, как Жирмундский настораживается: видимо, о чем-то хочет переспросить, но сдерживается, позволяя Чачину без помехи закончить повествование.

— Ты в университетской самодеятельности никогда не участвовал? — спрашивает Жирмундский.

— Нет, а что? — удивляется Чачин.

— Занятно рассказываешь. Профессионально. Вылитый Ираклий Андроников.

— Смеетесь, Александр Михайлович, — смущается Чачин. — Рассказал как рассказалось. А вы чему улыбаетесь, Николай Петрович?

— Твоей удаче, Сережа, — говорю я. — Твоему умению ее использовать, ну и твоей способности так картинно о ней рассказать. Теперь все видно, что ясно и что неясно.

— Прежде всего ясно, что Ягодкин за границу не ездит, — уточняет Жирмундский. — За границей обменивают марки его контрагенты. Что стоит провезти в бумажнике десяток новеньких или гашеных марок? Невинная вещь. Как значки — никакая таможня не придерется. Но в таком случае марки могут играть и другую роль. Это может быть и обмен информацией, специально закодированной, конечно. Во-вторых, за границей у них есть и адреса для обмена. Так?

Чачин подтверждает:

— Так. Челидзе обещал сообщить мне адрес, как только поездка будет оформлена.

— Значит, Ягодкин может клюнуть на байку о поездке. Тут даже не возможность, а вероятность.

— Ягодкин — не знаю, а Челидзе, по-моему, клюнул. Он так изучающе глядел на меня, словно подсчитывал, стоит ли использовать меня в этой поездке или не стоит. Оттого он сразу и не сообщил «обменного» адреса. Ждет визы Ягодкина.

— Во-первых, интерес твоего Жоры мог тебе и почудиться. А во-вторых, если ты прав, Ягодкин может и не завизиро-

вать, — размышляет Жирмундский. — Зачем приобщать к игре новичка, когда есть игроки проверенные?

Я тут же подключаюсь к диалогу:

— А почему бы и не приобщить, если новичок полезен? Чачина они, конечно, проверят, но проверка нам не страшна: он надежно прикрыт. Обрати внимание на то, что Чачина уже хотят «приобщить к перевоспитанию». Лялечке он понравился.

— Джинсы мои ей понравились. Так и сказала: они импортируют.

— Ты ей импортируешь, мужичок. Не скромничай. Стихи любишь, музыку слушать будешь — ну «поп» или не «поп», все равно. Танцевать тоже умеешь. Угадал? Угадал. Симпатичных молодых людей в их компании, полагаю, не так уж много. С одним Челидзе не развернешься. Может быть, Шелест еще? Все равно мало! А Лялечка молодая. Ей «умные» разговоры и застолье скучны.

— Так Шелест в Одессе сейчас.

— Откуда знаешь?

— Верховенский или Находкин, словом, кто-то из них сказал, что Шелест сейчас в Одесском порту со всего Средиземноморья обещанных марок ждет.

— Значит, это надо понимать так: Шелест, мол, ждет возвращения из средиземноморского рейса советского судна, на котором кто-то из команды или пассажиров привезет ему какие-нибудь марки. И может статься, что не для себя он ждет этих марок. Не только для себя. Уверенности в этом у меня, конечно, нет, но возможность такую исключать не надо. Вполне допустимо, что в Черноморском пароходстве найдется один-другой филателист, который не сочтет для себя трудным делом оказать столь пустяковую услугу Ягодкину. Ну отвез новые советские марки, обменял их в каком-нибудь филателистическом магазинчике на марки Замбии или Гвинеи — плевое дело. Одолжение за одолжение. Ягодкин ведь не останется в долгу. Ну а у Ягодкина, как и положено, количество переходит в качество: чем больше контрагентов и чем чаще их сменяют, тем меньше опасность провала.

— Кстати, как фамилия Лялечки? — интересуется Жирмундский. — Не Лаврова ли?

— Ее зовут Ольга, но фамилии я не знаю, хотя и обменялся с ней телефонами.

Когда Жирмундский, проводив Чачина, возвращается в комнату, я говорю:

— Лаврову пока проверять не будем. Лучше всего поручить это Чачину. Особенно если зовут ее Ольга Андреевна. С Чачиным она будет откровенна и не спугнет Ягодкина. Пусть Чачин к ней присмотрится. Ему виднее. А начнем с Ермакова. Он не филателист и с Ягодкиным не марками связан.

— Может оказаться и так, что его отношения с Ягодкиным исчерпываются всего парой пластмассовых челюстей.

— Может. Тем лучше и для него, и для нас. А заводил побережем напоследок.

— Челидзе и Немцову?

— Немцова может быть ключевым свидетелем. Больно уж ее институт заманчив для любой иностранной разведки. Шелест, пожалуй, только комиссионер в марочном «бизнесе». А Челидзе и Родионов — это явные приближенные Ягодкина. Его фавориты. Я лично думаю, что к деятельности обоих примешивается уголовщина...

14

Ермаков прибывает ровно к одиннадцати утра. Пунктуальный человек. Время он выбрал сам как наиболее для него удобное. Но, судя по его внешнему виду, ему сейчас не до удобств. Графически его внешность можно было бы выразить как один большой вопросительный знак.

— Садитесь, Иван Сергеевич, — говорю я, указывая ему на кресло. — Меня зовут Николай Петрович. Будем знакомы.

— Не вижу повода для знакомства, — ершисто начинает он.

— Повод есть, Иван Сергеевич. Живой повод. Есть среди ваших знакомых человек по имени Ягодкин Михаил Федорович?

Ермаков, недоуменно моргая, вспоминает. Я вижу, что он не притворяется, действительно вспоминает.

— Был, — наконец говорит он.

— Почему же в прошедшем времени?

— Потому что знакомство прекращено и более не поддерживается.

— Вот и расскажите нам всю историю вашего знакомства, как оно началось и закончилось.

Ермаков, пожав плечами, начинает рассказ:

— Познакомились мы с ним в ресторане Внуковского аэропорта, когда оба одним рейсом летели в Одессу. Было это около года назад. Пообедали, разговорились. Я, каюсь, похвастался предстоящей мне в этом же месяце служебной командировкой в Западную Германию, он скромно сказал, что в заграничные командировки не ездит, служба, мол, не связана с этим: работает стоматологом-протезистом в зубной поликлинике Киевского района. Я, честно говоря, обрадовался: давно ищу хорошего протезиста. А он сразу же утешил, пообещав мне, что сделает все, что нужно, по возвращении из Одессы. За три дня сделает так, что я с новыми зубами за границу поеду. И действительно сделал. До сих пор ношу как влитые, ничего не подгоняя, не передельывая.

Ермаков улыбается, обнажая жемчужно-белый оскал зубов.

— А сколько он взял с вас? — интересуюсь я.

— Представьте себе, ничего лишнего. По государственным нормам взял, счет в регистратуре выписали. Только об одном одолжении попросил: услуга, говорит, за услугу. Признался, что филателист он, давно уже собирает марки, преимущественно связанные с полярной тематикой. А в ФРГ, в Кёльне, у него есть коллега-коллекционер, который советские марки собирает и которому он с охазией посылает новые, только что выпущенные. Почему с охазией, удивился я, не проще ли переслать заказным письмом по нужному адресу? Оказывается,

что не прощю. Были случаи, когда марки пропадали и к адресату приходили пустые конверты. Я сослался на то, что в Кёльне не буду, но его это не смутило. Он предложил мне послать марки по кёльнскому адресу из любого города ФРГ по тамошней внутренней почте. Он мне и марки дал вместе с адресом, новые советские марки с портретами космонавтов, чистые, без единой отметины: я их внимательно осмотрел.

— Адрес вы помните? — спрашиваю я.

— Забыл и дом и улицу. Помню только адресата. Филателистический магазин Кьюдоса.

Кьюдос, Кьюдос... Что-то знакомое в этом имени.

А он молчит. Только недоумение в нем сменяется растерянностью.

— Я понимаю, конечно... но вы, надеюсь, не обвините меня в том...

— Мы вас ни в чем не обвиняем, Иван Сергеевич, — перебиваю я его. — Мы уже выяснили что нужно. Можете спокойно возвращаться на работу. Давайте ваш пропуск.

Он протягивает мне пропуск. Рука его при этом дрожит.

— И не огорчайтесь, Иван Сергеевич, — добавляю, подписав пропуск. — Не из-за чего вам огорчаться. Полагаю, вы никому не сказали о вызове к нам?

— Никому. Жена и дети на даче. Я один.

Он уходит нетвердой походкой, словно чего-то недопонял, не предугадал. Что я скажу о нем? Человек совершил ошибку, не вдумываясь в ее скрытый смысл. Доверился преступнику... Стоп!.. Мы еще не доказали, что Ягодкин преступник. Мы только ищем доказательства. Любое дознание — это логический процесс, в котором из верных посылок делается единственный непреложный вывод. У нас же спорные посылки и спорные выводы. Чтобы сделать их бесспорными, мы как бы опрокидываем дознание вверх тормашками и начинаем с несомненности и непреложности окончательного вывода. Для этого надо найти лишь такие верные и бесспорные посылки. Найдем ли?

15

Чачину повезло: позвонила Лялечка и пригласила в гости к Ягодкину. При этом пояснила, что собираются все к восьми часам, а Чачину лучше прийти на полчаса раньше: Михаил Федорович хочет познакомиться с ним не при людях за столом, а наедине, о марках поговорить без помех.

Знакомясь с Ягодкиным в передней — тот сам открыл ему дверь, — Чачин не суетился, не краснел. Он скромно и почтительно назвал себя: «Чачин Сережа. Очень благодарен вам за приглашение, Михаил Федорович». И сказал это, не теряя самоуважения, с расчетом, что Ягодкин это поймет и оценит как почтительный интерес неопита филателии к ее корифею, однако неопита, не оставляющего надежды этим корифеем стать.

И Ягодкин, должно быть, именно так и понял его, когда, чуть улыбнувшись, сказал:

— Спасибо, Сережа. Проходите прямо в кабинет.

Кабинет выглядел скромно, без деревянных резных, костяных или керамических украшений, без бронзы и свечей в диковинных подсвечниках — только полки с книгами, письменный стол и вертящаяся этажерка с энциклопедическими словарями: общим трехтомным, медицинским, географическим, литературными, даже дипломатическим, который Чачин до сих пор и в глаза не видел.

— Интересуетесь коллекцией? — усмехнулся Ягодкин, когда Чачин, равнодушный к книгам, внимательно разглядывал переплеты. — Она вон на тех двух полках за столом, видите классеры в желтых кожаных переплетах? Но знакомиться с ней будете потом. Может быть, даже в другой раз, а сейчас давайте знакомиться сами. Знаете, как филателисты говорят: познай самого себя, познай друга, а потом уже раскрывай перед ним свои сокровища. Впрочем, не только филателисты. Это я к нашей страсти восточную мудрость приложил.

— Я часть вашей коллекции уже видел, — сказал Чачин. — У вас есть и то, чего мне не хватает, хотя серьезность у меня другая.

— А именно? — поинтересовался Ягодкин.

— В серии Героев Советского Союза у меня не хватает кое-каких полярников. Может быть, у вас есть дубли?

— Дубли есть, — усмехнулся Ягодкин, — только давайте не о дублях. И вообще не о марках — давайте о вас. Где учились, что кончили?

— Филологический.

— А как с работой?

Чачин засмеялся.

— Сейчас будете удивляться: филолог и вдруг на административной работе. Именно так. Секретарь-референт у одного профессора.

— За границу не по делам едете?

— Не по делам. Скорее как отдохновение от дел. Это мне начальство прогулку устраивает. К западным немцам...

Раздался звонок. Ягодкин побежал открывать. В передней послышались голоса, смех. В кабинет заглянула волоокая Ляля.

— Наш интеллеktуал уже здесь. Сюда, ребята.

Среди гостей, кроме Жоры и Лялечки, было двое Чачину незнакомых. Одного из них все называли Филей. Он был мясист, жирен, нос так и лоснился, а стриженная под бокс голова была посажена на квадратные плечи без всяких признаков шеи. Про таких обычно говорят: «речами тих, зато очами лих». Другой представился Чачину как Яша Шелест, именно Яша, а не Яков.

Застолье было обильным и блистательным по своему географическому разнообразию. Московские жареные пирожки, еще теплые, высились горкой возле наструганной сибирской рыбы, астраханская осетровая икра соседствовала с владивостокской кетовой, сардины из Марокко теснились рядом с исландской сельдью в винном соусе, а швейцарский сыр подпирал сбоку финскую колбасу. И бутылки с вином также разбегались по столу, как по географической карте. Шампан-

ское из Абрау-Дюрсо и коньяк из Армении, массандровский портувейн и рижский бальзам, и даже пиво в круглых жестянках из магазина «Березка». Чачин зажмурился — не застолье, а банкет у Репетилова, где, как принято: «шумим, братец, шумим!»

Он так и сказал об этом вслух, как шутку, конечно, чтобы никого не обидеть. Но никто и не обиделся: «Горе от ума» здесь не помнили, а может быть, и не знали, за столом крутилась, как магнитофонная лента, бессмыслица восклицаний и тостов, плоских острот и анекдотов, иногда даже с матом — втихаря на ухо, отчего Лялечка взвизгивала и была рассказчица по рукам. Действительно, «шумели, братец, шумели». Только Ягодкин помалкивал по-хозяйски: зачем же барину шуметь, пусть дворня радуется. Иногда Чачин ловил на себе его взгляд, внимательный и пытливый. Лялечка дарила его вниманием, и это, по-видимому, заметил и Ягодкин. Нельзя сказать, чтобы это не радовало Чачина: Лялечка была в тот вечер очень эффектна: с модной прической — только что от парикмахера! — и большими бриллиантовыми серьгами в ушах.

— Нравится девочка, а? — усмехнулся Ягодкин.

— Не менее, чем ее серьги, — сказал Чачин.

— Серьги действительно ей очень идут. У Жоры хороший вкус, — добавил Ягодкин как бы мимоходом, мельком, но явно с расчетом, чтобы Чачин понял, «кто есть кто».

— Жаль, что у нас сейчас только одна дама и, увы, не моя, — отозвался Чачин.

— Я не ревнив, — сказал Жора.

Чачин не принял вызова и промолчал. А Лялечка тотчас же спросила у Ягодкина:

— Кстати, действительно, по какой причине я одна вас развлекаю? А почему Раечки нет?

— У нее совещание сегодня вечером, — сказал Ягодкин.

Чачин не замедлил откликнуться:

— Бедняжка! Мы тут шампанское пьем, а она где-то...

— Не затрагивайте больше этой темы, — шепнула ему. на ухо Лялечка. — Слышите?

Ягодкин тотчас же насторожился.

— Шептунов на мороз, — сказал он, не скрывая повелительной формы обращения. — О чем это ты изволила шептаться с соседом?

Лялечка не растерялась.

— Я изволила сказать ему, что Рая гораздо красивее меня и что ему особенно стоит пожалеть об ее отсутствии.

— Это можно было сказать и вслух.

Ягодкин улыбнулся при этом, но даже улыбка не смогла вновь пустить в ход остановившуюся пластинку застольной бессмыслицы. Возникла пауза. И сейчас же ворвался в нее хрипловатый говорок Шелеста, казалось, только и ждавшего случая рассказать всем то, что он не успел досказать сидевшему рядом Жоре.

— Значит, так... И вам, Михаил Федорович, будет интересно послушать. Я вам марки от Кирилла из Одессы привез. А сказал не все — не успел.

— Не тяни, — оборвал его Ягодкин.

Но Шелеста это не смутило. Язык у него уже заплетался, он захмелел и, приговаривая, все время тыкал вилкой куда-то мимо тарелки. Ягодкин, как показалось Чачину, смотрел на все это с плохо скрытой тревогой, видимо, не решив: остановить болтуна или подождать, что он еще скажет. А Шелест, глотнув коньяка из недопитого бокала, продолжал за притихшим уже столом:

— О чем я? О марках этих самых... Все восемь новеньких с белыми медведями теперь у вас. А я еще не сказал вам о механике. Да. С механиком Кирилл и ходил за ними. Кирилл обменивал, тот покупал. Одиннадцать штук из свободной Африки. Из Киншасы такая... пальчики на пяточке будут лизать от зависти. А я с Кириллом к этому механику пошел и перекупил их все за полсотни.

— Ты обязан был передать мне всё. Твои я тебе бы вернул. Но посмотреть их я должен был все до единой. Надеюсь, они еще у тебя?

— Только девять штук, Михаил Федорович, — проговорил Шелест. — Две я уже сменял.

— У кого?

— Вы его не знаете. Дружок один факультетский.

— Как найти его, знаешь?

— Спрашивает!

— Тогда пройдем-ка в кабинет.

Шелест нетвердой походкой пошел за ним. Через минуту Ягодкин вышел. Шелест шел сзади.

— Извините, други мои, — сказал Ягодкин. — Произошло небольшое недоразумение. Сейчас наш общий друг будет вынужден покинуть нас. Он уже нагрузился, и с него хватит. Кроме того, у него есть неотложное дело.

Но вечер был уже испорчен, и первой осознала это Ляля. Посмотрев на часы, она решительно встала из-за стола.

— Боюсь, что и нам пора, Михаил Федорович. Час поздний. Вы с нами, Сережа, или...

— Или! — резюмировал Ягодкин. — Сережу я отвезу сам. Мне тоже надо проветриться. Фильку дома оставлю: в Косино ему далеко, да и не доберется. А вы, Ольга Андреевна и Георгий Юстинович, отчаливайте по домам на своем «Жигуленке».

— Понравилась девочка? — спросил он у Чачина уже в машине, когда она сворачивала с улицы Дунаевского на Кутузовский проспект.

Чачин неопределенно усмехнулся: то ли понравилась, то ли нет. И ответил неопределенно:

— Я не собираюсь конкурировать с Челидзе. А почему она из Лялечки превратилась в Ольгу Андреевну?

— Потому что так она именуется в паспорте. Лаврона Ольга Андреевна. А Лялечка — это уже ее собственное изобретение. Нечто вроде фирменной этикетки. Ну а что скажете о нашей компашке?

Чачин ожидал этот вопрос и уже заранее продумал, как именно должен был ответить на него «джинсово-кожаный» интеллектуал.

— Честно говоря, я разочарован, Михаил Федорович. Я ведь не для пирушки к вам приходил, а познакомиться с вашей коллекцией. К сожалению, знакомство не состоялось. А компания, что ж... компания нормальная. Марочники, скажем, как и врачи или писатели, — люди разные. И, честно говоря, я лично не осуждаю вашего Шелеста. Какие-то марки привез вам, какие-то купил для себя. Что же в этом дурного?

— Есть свой этикет у нас, филателистов: не обменивая марок с кем попало, а если обмениваешь, предварительно покажи другу. Шелест приобрел марки не для себя — для обмена, и не показал их мне. Вот что дурно.

— А вы, оказывается, ревностный блюститель этикета, — засмеялся Чачин.

— Хорошей коллекции не соберешь без хороших друзей. Они и подскажут вам, где и у кого что найти, обменять или купить, и даже сами купят, если у вас не хватает наличных. Таким другом я и считал Шелеста. К сожалению, ошибся.

— Он исправится, — сказал Чачин.

— Надеюсь, — отрезал Ягодкин и переменял тему. — А когда вы рассчитываете оформляться?

— Я уже оформился, на днях паспорт дадут. Все произошло гораздо быстрее, чем я думал.

— Куда именно?

— Сначала во Франкфурт-на-Майне, ну а затем по стране. Бонн, Кёльн, Мюнхен, Гамбург. Может быть, порядок следования будет и другой. Перед отъездом выяснится.

Ягодкин молчал. Казалось, он раздумывал, приобщать ли Чачина к своим делам или отпустить его с миром. Но чем рисковал уважаемый Михаил Федорович? Ничем не рисковал. Обычный неглупый мальчик едет в обычную туристскую поездку, каких у нас сотни. А Михаил Федорович ему доброе дело делает: филателистический адресок дает, где с хорошей рекомендацией скидку сделают.

— Кёльн — это меня устраивает, — наконец сказал Ягодкин. — Будете в Кёльне, зайдите в редакцию радиостанции «Немецкая волна».

— Вы что?! — вскинулся Чачин.

— Шучу, шучу, — улыбнулся Ягодкин, не отрывая глаз от идущей впереди автомашины. — Я имею в виду марочный магазин Кете Кьюдоса. Адресок я вам скажу по телефону. Сейчас не помню. Склероз.

Что бы спросил тут чистый коллекционер Чачин? Вероятно, то, что ждет от него Ягодкин. А Ягодкин ждал вопроса о том, что нужно ему от Чачина. Именно об этом тот и спросил.

— Кьюдос — коллега многих из нас, филателистов, — пояснил Ягодкин. — Я с ним тоже связь время от времени поддерживаю и вам советую. Тем более лично можете познакомиться. Мы с ним ни разу не виделись, а знаем друг о друге все, что положено знать коллекционеру о коллекционере. Меня интересует полярная почта, а Кьюдос собирает,

как и вы, советские марки. Я и дам вам несколько таких марок, ну, скажем, блок «Союз» — «Аполлон» и еще кое-что. А вы обменяете их у Кьюдоса на мою тематику. Скотт, Пирри, Нансен, Амундсен, арктическая и антарктическая Америка. Словом, выберите сами из того, что вам предложат. И учтите, что Кьюдос не жулик и рыночные цены марок знает, как азбуку.

— Так я и свои могу взять, — сказал Чачин. — У меня вагон дублей.

— Берите. Но имейте в виду: у Кьюдоса неплохая коллекция. Подыщите для обмена что-нибудь раннее, давно вышедшее из употребления. Такие марки котируются на мировом филателистическом рынке. А себе возьмете что приглянется. Советую новую Африку, у нас на нее все марочники клюют. А папанинский дубль я вам так отдам. Ни-ни, не капризничайте. Мы рыцари одной страсти и от дружеских услуг не отказываемся.

— Безусловно, — подтвердил Чачин.

Угрызений совести он не испытывал.

16

Вот он сидит опять передо мной и Жирмундским и рассказывает о том, что произошло на вечеринке у Ягодкина.

Ничего нового для нас в этом рассказе нет, зато многое из наших предположений подтвердилось. Да, Лялочка оказалась Лавровой Ольгой Андреевной. Да, Раечка, то есть Немцова Раиса Григорьевна, действительно участвует в той же «компашке». Да, Шелест ездил в Одессу для связи с кем-то из команды пассажирского теплохода, прибывшего из зарубежного плавания. Этот «кто-то» оказался барменом, который и обменивал ягодкинские марки где-то в Марселе. Да, марки эти, видимо, и вправду средство связи Ягодкина со своими хозяевами за рубежом. Они были не кодом, а всего лишь способом передачи зашифрованных сообщений. Именно потому Ягодкин и хотел видеть все марки, привезенные Шелестом из Марселя. На какой-нибудь из марок могла быть часть шифрованного текста. Я специально узнавал у экспертов, можно ли, смыв клей с новой марки, нанести на нее зашифрованный текст, а потом снова залить ее непрозрачным клеем. Сказали, что трудно, нужен, мол, специальный клей, но, вообще-то говоря, такая возможность не исключается. Видимо, Шелест не знал о такой возможности и рассматривал привезенные из Марселя марки лишь в зависимости от их ценности для коллекционера. Не подозревал это и Ермаков, посылая ягодкинские марки в Кёльн по внутригерманской почте. Словом, выбранный курьером икс, игрек или зет не знает секрета новеньких советских марок, которые приходят таким способом из Москвы в Кёльн.

— Интересно, сколько было таких курьеров? — размышляю я вслух.

— Двух мы знаем наверняка, третий наклеивается, — ухмыляется Жирмундский.

— Не так уж много. Давно ли работает Ягодкин для своей разведслужбы? Год с лишним? Срок для профессионала разведчика немалый, но Ягодкин не профессионал, а любитель. И едва ли так велика отдача его как разведчика. Да ее и не ждут так скоро. Подумай лучше, для чего мог быть расконсервирован человек с такой необходимой, конечно, но не столь уж популярной профессией, как у Ягодкина? Не крупный специалист-ученый в какой-нибудь интересующей вражескую разведку области, даже не рядовой сотрудник, близкий к любой секретной информации, словом, не личность разведке нужная в первую очередь. К тому же азам разведывательной службы он не обучен, опыта разведчика у него нет, он не шифровальщик и не радист и, вероятно, даже азбуки Морзе не знает... Так зачем же он понадобился Кьюдосу, Лимманису и компании? Полагаю, для очень простой задачи: подобрать нужный для его боссов человеческий материал. Людей, на которых мог бы опереться разведчик-профессионал. Такого разведчика пока посылать рано, потому что Ягодкин еще ничего путного для своих хозяев не сделал. Мошенники и аферисты годны только для связи или для крыши, а скрытые антисоветчики — к нескрытым Ягодкин даже приблизиться не посмеет, — только для того, чтобы распространять и хранить подпольную эмигрантскую писанину. Но и таких он должен разыскивать, прощупывать и сообщать о своих удачах хозяевам. А много ли было у него этих удач? Не знаю, но убежден, что немного. Настроения и планы Лялечки прощупает Чачин, но не думаю, что она годится на что-либо, кроме приманки для «дичи», если такая «дичь» подвернется. Что сделал Ермаков, мы уже знаем. На том же поприще подвизается и Шелест, если мы не узнаем о нем побольше. А Немцова, видимо, совсем не тот человек, который бы с успехом мог поработать на хозяев Ягодкина. Им нужны люди с другим интеллектуальным уровнем. Я не утверждаю, конечно, только предполагаю.

— На каком же основании?

— А ты что-нибудь узнал о Немцовой? — в свою очередь, спрашиваю я.

— Ничего предосудительного. Работоспособна, аккуратна и неболтлива. Идеальный секретарь для приемной директора... И никаких романов в институте: Мелик-Хаспабов этого не любит. Работой с секретными материалами занимаются там специальные отделы и специалисты с другим уровнем знаний и опыта.

— Потому я и не подозреваю Раечку, — говорю я. — Возникла она в жизни Ягодкина еще до появления Лимманиса, и марочной консультации не требовалось, чтобы получить согласие на ее вербовку. Меня же больше интересует Челидзе, он ближе всех к Ягодкину, и обязанности у него совсем другие, чем у Шелеста и Лавровой.

Чачин смотрит уныло, и я его понимаю: не узнал ничего нового, не сделал никаких открытий. Единственная надежда на то, что не откажется Ягодкин от окаяния в Кёльн. Вот и Жирмундский о том же думает, скосил глаза, словно смущен или разочарован, как человек, пришедший в театр на

премьеру и вдруг увидевший вместо нее рядовой заигранный спектакль. Вероятно, и майор считает, что мы по-прежнему далеко не продвинулись и в случае провала Чачина проиграем если не партию, то хотя бы дебют.

Я спрашиваю себя, что ответить этим «прагматикам», не ведающим слово «предвидение»?

И отвечаю:

— У вас нет воображения, друзья мои. Не цените мелочей, которые подтверждает следствие, а ведь из мелочей складывается целое. На скачках бывали? Так вот: всегда находится фаворит, который выигрывает, и всегда есть наездник, который предвидит все непредвиденные случайности скачки. Он готовит победу исподволь, терпеливо и педантично. Есть такая игра «джигсо». Придумали ее в Америке в дни великого экономического кризиса тридцатых годов, когда безработным учителям, кассирам прогоревших банков, продавцам закрывшихся магазинов и уволенным университетским профессорам нужно было как-то коротать время в очередях на биржах труда. Делалось это так. Брали литографию с копии какой-нибудь классической итальянской или голландской картины, вроде «Тайной вечери» или «Ночного дозора», наклеивали ее на фанеру и разрезали на множество кусочков различной формы — треугольники, квадраты, параллелограммы, кружки, — а потом сваливали в коробку. Из этой кучи надо было собрать разрезанную картину. Большого терпения требовала эта работа, большой точности, и называлась она «джигсо», что в переводе, если чуть погрешить против английского, будет значить — «сложи так». Вот и мы, ребята, занимаемся таким сложением. Сложили многое? Сложили. Так чего ж унывать?

— Лаврову и Шелеста мы сложили, а вот Челидзе и Раечка пока не складываются, — виновато замечает Жирмундский.

Я улыбаюсь: дошло все-таки мое диспетчерское напутствие.

— К Ягодкину пока не ходи, — говорю я Чачину. — Жди звонка, а позвонит он наверняка. Дома у тебя люди надежные?

— Отец и мать — куда надежнее, — смеется Чачин. — Оба знают: никому ни слова о моей работе.

Меня немножко беспокоит самоуверенность Чачина. Не рискнет так просто открыться Ягодкин первому встречному. Обязательно проверит, не подсадную ли утку к нему подбросили. Говорю об этом.

Чачин тотчас же откликается:

— Уже проверяли. Вчера днем, когда меня не было дома. К телефону подошел отец. Его спросили, молодой мужской голос с хрипотцой, можно ли зайти ко мне на работу и где именно я работаю. Говорит, мол, мой старый школьный товарищ, находится проездом в Москве и очень хотел бы повидаться. А отец в ответ: Сережка в отпуске, проводит свой отпуск в Москве, и вы можете зайти к нему вечером. И при этом спросил: а какой именно товарищ мною интересуется? Ответа не последовало, положили трубку.

— Значит, порядок, Сережа, — говорю я. — Начинай роман с Лялечкой.

— Так она с Жоркой... — мямлит Чачин.

— А ты отбей. Или не умеешь? Интеллектуально ты интересней Челидзе. Так, по крайней мере, мне бы хотелось думать, — подпускаю я шпильку. — Телефон сама дала. Вот и позвони. Пригласи куда-нибудь.

Чачин согласился, но с кислым видом. В своей привлекательности для Лялечки он был совсем не уверен. А хотелось. Видно, что хотелось...

17

Но Лялечка согласилась сразу. Даже ресторан выбрала: «Метрополь». Там, мол, и обслуживают лучше, чем в «Праге» или «Арбате», и зал большой, и танцевать удобно вокруг фонтана. Словом, первый редут был взят Чачиным сразу.

Второй оказался труднее. Разговор сначала не шел: выбирали меню, болтали о пустяках, Лялечка почему-то заговорила об осенних модах, вспомнила зачем-то Находкина и Верховенского. Имя Челидзе названо не было. Но Чачин не настаивал. Ужин предстоял долгий.

— Вы женаты? — вдруг спросила Лялечка.

— Нет, а вы?

— Ну, меня надо спрашивать: замужем ли я, товарищ интеллектуал. Нет, к вашему счастью, не замужем. Можете делать предложение.

— У друзей я девушек не отбиваю, — отпарировал Чачин.

— Это у какого же друга?

— У Челидзе, например.

— Во-первых, Жорка вам не друг, друзей у него вообще нет, а во-вторых, я не его собственность. Да и замуж выходить пока не собираюсь. Живу у родителей. Они у меня сейчас в Иране. Отец иногда налетает из Тегерана, не предупредив телеграммой, и очень сердится, если замечает следы вечеринок. Так что в гости ко мне не напрашивайтесь — это надо еще заслужить.

— Постараюсь, — ответил Чачин, — а то у Ягодкина мне что-то не очень понравилось.

— Почему? Обычно у него очень весело. Вино, закуски, сладости, застольная болтовня о том, о сем — ни о чем. Анекдоты, сплетни, магнитофон. Это вам не повезло: два марочника друг с другом поцапались неизвестно из-за чего. Я эти марки терпеть не могу. Хотя забыла: вы тоже из оных.

— И Челидзе марочник.

— К сожалению.

— А где он работает?

— Нигде. Он свободный художник, как обычно себя именует. Еще, говорят, церкви реставрирует. Но работ его я не видела: в мастерскую к себе он не зовет.

— У наших «свободных художников» обычно с деньгами

негусто, а у Челидзе собственная машина, — с показной завистью сказал Чачин.

— И притом «Волга», — подтвердила Лялечка. — Он купил ее у кого-то по случаю. Потом отремонтировал на станции технического обслуживания. А сейчас она блестит как новенькая и дает на трассе, когда гаишников нет, по сто шестьдесят. Вообще удачливый человек Жорка. Вы с ним дружите — не прогадаете. А поссоритесь — остерегайтесь. Я и сама его боюсь, когда он не в духе. А человек полезный, уйму денег зарабатывает, и не только советских.

— Валюта? — насторожился Чачин и тотчас же пожалел об этом.

Но Лялечка не заметила промаха:

— Бывает.

— Откуда же у него валюта?

— Откуда? — не без злорадства ухмыльнулась Ляля. — Не от верблюда, конечно, а от богатых родственников из Америки. И не у него, а у Ягодкина.

— За что же такая милость?

— За услуги.

— Какие же услуги требуются врачу-протезисту?

Ляля даже не думала, что это открытый вопрос. Она рассказывала охотно, с вызовом:

— Михаил Федорович не только протезист, он еще и видный коллекционер-филателист. Сие вам известно, конечно. А Жора Челидзе помогает ему пополнять коллекцию. Находит ему клиентуру, то есть людей, уезжающих за границу. Хороший зубной техник всем нужен — и таким, как вы, и помоложе вас, если зуб выбит. И тут, как говорится, услуга за услугу. Он — золотую коронку или мостик, а ему — почтовые марки из наиболее редкостных. Он вам и адрес назовет, где марку достать, и саму марку опишет.

Чачин внимательно слушал, но интереса своего не показывал. Дожевывал цыпленка-табака, лениво поглядывал на свою собеседницу. А Лялечка, оставив цыпленка, все набирала скорость:

— С ним Жора меня и познакомил, когда наш Дом моделей уезжал на парижскую выставку. Помню, я засмеялась и сказала, что мне зубной техник едва ли понадобится. «Но у него есть валюта, — сказал Жора, — смотри не прогадай». Так я и попала в поликлинику к Ягодкину. Он оказался вполне терпимым — не для романов, конечно, хотя пассия у него красивее меня в десять раз. Тогда-то он и попросил меня оказать ему небольшую услугу — провезти с собой одну из новых советских марок и послать ее письмом в Марсель какому-то Жэне или Жаннэ, не помню. За это он дал мне сто долларов, пятьдесят лично мне, а пятьдесят на покупку для его пассии всякого бабского барахла. Каюсь, я согрешила. И доллары провезла, и марку переслала. Обыкновенная, кстати, советская марочка, выпущенная ко Дню космонавтики. Чистенькая, новенькая, без единой пометки, ну и переслала я ее по указанному адресу. Пустяк для меня, а он полтинник отвалил.

Джаз громыхнул старое аргентинское танго, и Чачин без смущения пригласил девушку. Танцевать он умел. Все шло чин чин: Лялочка раскрылась, и можно было, перебросившись словами-пустышками, задать ей еще вопросы, и по-серьезнее.

— А почему вы все-таки Лялочка, а не Оля? — спросил Чачин мимоходом для начала.

— С детства прозвали. Вот и осталось. А вам что, не нравится?

— Нет, почему? Не нравится мне одно: и сто долларовая бумажка Ягодкина, и ваши отношения с Челидзе. Да и связь его с Ягодкиным, честно говоря, непонятна.

— Не думайте, что я продажная, — обиделась Лялочка. — Доллары я взяла, почему не взять, если дают. Подумаешь, марку переслала по какому-то адресу — тоже мне преступление. А Жорка обыкновенный хахаль, не жадный и не ревнивый. И что его связывает с Ягодкиным, меня не интересует. Ездил куда-то на днях, говорит, на какую-то электростанцию под Москвой, и помчался Ягодкину докладывать. А мы с Раей Немцовой — это пассия Михаила Федоровича — как раз у него и были в гостях, пили кофе с ликером. Позавчера, что ли? Ну да, позавчера. Жорка ворвался небритый, темный как ночь. Ты бы хоть побрился, Жора, говорит ему Ягодкин, неудобно ведь перед дамами. А тот еще более взъерошился и бряк: не до бритья, мол, теперь, Михаил Федорович, сорвалось дело — не вышло. «А ты у него был?» — спрашивает Ягодкин. «Конечно, был. Он отказался. Всё, говорит, отрезано!» Мы в недоумении, сами понимаете, молчим, слушаем. А Жора Ягодкину: «Убрали бы вы этих баб, Михаил Федорович, не до гостей нам сейчас». Ягодкин сжал губы, посмотрел на нас, подумал, а потом вежливо так сказал: «Вы бы и вправду прошли в соседнюю комнату, магнитофон включили, а нам с этим юным хамом надо поговорить как следует». Ну, мы и ушли. А потом Ягодкин объяснил, что речь шла о продаже крупной суммы в долларах и что покупатель в последнюю минуту отказался. А паникует Жора напрасно: ничего ему не грозит, никаких долларов нет и не было. Потом ко мне Жорка пришел злющий-презлющий и говорит, что из-за Михаила Федоровича он в такое болото залез — не вылезешь. Ведь это он какому-то Еремину валюту возил, а не Ягодкин. «Тот, — говорит, — чист-чистехонек, от всего откажется, а мне, дураку, отвечать». — «За что ж тебе отвечать, — спрашиваю, — если твой Еремин долларов не взял?» — «Так ведь это я ему предлагал, — кричит, — а! Если он заявит куда следует, Ягодкин вывернется, а мне сидеть за спекуляцию иностранной валютой. Ну, не найдут у меня никаких долларов, а пятнышко на репутации останется. И вообще, — говорит, — я у нашего Ягодкина в таком капкане сижу, что впору хоть без ноги, да уйти». — «Куда ж ты уйдешь?» — спрашиваю. «А у меня брат, — говорит, — в Тбилиси. Мигом в Горную Сванетию переправит. Захолустье отчаянное, но прожить можно, пока шухер с валютой не уляжется. И самое страшное, — говорит, — не валюта, а то, что я ее Еремину предлагал».

Я, честно говоря, ничего не поняла, только Жорку с тех пор не видела. Может, и в самом деле на Кавказ сбежал.

Лялечка залпом выпила рюмку ликера, отхлебнула кофе и по тому, как зазвенела чашка о блюде, можно было судить о взволнованности девушки. Даже щеки у нее запали. Выложилась, как говорится...

— Знаете что, Сережа, — вдруг сказала она, стирая подтеки под глазами, — расклеилась я что-то. Пойдемте отсюда. Неподходящее у меня сейчас настроение.

Чачин молча встал. Что ж, сорвалась с обрыва девочка и захлебывается. А девочка неплохая. Видимо, поняла, что связь с Челидзе была не просто временным увлечением, а чем-то более серьезным и страшным.

— Только вы никому не говорите, Сережа, о том, что я вам сейчас рассказала. Не сдержалась, крашенная дура. — И, резко повернувшись, пошла к выходу.

18

Итак, появилась новая фигура — Еремин. Надо его найти, и как можно скорее. А тут еще неожиданный звонок Линьковой.

— Рад вас слышать, Елена Ивановна. Что-то случилось?

— Случилось. Только что видела латыша, о котором вам тогда рассказывала. Он отпустил бородку, но я его все-таки узнала. Это тот самый Лимас или Лимманис, как его назвал Ягодкин. Они оба стояли вместе у подъезда гостиницы «Националь» и вместе же вошли в холл, когда я подошла поближе. Меня они не заметили — это точно.

— Сложи так, — говорю я Жирмундскому, передав ему суть услышанного от Линьковой, — и срочный розыск Еремина, и наблюдение за Ягодкиным. Нам теперь важно знать и учитывать каждый его ход в игре. И немедленно пошли кого-нибудь в «Националь». Пусть разузнает, какие иностранцы поселились за последние дни в этой гостинице и не было ли среди них художавого человека с бородкой. Я не очень-то верю, что его зовут Лимманисом, но выяснить имя совершенно необходимо. Кстати, учти, что генерал через пару дней возвращается и мы должны быть во всеоружии. Ведь речь идет уже не о гипотетической версии, а о цепочке достоверных уличающих фактов.

— Понял, — говорит Жирмундский.

В кабинете его уже нет. А в приемной меня ждет Шелест. Проходя к себе, я уже заметил его: растерянный, шуплый юноша с длинными прямыми волосами, в темном, видимо, парадном, костюме и даже при галстукe, что совсем излишне при такой свирепой жаре.

Но, прежде чем принять Шелеста, я вызываю по телефону Чачина.

— Сережа, — говорю я без предисловий, — слушайте и запомните. Пора уже сообщить Ягодкину, что вы выезжаете за границу, скажем, послезавтра и что паспорт у вас на руках. Поэтому пусть он передаст вам то, что хотел, завтра

или в крайнем случае послезавтра утром. Затем встретитесь с ним, когда ему будет удобно, лучше на улице, на остановке троллейбуса или автобуса. От приглашения на дом уклонитесь: времени у вас, мол, в обрез. Если на свидании он попросит вас, допустим, из любопытства, что ли, показать ему ваш заграничный паспорт, скажите, что при себе у вас его нет, оставили дома. Возможно или даже вероятно, что он предложит вас подвезти, не отказывайтесь, но только до аэропорта. Рейс во Франкфурт-на-Майне поздний, и Ягодкину ждать его незачем. Если он будет настаивать, обидьтесь и скажите, что его заботливость переходит в недоверие. Допускаю, что и тогда он найдет способ остаться и наблюдать издали за вашим отъездом, но в пассажирской сутолоке на пути к самолету вы, конечно, от него ускользнете. А у начальника аэропорта, куда вы пройдете через служебный вход, вы найдете Жирмундского. Ясно?

Остается Шелест.

Он входит решительно и спокойно — видимо, здравый смысл преодолел его растерянность, подсказав ему, что ничего больше свидетельских показаний в этих стенах от него не требуют и, следовательно, тревожиться не о чем. Входит он молча, без приглашения садится в кресло у стола против меня и ждет.

Мне это нравится. Можно быть официальным без излишних любезностей.

— Шелест Яков Ильич? — начинаю я.

— Точно.

— Женаты?

— Холост.

— Живете с родителями?

— Нет. Они мне выстроили однокомнатную квартиру на улице Руставели.

— Где работаете?

— По окончании Московского автодорожного института оставлен на кафедре.

— Год рождения?

— Тысяча девятьсот пятьдесят второй.

— Есть личная автомашина?

— Средства не позволяют. На ставку младшего научного сотрудника автомашины не приобретешь.

— Можно приработать.

— Пытаюсь.

Мальчик мне нравится все больше.

— Вы член Общества филателистов?

— Давно. Еще со школы.

— Нас интересуют ваши отношения с одним из членов того же общества. Я имею в виду Ягодкина Михаила Федоровича.

Шелест отвечает сразу же, не обдумывая ответ:

— Отношения несложные. Работодатель и работник. Поручающий и порученец. В общем, помогаю ему пополнять его коллекцию.

— Каким образом?

— Во-первых, я сотрудничаю в журнале «Филателия

СССР» и все сведения о новых почтовых марках получаю, так сказать, из первых рук. Знаком я и с рыночной стоимостью любой редкостной марки. Кроме того, я одессит, и в Одессе у меня в Черноморском пароходстве уйма знакомых. Есть среди них и мои коллеги по страсти к почтовой марке. Вот я и связал Ягодкина с одним таким собирателем, а именно с барменом теплохода «Колхида» Тихвинским, которого все называют просто Кир. У Ягодкина связи с некоторыми специализированными магазинами за границей. Он хотел послать несколько новых советских марок, в частности, блок «Союз» — «Аполлон», и обменять их в Марселе на марки, посвященные антарктической Америке и дрейфующим полярным станциям США. Кир это сделал, и марки я Михаилу Федоровичу привез. Не бесплатно, конечно.

— И без инцидентов?

— Вы проникательны, — смеется Шелест. — Инцидент был. Правда, не при передаче, а два дня спустя у него дома на вечеринке. Я захмелел и разболтал по дурацости о том, что Кир ходил в Марселе в марочный магазин вместе с механиком теплохода, и о том, что механик в этом же магазине купил для себя кучу разных экзотических марок. Узнав об этом от Кира, я нашел механика и перекупил у него десяток марок из Нигерии, Конго, Камеруна и Коморских островов. Две из них я уже здесь, в Москве, сменял на чудесную датскую марку. Так вот, когда я рассказал об этом, Ягодкин буквально расвирепел. Оказывается, я обязан был показать ему все купленные и обмененные в Марселе марки, он не претендовал на них, но обязательно хотел их лицезреть. Ну, я привез их ему на другой же день, кроме тех двух обмененных уже здесь, в Москве.

— Марки со штемпелем или без?

— Нет, все новехонькие.

— Ну что ж, — говорю я, — будем считать, что о Ягодкине пока достаточно. А что вы скажете о Челидзе? Он ваш друг?

— Друг? Вы хотите сказать — знакомый? Другом Челидзе может быть такой же подонок, как и он сам.

— Интересно. А почему?

— Прежде всего потому, что он человек неинтеллигентный и нечистый. Едва ли шибко грамотный. Когда-то застрял в шестом классе десятилетки, на том и остановился. Диктанта ему не давайте: стыдно будет читать. К географии относится как мадам Простакова, только вместо извозчиков гоняет на собственной автомашине. Якобы коллекционирует марки, но отличить Конго от Камеруна не сумеет. А почему нечистый? Потому что духовно нечистоплотный, готовый на любую подлость, на любое преступление, если оно покажется ему безнаказанным.

— Где же он работает?

— Говорит, что свободный художник, что-то лепит, что-то малюет. Церковники его иногда приглашают — платят здорово. В мастерской у него, по-моему, никто никогда не был, да и существует ли таковая, мне неведомо. А зарабатывает он немало. Мастер утилизировать потребности и чаяния совре-

менного мещанина. Может достать любой импорт, от французских духов до американских джинсов.

— А валютой не балуется?

— Не знаю. Сертификатами он, правда, расплачивался как-то. Но сертификаты были не его, а Ягодкинские. А вот тайна их союза для меня сокрыта.

— Значит, союз все-таки есть?

— Несомненно. Откуда, например, возникла Раечка — любовная страсть почтенного Михаила Федоровича? Ее где-то разыскал и подготовил для этой роли Жора. Откуда появилась Лялечка? Из того же источника. Оттуда же «Волга» и мебельный антиквариат, редкие марочки.

— А откуда валюта у Ягодкина?

— Не знаю. Слышал, что за рубежом у него есть родня, которая ему иногда что-то подбрасывает. Вот и нужен Челидзе, чтобы денежки где-то пристраивать. Станный он человек, товарищ полковник, порой даже и не поймешь, что и зачем ему нужно. На днях приходит ко мне и просит: напиши мне сценку какой-нибудь научной конференции при испытании, скажем, какого-то прибора. Нужно, мол, для одного розыгрыша. Он знает, что я научную фантастику люблю и физику знаю: все-таки специальный институт окончил. Напиши сценку как бы для радиопередачи: ничего не видно, а все слышно. А я, мол, на магнитную пленку перепишу. Подробности объяснения за мной, а гонорар полсотни. Ну какой же дурак откажется? Я и написал. Кратенький диалог на испытании прибора для определения состояния вещества в магнитном поле. Прочитал. Жора сказал: блеск, выложил полста и умчался. Ну зачем ему понадобилась эта псевдонаучная размазня? Голову ломаешь — не разгадать.

— А это, — говорю я, — мы у самого Челидзе спросим.

И в этот же момент в кабинет буквально врывается Жирмундский. Увидев Шелеста, замедляет шаги и рапортует:

— Есть важное сообщение, товарищ полковник. Может быть, отложите пока ваш разговор?

— А мы уже кончили. Давайте ваш пропуск, Яков Ильич. Только знаете...

— Все знаю, товарищ полковник, — понимающе говорит Шелест.

И когда он уходит, Жирмундский, не садясь, продолжает:

— Я разыскал Еремина.

— Где он?

— Сбит машиной. Вот рапорт инспектора ГАИ. Читай.

И я прочел:

«Я, инспектор Кунцевского ГАИ, старший лейтенант Горелов И. М., 20 августа в 12 часов 35 минут находился на съезде Минского шоссе у гостиницы «Мотель». В 12 часов 40 минут автомобиль ГАЗ-24 «Волга» с забрызганным грязью номером, сбив пешехода, стоявшего у обочины на проезжей части. Убедившись, что к пострадавшему уже сбегались люди и первая помощь будет ему оказана, я начал преследование автомашины, которая, сбив человека, не остановилась.

Включив сирену, я преследовал ее, шедшую со скоростью 160 км в час, до 21-го км, где у поворота от населенного пункта Переделкино водитель ее, не успев затормозить, врезался в самосвал МАЗ-205 с гос. номером ЮБА 32-17. При столкновении машину нарушителя отбросило в сторону, она загорелась, водитель погиб. При осмотре тела были обнаружены документы на имя Родионова Филиппа Никитича, механика станции технического обслуживания производственного объединения «Мосавтотехобслуживание».

— Что скажешь, Николай Петрович? — спрашивает Жирмундский. — В угрозыске мне сказали, что у Родионова, кроме документов, нашли пятьсот рублей сотенными купюрами. Цена убийства, так, что ли?

Я молчу. Не могу сказать, что удивлен, скорее потрясен. Выбит из седла, как жокей на финише.

— Что с Ереминым?

— Жив, жив. Переломов много, шок. Все еще без сознания. Однако врачи говорят, что все будет в порядке. Уложили в гипс, дежурит в палате сестра, ждут... Шок — это, может быть, надолго.

— Что ж, будем ждать...

А что еще я могу сказать? Еремина вербовал Челидзе. Возможно, он не называл имени Ягодкина, но в любом случае показания Еремина бьют по Челидзе, а значит, и по его хозяину. Очень устраивают Ягодкина обе смерти, очень... Так не будем разочаровывать человека.

— Предупреди главврача о возможных звонках. Пусть общаются, что Еремин в очень плохом состоянии, в сознание не приходит и надежды на то невелики.

— Сделано. — кивает Жирмундский.

— Надежда, как он сказал, все-таки есть. Придет Еремин в сознание, расспросим его, увяжем ниточку Еремин — Челидзе — Ягодкин...

— Послезавтра возвращается генерал, — мельком вспоминает Жирмундский, — а с чем мы к нему придем? С Лялечкой и Шелестом? Маловато. Правда, отыскался латыш. Он действительно живет в «Национале». Только он не латыш и не Лимманис, а Отто Бауэр из Вены. Судя по внешности, в точности соответствует описанию Линьковой. Ягодкин за эти дни в «Национале» не появлялся.

— У нас есть еще Немцова и Чачин, — говорю я.

Чачин звонит мне домой в половине десятого.

— Николай Петрович! Рейс во Франкфурт-на-Майне в десять сорок. Как вы и предполагали, Ягодкин напросился отвезти меня в аэропорт. О паспорте не спрашивал. Я сказал, что меня даже родители не провожают, и если не доверяет, то может свои марки забрать. Он пожурил меня за мальчишескую вспыльчивость и, по-моему, очень неохотно согласился. Поэтому полагаю, что будет незаметно за мной наблюдать

во время посадки. А я, как мы условились, постараюсь скрыться в толпе и служебным входом пройти в кабинет начальника аэропорта. Я уже договорился с товарищем майором, что он будет меня ждать за десять минут до посадки. Там же я и передам ему марки.

Жду Жирмундского. По моим расчетам, если отправка самолета не задержится, он будет у меня в первом часу. Жду, покуриваю, подвожу итоги сделанного. Если добытая марка окажется шифровкой, с докладом генералу все будет в порядке. Останется только один пробел — Немцова. Но и его мы завтра заполним.

В десять минут первого прибывает Жирмундский. Никаких объяснений не требуется: они у него на лице. Молча он протягивает мне марки. Их две — «Аполлон» — «Союз», новехонькие, с бесцветной клеевой поверхностью на обороте. Так же, ни о чем не спрашивая, возвращаю марки майору, добавляя только:

— Утром сразу же отдай Красовской. Пусть снимет клей. И если это шифровка, тотчас же шифровальщикам. Пусть поторопятся. Не думаю, чтобы шифр оказался таким уж сложным.

У Красовской уже все готово. Клей смывает, и в лупу на оборотной стороне каждой марки отчетливо видны миниатюрные цифры — почти прилегающие друг к другу пятизначные числовые ряды.

Генерал будет после трех часов дня, а до этого мы успеем побывать у Немцовой. На работе ее сегодня нет: Жирмундский узнает об этом по телефону. Решает не вызывать ее, а нагрянуть к ней на квартиру. Утром она наверняка дома.

Так мы и делаем.

И тут нас встречает полнейшая неожиданность.

Мы только успеваем представиться, как Немцова говорит:

— Проходите, товарищи, или граждане, как мне, наверное, нужно вас называть. Я вас давно уже поджидаю. И то, зачем вы приехали, вас тоже ждет вон там, на столе.

На круглом полированном столике посреди комнаты лежит плоская миниатюрная кассета с магнитной пленкой.

Я еще недоумеваю, но Жирмундский сразу находит:

— А давайте-ка мы присядем к столу, если позволите. И сами садитесь. И рассказывайте обо всем с самого начала.

— Со знакомства с Ягодкиным?

— Зачем? Сначала о себе, своей работе.

Я гляжу на Немцову и не вижу никаких следов беспокойства на ее строгом, красивом, не приукрашенном косметикой лице.

— Мне двадцать шесть лет. Работаю в институте секретарем директора. Никаких секретных материалов у меня на работе нет, или, вернее, они через меня не проходят.

— И Ягодкина это устраивало? — спрашиваю я, словно упоминание Ягодкина в нашем разговоре само собой разумеется.

Немцова не удивляется, сразу отвечает:

— Нет, конечно. Он очень настаивал, чтобы я расширяла круг знакомых в институте.

— И что же вы ответили?

— То, что я не физик, а у нас все сотрудники или доктора, или кандидаты наук. У директора даже стенографистки со специальным образованием. А у меня и высшего нет: с третьего курса пединститута ушла — замуж вышла. Никакой соучастницей Ягодкина я не стала вот до этой штуки. — Она небрежным жестом указывает на катушку с магнитной пленкой.

И опять мы не спрашиваем, что это такое, ждем, что расскажет сама, а она говорит, говорит, словно хочет выложить все, что скопилось в душе, о чем думала и передумала:

— Меня привлекла в Ягодкине не только его трогательная заботливость и даже не чисто мужской интерес ко мне как к женщине. Привлекло меня в Ягодкине его внимание к моей работе, даже к самым скучным в ней мелочам. Ну какой мужчина будет интересоваться тем, как проходит мой служебный день в институте, кто заходит к директору, кто даже просто проходит мимо меня. И я рассказывала и радовалась, что есть у близкого мне человека не только интерес к моей внешности или к одежде, хотя одевалась я всегда очень скромно и не любила выпяливаться, как Лялечка, а интерес к мелочам моей жизни. А Ягодкин всем интересовался и очень хотел, чтобы на работе меня оценили и допустили в свой ученый круг. Но вот однажды случился у нас такой разговор...

Она задумывается, приглаживая рукой свои светлые, чуть вьющиеся волосы, и я думаю: а ведь Ягодкин уже знал ту среду, в которую стремился проникнуть, знал, кто есть кто в этой среде, и мечтал только о том, чтобы покорная ему Раечка сумела бы стать необходимым каналом связи.

— Любопытный разговор, — продолжает она задумчиво. — Спросил он меня как-то: хорошо ли работают наши телефоны, не вызываем ли мы иногда телефонных мастеров для починки? Я ответила, что подобных случаев не помню. А пропустили бы к вам такого мастера, если бы это понадобилось? Конечно, пропустили бы. Я бы ему и пропуск заказала, позвонила бы вниз, в приемную. А он как-то, не смотря мне в глаза, говорит: не могла бы я устроить такой пропуск Челидзе под видом телефонного мастера? А зачем, спрашиваю. Ведь обман это, и Челидзе не к чему глазеть на то, что его не касается. Ну какой же это обман, говорит он. Пустяк, мол, придет человек и уйдет. Кстати, в телефонах Жорка разбирается не хуже профессионала. Отвернет гайку, заглянет внутрь аппарата и уйдет. Не спорь, девочка, слушай старших и запоминай. Челидзе должен сам взглянуть на окружающую тебя обстановку. Он и придет к тебе завтра в половине третьего, а ты ему пропуск закажешь. Ничего плохого не будет, это, мол, я тебе обещаю. Ну я и уступила, пропуск Челидзе заказала и его в кабинет пустила. Только он что-то быстро оттуда вышел, даже не бледный, а серый какой-то и, уходя, шепнул: «Будь завтра вечером дома, приду, а Ягодкину — ни полслова».

Мы с Жирмундским слушаем не перебивая. Картина выписывается действительно интересная.

А она продолжает так же спокойно: видимо, уже все продумала и решила:

— Челидзе действительно пришел через день вечером и принес эту кассету с пленкой. И то, что он сказал притом, было страшно. Оказывается, он должен был вмонтировать в телефонный аппарат Анастаса Павловича какое-то записывающее устройство. Но Челидзе сказал, что ничего он не вмонтировал: кто-то стоял рядом и смотрел, что он делает. Ну и струсил, говорит, открыл аппарат и закрыл, объяснил, что все, мол, в порядке и ушел. А тебе говорю, что с меня хватит! Вот тебе кассета, я ее сам сработал. На совесть. А ты, говорит, скажешь Ягодкину, что из аппарата я ее вынул, когда ты меня на другой день снова в кабинет пустила. И об этом вторичном визите Челидзе в институт у нас с Ягодкиным тоже было условлено, хотя я до того, как Челидзе мне все открыл, ровнехонько ничего не понимала, зачем все это делалось. А когда поняла, меня словно кипятком ошпарило. Да еще Жорка скривился и добавил: «Отдашь кассету Ягодкину — тебе хоть передышка будет, пока совсем не завербовал. Могу, — говорит, — и другой совет дать: если жизнь дорога, сразу с кассетой к чекистам иди. Я-то лично смываю, в колонию неохота. За Ягодкиным следят, он уже сам это чувствует — только смыться ему некуда, и возьмут всех нас, голубчиков, за шиворот, если дураками будем. А я не дурак, в такую дыру залезу, никому даже присниться не может». С этими словами он и ушел. Вот и жду, кто придет раньше — вы или Ягодкин. Слава богу, что пришли вы. Вот и все. Забирайте свою кассету.

— Нет, не все, Раиса Григорьевна, — подытоживает Жирмундский. — Кассету мы возьмем. А где же записывающее устройство?

— Он его в Москву-реку выбросил. Крохотный такой аппаратик, заграничный.

— Небольшую рольку вам придется сыграть, Раиса Григорьевна, — говорю я, постукивая пальцами по миниатюрной кассете. — Скажитесь больной, расстроенной, допустим, выговором начальства за то, что пускаете в кабинет посторонних. Словом, придумайте — это не так уж трудно. А на вопрос о кассете удивитесь, скажите, что Челидзе не заходил, в институте вторично не был и никакой кассеты с пленкой вам не передавал. Пусть Ягодкин поволнуется...

20

Секретарь сообщает нам, что генерал уже вернулся, находится у себя и ждет нас с докладом. Его перебивает телефонный звонок. Это звонит лейтенант Александров, наш сотрудник, которому поручено наблюдение за Челидзе. Он явно чем-то напуган.

— Неувязочка вышла, товарищ полковник. Виноват. Исчез Челидзе.

— Как исчез?

— Он прибыл домой в двадцать два сорок пять. Я засек время. Приехал на своей «Волге». Машину оставил во дворе. Вошел в подъезд. Это с улицы. Живет он в однокомнатной квартире на четвертом этаже. Сразу же осветились оба окна — и на кухне, и в комнате. Примерно через час — времени я не засек, та же «Волга» выехала со двора и с большой скоростью помчалась по улице. Из подъезда никто не выходил, и свет в окнах квартиры Челидзе продолжал гореть. Рискнул подняться и позвонить. Никто не открыл. Тогда я толкнул дверь, а она открытой оказалась. И квартира пуста. Платяной шкаф настежь, ящик с рубашками выдвинут, ящики письменного стола тоже открыты — при поверхностном осмотре ни документов, ни денег не обнаружено.

— Как же он мог бежать с четвертого этажа, если он, как вы утверждаете, не выходил из подъезда?

— Окна комнаты были закрыты, но открыто окно на лестничной клетке. А рядом по стене дома проходит пожарная лестница. Правда, она обрезана на высоте трех метров от земли, но спрыгнуть оттуда нетрудно.

— Вы будете строго наказаны, Александров, за то, что упустили Челидзе, — с трудом сдерживаюсь, чтобы не накричать на незадачливого сотрудника.

Жирмундский криво улыбается. Он все уже понял.

Перехитрил нас Георгий Юстинович.

— Немедленно займитесь розыском Челидзе. Мы не имеем права его упустить. Даже стыдно к генералу идти.

— Да еще шифровальщики копаются, — вздыхаю я.

— Текст уже расшифрован, — подсказывает Жирмундский.

Он подает мне отпечатанный на машинке текст. По-видимому, шифровые комбинации не вызывали больших затруднений. Опыт шифровки, отличное знание лексики и семантики языка, привычный подбор наиболее часто встречающихся в языке букв, умение подбирать концы слов к их началам, а начала к концам, создали в результате почти телеграфный, без предлогов и знаков препинания, но, думаю, точный опус.

ИНЖЕНЕР ОТКАЗАЛСЯ ПРИШЛОСЬ УСТРАНИТЬ ИНСТИТУТЕ УЖЕ ЕСТЬ СВЯЗНОЙ ПОДГОТОВЛЯЕТСЯ ЗАПИСЬ ИСПЫТАНИЙ ПРИВОРА СОСТОЯНИЯ ВЕЩЕСТВА МАГНИТНОМ ПОЛЕ ПЛЕНКУ ПЕРЕДАМ ОТТО НЕОЖИДАННО ОБНАРУЖИЛ СЛЕЖКУ ЕСЛИ ПРОВАЛ ОТТО СОГЛАСЕН ВАРИАНТ ЗЕТ ХАРОН.

— Все понятно, — говорю я. — Кроме одного.

— Вариант зет?

— Именно.

— А может быть, вариант Челидзе?

— Теоретически возможно, тем более что Отто согласен. Новый паспорт, новая личность. Какая-нибудь глухомань. Зубные техники везде нужны. Только практически трудноосуществимо. Не так оборотист, как Челидзе, и не так прыток.

— Все равно у нас козырь. Даже не просто козырь, а козырной туз, — Жирмундского всегда заносит на поворотах. Меня тоже заносит.

— Два туза. Шифровка и пленка...

По предложению генерала я опускаю хорошо ему извест-

ную предысторию дела и начинаю с того, что уже было с ним обусловлено, — с поисков «дружка-фронтовичка», загнанного Ягодкиным в исправительную колонию. Рассказываю о том, как нашел его с помощью МВД, и о трехдневном пребывании Ягодкина в плену у гитлеровцев, откуда, как известно, добровольно не отпускали. Кладу на стол и заявляют Ключева, собственноручно им написанное. Генерал читает.

— Любопытный документ, хотя и скромпрометированный. Ягодкин отвергнет его как месть за донос.

— Донос как анонимка в суде не рассматривался. Ключев признался сам, считая, что в уголовном розыске до всего докопались. О Ягодкине отзывался с уважением и благодарностью, до последних минут нашего разговора не раскрывался.

— Но ты же сказал ему об анонимке.

— Я показал ему ее, и он все понял.

Я говорю решительно, убежденно. Я был следователем на допросе Ключева. А следователь всегда знает, когда человек лжет. Следователь — это психолог, хирург, вскрывающий скальпелем мысли, тайное тайных — душу человеческую. Я знал, что Ключев говорил правду.

— Вы забыли о человеческой совести, товарищ генерал. Даже разбойничья совесть не молчит, когда ее оскорбляют. Ключев не мстил, говорила оскорбленная совесть.

Генерал улыбается, он меня понял.

— Соболев, ты прав. Продолжай.

И я продолжаю. О поликлинике, о филателистах, о том, почему мы не допрашивали Челидзе и Родионова, о самых обыкновенных советских марках, путешествующих в складках чужих бумажников, об удаче Сережи Чачина.

Так мы доходим до зашифрованной марки. Генерал долго читает и перечитывает полученный от шифровальщиков текст. Лицо хмурится.

— Что значит «пришлось устранить»? — спрашивает он. Голос его заморожен до предела.

Скрепя сердце собираюсь ответить, но меня перебивает Жирмундский:

— Разрешите доложить, товарищ генерал...

И рассказывает все о Еремине, о Родионове.

— Потеряли свидетеля? — кричит генерал. — Человека вы потеряли, человека, каким бы подонком он ни был. И чуть было не потеряли второго... Слава богу, жив остался. И это ваш промах, полковник. И даже не промах — вина. Ви-на!

— Мы не сразу нашли Еремина. Исходные данные невелики...

— Исходные данные... О человеке разговор, а вы — исходные данные... Прозевали маневр врага...

Генерал прав. Чекист обязан предвидеть все. Мы не имеем права ошибаться: слишком дорого могут стоить наши ошибки.

— Как он там, Еремин? — спрашивает генерал.

— По-прежнему без сознания, — говорит Жирмундский. — Но жизнь вне опасности.

— Будем считать: повезло. Продолжайте доклад, полковник. Что значит «вариант зет»?

— Мы еще этого не выяснили, товарищ генерал.

— А «связной в институте» и «магнитная запись испытания прибора»?

— Разрешите воспользоваться вашим магнитофоном. Это та самая запись, которую Челидзе привез Немцовой.

Генерал согласно кивает. Я вкладываю в магнитофон катушку с магнитной пленкой и включаю запись. Слышен шум голосов, кто-то заканчивает фразу, ему отвечает другой, тут же присоединяется третий. Сколько человек беседует, сказать трудно. Голоса повторяются, иногда с промежутками, иногда сразу, один за другим.

«...обычная вакуумная камера, стекло и металл.

...смысл эксперимента в том, что с помощью направленно-го взрыва сжимается пространство, в котором локализовано магнитное поле.

...ясно, конечно: взрыв сжимает контур связанного с ним поля.

...значит, импульсивный разгон?

...в общем-то, испытание в производственных условиях производится при более высоких температурах.

...а что получится?

...выход в интервал больших полей может дать качественный скачок в состоянии вещества.

...сколько эрстед?

...подождите, когда магнитное поле достигнет расчетного значения.

...а в результате?

...полупроводники становятся металлами, а металлы полупроводниками.

Голоса потише, почти шепот.

...в общем-то, малоубедительно.

...а ты чем занят?

...предполагаю следующий ход Карпова в его телевизионном матче.

Кто-то кричит:

...не мешайте, товарищи!

...считаю: пять, четыре, три, два, один... ноль!

...посмотрел бы на шкалу показателей.

...в сущности, та же вакуумная камера, магнитное кольцо и та же сверхдистиллированная вода.

Смешок.

...святая вода!

...поле как бы ряд параллельных ладоней, поставленных по вертикали.

...а уровень радиации?

...прошу не мешать!

Молчание. Пленка идет без слов, кто-то кашляет. Потом снова включается голос:

...в лабораторных условиях температура средней кинетической энергии молекул достигает десяти, может быть, даже двенадцати тысяч.

...подсчеты потом.

...давление такого поля — это миллионы атмосфер.

...а изменение внешней среды?

...глупый вопрос. Какой? Ведь испытывается давление в магнитном поле.

Повторяется шепот:

...поехал.

...а ты нашел ход Карпова?»

Пленка обрывается. Ведь катушка миниатюрная — вместе с записывающим устройством предназначена для вмонтирования в обыкновенный телефонный аппарат.

Все мы недоуменно молчим. Переглядываемся. Общее психологическое состояние, в каком мы находимся, я бы точно назвал — растерянность.

— Может, еще раз пропустим? — осторожно предлагает генерал.

— Зачем? — пожимает плечами Жирмундский. — Все мы знаем, что это липа.

— Я не физик, — говорю я. — Физику забыл со школьных лет, да тогда нас такой и не учили. Все мы знаем о физике только то, что читаем в газетах, названия да имена. Эйнштейн, Дирак, атом, вакуум, протон, нейтрон, позитрон. И если не отталкиваться от липы, то кто из нас, прочитав этот диалог в какой-нибудь книге, усомнился бы в его правдоподобии?

Жирмундский пытается возразить:

— Я бы рискнул. Почему испытания проходят в кабинете, а не в лаборатории?

— А если кабинет, скажем, соединен с лабораторией? Бывают же такие совмещения, — предполагает генерал и продолжает: — А что, если эту дезу вернуть Ягодкину? Ведь он знает о физике не больше нас.

— Он передаст ее Отто Бауэру. В точности как в шифровке, — отвечает майор.

— Вы думаете, Бауэр знает физику лучше? А экспертов здесь под рукой у них нет. Есть смысл, майор, выпустить дезу с Бауэром, определено есть. Пошлите ее Немцовой с нарочным, сговоритесь по телефону, подскажите ей, как вести себя с Ягодкиным. Ну а мы посмотрим, как развернутся события.

Жирмундский, забрав пленку, уходит. Мы остаемся вдвоем с генералом. Один на один. И я предвижу все, что он мне сейчас скажет.

И он говорит именно то:

— У тебя ошибка, Соболев. И серьезная. Родионов. Живой он был бы нужнее нам, чем мертвый.

— У меня две ошибки, Иван Кузьмич. — Я обращаюсь к нему так, потому что мы вдвоем и разговор неофициальный. — Вторая — Челидзе. Мои сотрудники упустили его.

— Сбежал?

— Вчера ночью. Не выходя из подъезда, через окно в лестничной клетке спустился по прилегающей к стене пожарной лестнице и удрал на своей машине.

— Найдем. — Генерал неожиданно снисходителен. — Глав-

ное сделано: то, что ты предвидел, ты и доказал. Количество фактов перешло в качество. Косвенные улики легли по прямой... Если Бауэр клюнет на приманку, мы охотно пожелаем ему успеха в доставке дезы по адресу. Воображаю рожи его хозяев, когда их эксперты обнаружат липу. Когда возьмешь Ягодкина?

— Сегодня Немцова отдаст ему катушку с пленкой. Завтра он передаст ее Бауэру. Тогда и возьмем.

— Слушай... а если не брать? Если поиграть с ним и с его хозяевами?

— Бессмысленно, товарищ генерал. Ягодкин сам себя проиграл. Кто ему станет верить после этой пленки?

— Ты прав. Стало быть, действуй...

21

В кабинете меня поджидает Жирмундский.

— Как генерал? Все еще рассержен?

— Нет, доволен. Даже очень доволен. Правда, с оговорками. Родионова он нам не простит. Да мы и сами себе не простим...

Жирмундский согласно кивает. Что ж поделаешь: наша вина.

— Отослал Немцовой катушку?

— Тотчас же. И с ней поговорил.

— Не подведет?

— Нет. Сделает, что требуется. Жду ее звонка.

Я молчу с чувством охотника, выследившего добычу. Нервы как струна. Даже в голове отзвук. Звенит.

— А как с Челидзе?

— Послал Булата в Тбилиси. Он там всю Грузию подымет. Тем более что у Челидзе брат в Тбилиси.

Зачем-то перебираю на столе папки. Заглядываю в блокнот, хотя и знаю, что ничего в нем не записывал. Время течет медленно, как жидкий мед. Десять минут, двадцать, час... Наконец-то долгожданный звонок.

— Соболев слушает. Здравствуйте, Раиса Григорьевна... Был, говорите? Сейчас же ушел? И катушку взял? Хорошо. Спешил? Немедленно звоните, как только опять появится. Очень важно, каким он появится. Вы поняли, Раиса Григорьевна? Прекрасно. Жду.

Жирмундский ни о чем не спрашивает. Он все понял.

— Я думаю, он в «Националь» поехал.

— Я тоже. Хорошо бы Александров додумался позвонить. Нам очень важно знать, с каким настроением он вышел от Бауэра.

Александров звонит через час.

— Я из «Националя». Ягодкин вышел красный, потный и, по-моему, очень довольный. И сейчас же в бар. Пьет коньяк прямо у стойки.

— Кто в машине? Вы и Зайцев? Не упустите. Он может поехать к Немцовой. Если задержится у нее, там и берите.

Уйдет рано — проследите куда. Если за город, предупредите по линии, чтобы задержали машину. Все.

Трудно ждать, ничего не делая. Но мы ждем. Проходит минут сорок, а звонка от Немцовой нет. Куда же поехал Ягодкин? Где он сейчас?

Долгожданный звонок Немцовой сразу насторожил. Говорит она хрипло, с одышкой, с трудом подбирая слова:

— Только что ушел Ягодкин. Пробыл около часу, не больше. Но какой же мразью он оказался! Говорю невнятно, потому что нижняя губа у меня разбита: уходя, он ударил меня кулаком в лицо...

— Как это случилось? — я почти кричу.

— Даже говорить не хочется... Пришел, насквозь коньяком пропахший, швырнул пиджак на диван, да так швырнул, что бумажник вылетел, и сказал, что идет в ванную: ему надо, мол, принять душ, побриться и привести себя в порядок. Пока он мылся, я подняла бумажник, а из него выпал немецкий паспорт на имя какого-то Отто Бауэра, чужие, не советские деньги и билет на самолет до Вены на сегодня в восемь тридцать вечера. Когда он вышел из ванной, я подала ему бумажник и спросила, откуда у него немецкий паспорт на чужое имя и чужой билет на авиарейс до Вены. Так он даже позеленел от злости. Ткнул бумажник в карман и схватил меня за горло. «Я тебя задушю, — говорит, — сволочь, научу, как в чужих карманах шарить». А потом кулаком в лицо ткнул и ушел. Я тут же вам и звоню.

— Вот что, Раиса Григорьевна, — говорю я, — никуда не улетит ваш Ягодкин с чужим паспортом. Мы им займемся. А вы закройте дверь на все замки и никому не открывайте, кто бы ни позвонил. Я вам сам позвоню утром, а до моего звонка никуда не выходите.

— Что там произошло? — волнуется Жирмундский.

— Сегодня в двадцать тридцать Ягодкин вылетает в Вену с паспортом Отто Бауэра.

— А фото?

— В паспорт вклеена фотография Ягодкина. Видимо, это и есть «вариант зет». Если агенту угрожает опасность разоблачения, загнать его куда-нибудь в глубинку с паспортом на другое имя. А вышло, что не в глубинку, а на Запад. И каким образом это вышло? Зачем хозяевам Ягодкин за границей — без знания языков, без опыта разведчика? Марками в киоске торговать? Чепуха! Не мог Бауэр подарить ему свой паспорт с авиабилетами в придачу, если сам сегодня собирается в Вену. Тут что-то другое. Почему молчишь?

— Есть мыслишка, Николай Петрович. Может быть, Ягодкин просто украл у Бауэра его билет и паспорт. А дома свою карточку вклеил. Могло так случиться?

— Но ведь Ягодкин знал, что Бауэр перед поездкой в аэропорт, не найдя бумажника с деньгами и документами, обязательно позвонит портье, а тот дежурному ближайшего отделения милиции, — недоумеваю я. — Ведь это же неминуемый провал и арест в аэропорту. На что же рассчитывал Ягодкин?

— Бауэра он знает лучше нас, Николай Петрович. И не позвонит тот ни портье, ни в милицию. Незачем. И новый пас-

порт и билет на самолет ему все равно выдадут в посольстве с отсрочкой на день. Спросишь, для чего ему спасать провалившегося агента? Так ведь как агент Ягодкин с украденным паспортом для него все равно потерян. В глубинку теперь его уже не загонишь, а его арест в Москве может быть источником непредвиденных неприятностей для самого Бауэра. Так пусть уж занимается им венская полиция.

Я соглашаюсь. Возможно, Жирмундский и прав. До завтрашнего утра Бауэр не будет беспокоить ни милицию, ни посольство. А если мы ошибаемся, Ягодкин все равно будет задержан или нами, или угрозьском.

Бауэр знает, что Ягодкин «засвечен» и не сегодня-завтра его арестуют. Что он будет говорить на допросах? Кого назовет? Многих, многих — Ягодкин не из молчунов. И о Бауэре поведает, о скромном иностранце. И вот результат: Отто Бауэр — персона нон грата. Черта с два он получит когда-нибудь въездную визу в СССР. А значит, прощай карьера связника... Нет, Бауэр предпочтет поиграть в растеряху-иностранца в надежде, что Ягодкину удастся улететь в Вену.

— Есть еще и третий вариант, — размышляет Жирмундский. — Бауэр сам прибедет в аэропорт.

— Исключено, — говорю я. — Возможность нашего вмешательства может быть им предугадана. А тогда зачем ему рисковать. Вероятно, он все-таки надеется, что Ягодкин улетит. За его машиной следуют Зайцев и Александров. Надеюсь, они уже догадались, куда он направляется. До вылета еще полтора часа. Тут и моя «Волга» успеет.

— Сам поедешь?

— А что? На крупную щуку нужен и рыбак покрупнее.

Жирмундский явно недоволен, что мы едем не вместе.

— А нельзя ли воссоединиться?

— Нельзя. Нас там и без тебя трое. А ты нужен здесь. И не отходи от телефона. Через какие-нибудь четверть часа Александров или Зайцев тебе просигнализирует. Скажи им, что, если я почему-либо опоздаю к авиарейсу на Вену, пусть берут его без меня. Прямо у трапа. Но, вероятнее всего, я успею. У меня в запасе час с лишним.

Я даже не беру оружия. Ни стрелять, ни сопротивляться Ягодкин не будет. поймет, что игра проиграна, и будет рассчитывать на свою изворотливость или на недостаточность наших улик. Ведь загадки Чачина он не разгадал и о расшифрованном тексте его сообщения на марке не знает.

Август сейчас как июль — сухой и жаркий. В городе двадцать восемь градусов. Но от ветра, врывающегося в полуоткрытое окно машины, мне хорошо и прохладно. Навстречу бегут желтые огни фар, путевые знаки, высокие фонари над дорогой, чернеющая в сумерках придорожная трава и неизменный кусок шоссе впереди, где-то всегда обрезанный темнотой.

Вот и аэропорт. Я ставлю машину, где ей положено ждать, и прохожу через служебный вход в помещение аэровокзала.

Я не люблю вокзальной обстановки, разношерстной пассажирской толчей, суетни у касс и окошек для справок, у

буфетных киосков с теплым лимонадом и зачерствевшими бутербродами. Кресла для пассажиров всегда заняты, присесть нигде, а у меня еще полчаса свободного времени.

Покупаю цветы, прохожу мимо сидящих, что-то читающих, что-то жующих, о чем-то болтающих или скучно молчащих людей. Сразу же нахожу Александрова. Он сидит на диване с «Огоньком» в руках, открытым на странице с кроссвордом. Вероятно, Ягодкин где-то близко. Александров на меня не смотрит, уткнулся в свой кроссворд. «Столица Венесуэлы... столица Венесуэлы...» — бормочет он еле слышно.

— Каракас, — подсказываю я, также не повышая голос. Он оборачивается ко мне, узнает и уже готов вскочить.

— Сидеть! — тихо говорю я. — Где он?

— Через три ряда, напротив. Сидит вполоборота к нам. Закрылся газетой.

— А где Зайцев?

— Ведет наблюдение с другой стороны.

Смотрю на часы. Минут через десять объявят посадку. Я почти шепотом говорю об этом Александрову.

— Мы еще не знаем, на какой рейс у него билет, — отвечает он. — Александр Михайлович приказал ждать вас.

— Все правильно. На посадке в толпе пассажиров возьмите его в клещи. Один впереди, другой сзади. Не рядом, конечно. Он вас еще не приметил?

— Думаю, нет. Все время читает газету. А вы где будете?

— Я встречу его у трапа. Вы подойдете туда же.

Лавируя между ожидающими, прохожу на летное поле. Почему я намеревался задержать Ягодкина лишь в последние минуты перед посадкой? Проще было бы арестовать его тут же, в пассажирском холле. Но я хотел взять его, как говорится, с поличным, официально зафиксировать его попытку бежать за границу. Ведь само по себе его пребывание в аэровокзале еще не свидетельствовало об этом. Он мог признаться, что действительно украл бумажник у Бауэра и действительно вклеил в его паспорт свою фотокарточку, но бежать раздумал, собирался уже уехать домой, заменить в паспорте свою карточку бауэровской и вернуть этот паспорт его законному владельцу вместе с просроченным билетом на самолет. Все-таки одним преступлением будет меньше, а другие, мол, надо еще доказать. Нет, я рассчитал все точно: арест при посадке на самолет был гроссмейстерским ходом. Король заматован. Все!

Только не король он, не король, не годится тут шахматная терминология.

Я стою у трапа рядом со стюардессой, очень картинной и обаятельной. Она смотрит на меня почти с восхищенным любопытством: мое служебное удостоверение свою роль сыграло.

— Вы не полетите с нами, товарищ полковник? — спрашивает она.

— Нет, не полечу. Мне тут одного пассажира требуется встретить.

— С цветами?

— Цветы эти для вас, Лидочка. Я только ждал этого вопроса, чтобы вручить вам букет.

— Спасибо. Только, между прочим, я не Лидочка, а Валя.
— Простите, Валечка. Тут я с одной стюардессой летал, на вас похожей. Так ее звали Лидочкой. Ну и сболтнул по-стариковски.

— Какой же вы старик? Полковник он и есть полковник. Совсем молодых полковников не бывает.

— А космонавты? — улыбаюсь я.

— Так то космонавты, а вы просто военные... — Она ищет слова, которые могли бы, не обидев меня, объяснить в ее понимании разницу между просто полковником и полковником-космонавтом. — Да и работа у них не просто военная и не просто воздушная, как у наших пилотов, а специальная, особая и очень-очень трудная.

— У нас, Валя, тоже специальная и нелегкая, хотя мы и не летаем в космос, — вздыхаю я.

— А кто этот ваш пассажир, не секрет?

— Секрет, Валя. А увидеть его вы, конечно, увидите.

К самолету уже подходят первые пассажиры. Много наших, советских, но есть и ярко выраженные иностранцы. Этих узнаешь сразу. Молодых — по джинсам, джинсовым курткам, по рубашкам диковинных расцветок, стариков — по хорошо сшитым костюмам и обязательным зонтикам. Наши с зонтиками не ездят.

Ягодкин подходит к трапу вслед за платиноволосой Гретхен в белых расклепанных брюках. В руках у него мягкий клетчатый чемодан, весь оклеенный иностранными этикетками. Глаза, как и у меня, прикрыты дымчатыми очками. В сущности, такой же примитивный маскарад, как и мой.

На Гретхен я не смотрю, но перед Ягодкиным протягиваю руку, преграждая ему путь на лестницу.

— Варум? — спрашивает он по-немецки, явно не узнавая меня.

— Отойдем в сторонку, Михаил Федорович, — говорю я негромко, но непреклонно.

Он еще не понял или делает вид, что не понял.

— Их бин Отто Бауэр. Я есть иностранный турист, — настаивает он, ломая русский язык.

— Не будем мешать пассажирам, Михаил Федорович. И не надо шуметь. Ведь мы с вами давно знакомы.

Я беру его под руку, сбоку вырастает лейтенант Александров, а чуть позади Зайцев. Ягодкин уже узнал меня и как-то оседает. Он не сопротивляется, только еле-еле идет, ни о чем не спрашивая. Да и не о чем говорить, когда все уже ясно.

Так мы доходим до ожидающей нас машины.

— Сегодня допрашивать вас не буду, Михаил Федорович, — поясняю я арестованному, — у вас есть еще время подумать до завтра. Только учтите, что нам уже все известно. Абсолютно все. Вы, товарищи, — обращаюсь я к своим лейтенантам, — доставьте его прямо в камеру, майор Жирмундский все оформит. Ну а я доберусь на вашей машине.

Из аэропорта звоню Жирмундскому.

— Все сыграно как по нотам, Саша. Взяли прямо у самолета, в очереди на посадку. Сейчас его увезли Зайцев и Александров. Оформил все, что нужно, и езжай домой.

— Не нравится мне твой тон, Николай Петрович. Голоса победителя не слышу.

Тон у меня действительно минорный, но я просто устал на следственном марафоне. И еще не дошел до финиша.

22

Утро следующего дня начинается у меня с телефонных звонков. Сначала звоню Немцовой.

— Раиса Григорьевна? Соболев вас приветствует. Ни вчера вечером, ни ночью вас никто не потревожил, нет? Отлично. Теперь можете спокойно выходить: Ягодкин арестован. Челидзе струсил, и это вас спасло. Ну а если бы не струсил, вы могли стать соучастницей Ягодкина.

Потом по внутреннему телефону вызываю Жирмундского. Он знает, о чем я спрошу, поэтому сразу же выдает готовый ответ:

— В милицию я уже звонил. Заявление Бауэра получено и тут же передано в МУР одновременно с просьбой посольства.

— Соедини меня с угрозыском, — говорю я.

Трубку подымает старший инспектор Маликов, с которым я уже встречался в связи с делом Гадохи. Оказывается, он меня помнит и потому позволяет себе пошутить.

— Третье дело вам сдаем, товарищ полковник. Отрадно. Могу еще парочку подбросить.

— Не помню второго.

— А дело об убийстве на Минском шоссе. Его у нас забрал ваш помощник. Кстати, и первое и второе мы бы закрыли: там нет даже подозреваемых. Один сгорел, второй, угробив машину, сам же разбился. Только в третьем деле надо вора искать. Посольство требует, да поскорее.

— Уже нашли, — усмехаюсь я.

— Кто?

— Мы же и нашли. Так что передавайте дело. Облегчаем вашу работу.

Обмен любезностями завершает переговоры. А дело закрыть нельзя. Ни первое, ни второе, ни третье.

Отто Бауэр. Коммерсант. Представитель мюнхенской фирмы «Телекс» с ее филиалом в Вене. И Бауэр не подставное лицо, он действительно занимается торговыми делами в Москве. Но то, что у него есть и другие хозяева, знаем пока только мы. Знаем, но привлечь к ответственности не можем. Правда, катушку с магнитофонной записью мы у него, пожалуй, найдем, но запись подтвердит только розыгрыш Челидзе и Шелеста. А Бауэру мы даже экспертизы физиков не предъявим. Он посмеется и скажет: нашел где-то на улице, прослушал дома и оставил у себя как любопытную диковинку. В чем же его обвинишь? В шифрованной переписке на почтовых марках он не участвовал, с Ягодкиным, скажем, незнаком, а имя Отто так же популярно в Германии, как у нас Владимир или Олег. Даже если признается Ягодкин, Бауэр может хладнокровно все отрицать. Никаких очевидцев их знакомства ни у нас, ни у Ягодкина нет. Свидетельство Линьковой неубеди-

тельно. В первый раз она видела его только мельком накануне превращения Ягодкина в филателиста. На прошлой неделе так же мельком заметила его в подъезде гостиницы «Националь» на улице Горького. На официальном допросе она может сказать только то, что Бауэр чем-то напоминает Лимманиса, как его называл тогда Ягодкин, но категорически утверждать, что это одно и то же лицо, она, конечно, не будет. Случайная встреча со случайным человеком... Так что никаких оснований для того, чтобы задержать Отто Бауэра, у нас не имеется. Да и пусть улетает он со своей липовой записью.

— Значит, ни документов, ни билета на самолет ему не возвращаем? — спрашивает Жирмундский, когда я излагаю ему свои соображения о Бауэре.

— А зачем? Они пойдут в дело Ягодкина вместе с западногерманской валютой, а новый паспорт и билет Бауэр получит в посольстве.

Я смотрю на часы. Уже полдень. Пора начинать генеральную репетицию.

Звоню по внутреннему телефону.

— Ягодкина на допрос.

Ягодкин появляется, садится на стул напротив меня.

— Можно закурить, гражданин следователь?

Я протягиваю ему сигареты. Он закуривает с наслаждением давно не курившего человека. Глаза еще спокойные, и не дрожат руки. Значит, допрос будет трудный.

— Я вас предупреждал, что все знаем о вас?

— Предупреждали. Только ваше «все» — это мое «ничего». Меня могли бы уличить только факты. А у вас всего один: чужой паспорт и попытка бегства. Не могу не признать: бы-ло!

Ягодкин хорошо знает Уголовный кодекс. Статья о попытке бегства за границу — это одно, а статья об антисоветской деятельности в интересах иностранной разведки — совсем другое.

— Как оказались у вас документы Бауэра? — спрашиваю я.

— Нашел в вагоне метро на скамейке. Соседей не помню.

— Зачем же вы вклеили свою карточку в чужой паспорт?

— Затем, чтобы воспользоваться им как своим.

— И авиабилетом до Вены?

— Неумный вопрос. Все затем, чтобы удрать за границу.

— Разве у нас вам так плохо жилось?

— Всегда ищешь лучших возможностей в жизни. У нас две личные автомашины — это уже предлог для вмешательства ОБХСС, а за границей только признак зажиточности.

— А Бауэр не способствовал вашему побегу?

— Косвенно, как владелец паспорта.

— Это свидетельство вашей лжи. Вы связаны с Бауэром, и ваша попытка к бегству, — я выбрасываю свой первый козырь, — это в его кодовой системе переосмысленный вами «вариант зет»!

Хороший удар. У Ягодкина в глазах искорки ужаса. Но воля берет верх, искорки тухнут.

— Что значит «переосмысленный»? — медлит он.

— То, что вам надлежало скрыться где-нибудь на периферии, а вы предпочли бежать за границу с паспортом Бауэра.

— А при чем здесь «вариант зет»? Я вас не понимаю.

— Откуда же, вы думаете, мы взяли эти два слова?

— Не интересуюсь.

— Ладно, к вопросу о «варианте зет» мы еще вернемся, а пока ответьте на вопрос из вашей военной биографии.

— Она чиста как стеклышко, протертое замшей.

— Мы проверили: все совпадает. Но интересует нас лишь один эпизод вашей фронтовой биографии. Ваше отступление из Минска.

— А что тут интересного? Хаос, сумятица, смятение чувств. Отступали по болоту, обходя прорвавшуюся по шоссе танковую колонну противника. Под ногами кочки, осока, грязь. А кругом мгла, туман, ольшаник простреливаемый. Гибли люди без счета. Ну а мне повезло, уцелел.

— А кто с вами рядом был, не припомните?

— Разве теперь вспомнишь? С одним, можно сказать, два дня до смерти шли: так на руках у меня и отдал богу душу. А я даже, как звать его, позабыл.

Я бросаю еще один козырь.

— А Ключева не помните — бывшего штрафника из вашей роты?

И опять в глазах его вспыхивают искорки страха. И тут же гаснут: сильной воли человек.

— Не припоминаю.

— Лжете, Ягодкин, помните. И он вас четверть века помнил. И в Москве вас нашел, чтобы посчитаться за старые дела-делишки. Ведь мы знаем об этом визите и о его последствиях.

— Басни.

— Вот и прочтите одну из них. — Я передаю ему копию заявления Ключева.

Ягодкин читает, не подымая глаз, только руки дрожат — вот-вот разорвет он этот листок. Читает он долго, я думаю, перечитывает каждую строку по нескольку раз, размышляя, как обесценить этот документ. Наконец наши взгляды встречаются — мой уверенный и его озлобленный взгляд попавшего в капкан волка.

— Не так все было, гражданин следователь. Оклеветал он меня.

Я не говорю Ягодкину об анонимке: в деле она не рассматривалась, Ключев и так все признал. Но об анонимке вспомнил сам Ягодкин.

— Я знаю, что здесь только вы задаете вопросы, гражданин следователь. Но разрешите и мне задать вам вопрос.

— Спрашивайте.

— Вы знакомились с делом Ключева?

— Конечно.

— Не было ли в этом деле указующего письма без подписи обо всех его преступлениях перед законом?

— Анонимные письма в суде не рассматриваются.

— Но у следователя по его делу было такое письмо. Это я написал его. Перечислил все им содеянное.

Я вижу ход Ягодкина и куда он ведет. Подлец охотно признает любую пакость, когда она уменьшает его вину. Если бы анонимные письма рассматривались судом, то Ягодкин мог бы отвести обвинение Клюева как месть за его заявление в угрозыск.

— Возможно, следствие не придало ему большого значения, — говорю я. — И кем бы ни был Клюев, срок его заключения рано или поздно закончится. А свидетельство его о вашем пребывании в плену у немцев и о вашем согласии работать на их разведку все равно остается таким же уличающим вас свидетельством, даже если бы он был соучастником вашего преступления.

Он опять меняется у меня на глазах. Не суетится, не ерничает, не пытается ничего опровергнуть. Только говорит снова медленно-медленно, как будто все уже решил.

— О чем плакать? — вздыхает он. — Было. И плен и вербовка. Взяли подписку и отпустили через несколько дней на том же участке фронта. Но ведь не работал же я на гитлеровскую разведку. Войну прошел с боями, наградами и чистой совестью. Никого не продал, не предал. О Клюеве не говорю: дезертир он и ворюга, и жалеть его не за что. А то, что он сказал обо мне, — правда. Но ей уже больше тридцати лет, можно было бы и простить.

— На немецкую разведку в годы войны вы действительно не работали — охотно верю. А вот через три десятка лет о вас все-таки вспомнили. Нашлась где-то в архивах гитлеровских преемников ваша подписочка. И не тронули бы вас из-за нее: только мужество надо было иметь, мужество признания. А вы шантажа испугались. Все у вас было: работа, в которой вы были мастером, семья, которую могли бы и не разрушать, перспектива честной, незапятнанной жизни. Но вот приезжает из Мюнхена или Кёльна некий господин Бауэр, представитель уже не гитлеровской и даже не западногерманской разведки. И честная жизнь гражданина Ягодкина кончается. Появляются доллары, кляссеры с редкими марками, да и расплата не слишком трудная: всего-навсего скототить вокруг себя группу своих людей, которым весело хочется жить, не утруждая себя хождением на работу, и на которых мог бы опереться уже более опытный, чем вы, другой специально засланный агент. Тут пригодились бы и бывшие уголовники, и просто жадные до денег люди, и злобные антисоветчики, готовые на все, чтобы порадовать хозяев «Свободной Европы». К счастью, времени у вас было мало, не успели вы расширить «компашку», да и довериться вы могли только двум, полученным в наследство от вашего «однофамильца» из Марьиной рощи. Один просто ловкий мошенник, валютчик и спекулянт, другой — бандит, способный на любое преступление за пару сотенных. Наследство небогатое, хотя трюк с однофамильцами, как прикрытие, роль свою сыграл. Только надо было так случиться, что первый Ягодкин был совсем не Ягодкин, а Гадоха — один из моих старых знакомых. Тут уж вам не повезло. Вот отсюда-то и начался новый ваш след как изменника Родины, подлеца и убийцы. Да, да, убийцы, потому что на ваших руках кровь убитого по

вашей указке советского человека. А начнем мы с вашего развода, с ваших первых знакомств, с поисков связных, которые могли бы перевезти за границу на вид совсем новенькие советские марки, а на самом деле марки с зашифрованным на обороте текстом и затем покрытые непрозрачным бесцветным клеем.

— Это только ваша гипотеза, гражданин следовательно, — снова очень спокойно возражает Ягодкин. — Я действительно посылаю своим зарубежным друзьям новые советские марки, но никаких манипуляций с ними не происходит. Марки так и остаются марками, а не способом секретной связи с заграницей, в чем вы меня обвиняете.

— Почему же вы, посылая марки, не пользуетесь обычной почтовой связью? — вмешивается в допрос Жирмундский.

— Потому что не хочу рисковать.

Мы переглядываемся с Жирмундским, и я понимаю его предостерегающий взгляд: пока не говорить о Чачине и о расшифрованном нами тексте на обороте переданной ему почтовой марки, прибереечь главный наш козырь к финалу. Что ж, прибережем. Тем более что деятельность Ягодкина на поприще советской филателии далеко не исчерпана.

— Значит, вы признаетесь в том, что ваш интерес к филателии и связанным с нею обменным операциям с зарубежными коллекционерами возник у вас с приездом в Москву и визитом к вам господина Бауэра? — суммирует свой вопрос Жирмундский.

— Нет, не признаюсь.

— Но у нас есть свидетельство вашей бывшей жены.

— Она может свидетельствовать только о том, что было в действительности. Действительно, я купил у богатого иностранца его редкую коллекцию марок. Естественно, я не собирал ее, но у филателистов не спрашивают, приобретал ли он свою коллекцию оптом или поштучно. Значение имеют сами марки, а не их бывшие собственники. Кстати, бывшего собственника купленных мною марок звали не Бауэром.

— Ну, Лимманисом, как вы назвали его вашей жене. У гастролеров из иностранных разведок обычно десятки разных фамилий.

— О своей профессии он мне не рассказывал. Речь шла только о марках.

— Странно не это. Странно то, что пополняли вы свою коллекцию главным образом из зарубежных источников.

— Европейский марочный рынок богаче нашего.

— А связных для гастролей на этом рынке подыскивал вам Челидзе?

— Об этом спросите его самого.

— Это он для вас пытался завербовать инженера Еремина?

— Завербовать? Для меня? Не пугайте, гражданин следователь. В первый раз слышу эту фамилию.

— Не лгите, Ягодкин. Челидзе с ним вел переговоры от вашего имени. Ведь Еремин шел к нам, чтобы рассказать об этом. Вот тогда он и был сбит вашим автомехаником.

— Почему моим? Родионов обслуживал на станции десятки автомашин. И, кстати, как мне рассказали, сбил случайно,

пытался удрать от погони и в результате погиб сам в автомобильной аварии.

— Но он ехал в машине с поддельным городским номером, а, кроме того, в его бумажнике нашли несколько новеньких сотенных купюр, которыми кто-то мог заплатить за убийство Еремина.

— И этот «кто-то» я?

— Это выяснится на допросе Челидзе. Связь с Родионовым вы поддерживали через него.

Ягодкин брезгливо морщится. Ведь он, по-видимому, уже осведомлен о побеге Челидзе.

Исчезновение Челидзе позволяет Ягодкину вилать. Вероятно, он и далее будет пользоваться этим исчезновением, ускользая от самых опасных поворотов допроса.

Что ж, попробуем все-таки остановить его на таком повороте.

— С подследственной Немцовой вас познакомил Челидзе?

— Возможно.

— Отсюда и ваша близость к ней?

— Нельзя игнорировать женщину с таким обаянием. Ни один холостяк не прошел бы мимо.

— А почему вы так интересовались ее работой в области, мягко говоря, весьма далекой от ваших профессиональных забот?

— Откуда вам это известно?

— От самой Немцовой. Зачем, например, вы послали в ее институт под видом телефонного мастера того же Челидзе?

— Она что-то путает. Вероятно, это была его инициатива.

— Для чего?

— Спросите у Челидзе. Я не смешивал своих и его интересов.

Жирмундский снова подмигивает мне: пора, мол, переходить к Чачину. Я отвечаю кивком, предоставляя ему инициативу. Жирмундский тут же переходит к допросу:

— Как вам удалось спровоцировать Чачина?

— При чем здесь провокация? От Челидзе я узнал, что Чачин едет в Западную Германию. Пригласил познакомиться, почему-то был уверен, что у нас обоих имеются обменные марки. Так и оказалось, даже уговаривать не пришлось. Коллекционер всегда поймет коллекционера. И хотя Чачин сам собирает советские марки, кто ж откажется от зарубежных новинок — для обмена хотя бы. Лично я послал Кюдосу две новехонькие советские марки «Союз» — «Аполлон», ну а Чачин из своих мог обменивать любые дубли.

— Взамен вы ничего не получите, — говорит Жирмундский. — Обе ваши марки у нас. Мы их расшифровали и расшифровали текст. Вот он, подбуйте.

И кладет перед Ягодкиным фотоснимок обеих марок с цифровой записью и листок бумаги с расшифрованным текстом. Ягодкин, не нагибаясь к столу, читает. Руки опять дрожат.

— Для меня это такая же новость, как и для вас. Марки для обмена доставил Челидзе. Я только передал их Чачину.

Неужели же все-таки он ускользнет от нас? Ведь пока Еремин без сознания, бесспорно доказать можно только два преступления Ягодкина: попытку с чужим паспортом бежать за границу и тайную вербовку его гитлеровской разведкой в первые дни войны. Но доказать, что побег был запланирован и подготовлен самим Блауэром, мы не можем, а на гитлеровскую разведку он не работал ни в первые, ни в последние дни войны. Все остальное он отрицает, подставляя под удар исчезнувшего Челидзе.

Допрос Челидзе! А когда найдем его? Сколько времени потребуется?

Телефонный звонок прерывает мои раздумья. Станный телефонный звонок в минуты молчания, когда решается судьба человека. Я апатичен. Жирмундский морщится, Ягодкин вздрагивает: а вдруг это тот самый звонок, который ставит точку в его последнем слове защиты?

Прав Ягодкин: это именно тот звонок!

Я машинально поднимаю трубку. Звонит Булат из Тбилиси.

— Только что взяли Челидзе на даче его брата за городом.

— В Москву, — выдавливаю я с трудом застревающие в гортани слова, — сейчас же в Москву. Предусмотрите все: охрану, доставку, передвижение по городу.

И, не глядя на Ягодкина, нажимаю кнопку звонка на столе. Входит дежурный.

— Уведите обвиняемого.

На Ягодкина я уже не смотрю. Мне все равно теперь, как он выглядит, как реагирует на звонок, о чем размышляет.

Жирмундский наклоняется над столом.

— Откуда? Кто?

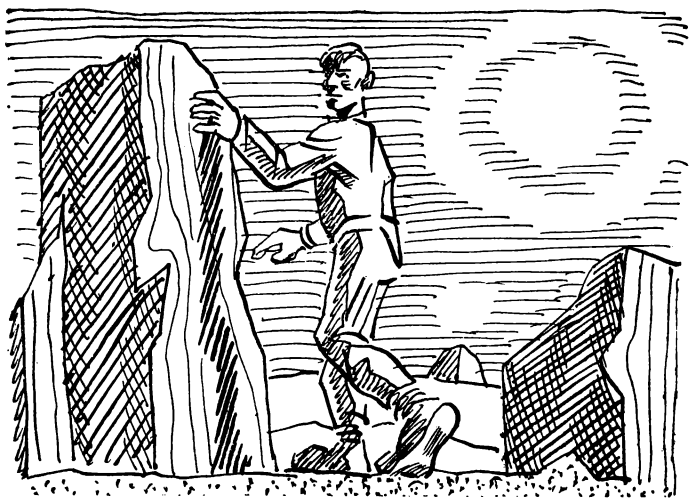
— В Тбилиси арестован Челидзе. Показания Еремина у нас не сегодня-завтра будут. Теперь все. Конец. Точка.

Джигсо! Составная картинка-загадка, представлявшая когда-то груды распиленных мелких кусочков, уже собрана полностью.

Сложи так! — говорит нам ее название.

Сложи так.

Роберт ШЕКЛИ

МАКС ВЫПОЛНЯЕТ СВОЙ ДОЛГ

Фантастический рассказ

Успешно приземлившись на Регулюсе V и разбив лагерь, члены экспедиции активировали Макса, патрулирующего робота ПР-22—0134, которому предписывалось охранять лагерь от туземцев. Сначала Макс был цвета вороненой стали, но затем его любовно перекрасили в радующий глаз нежно-голубой цвет. Робот был всего лишь четырех футов роста и передвигался на двух шарнирных ногах.

Честно говоря, Макс не обладал качествами, которые ему приписывали. ПР-22—0134 был не более рассудительным, чем уборочная машина Мак-Кормика, и примерно таким же добряком, как прокатный стан. Что же касается моральных устоев, то Макс великолепно выдерживал сравнение с камнедробилкой и не претендовал на большее.

Началась эта история с того, что капитан Битти и лейтенант Джеймс снарядили реактивный вездеход и отправились в двухнедельную разведывательную экспедицию. Присматривать за лагерем остались лейтенант Халлоран и Макс.

Халлоран был невысокий веснушчатый крепыш. Он обладал жизнерадостным характером, изобретательным умом и не лазил в карман за словом. Позавтракав, Халлоран вышел на связь с разведывательным отрядом, после чего, уютно устроившись в шезлонге, погрузился в созерцание пейзажа.

Для любителя мрачных, заброшенных пустынь Регулюс V был бы исключительно подходящим местом: повсюду рассти-

лался унылый однообразный ландшафт: скалы и валуны, покрытые застывшей лавой. В бледном небе летали немногочисленные пташки, похожие на воробьев, а среди валунов сновали какие-то зверьки, отдаленно напоминавшие койотов.

Сплюнув, Халлоран поднялся на ноги.

— Я немного пройду, Макс, — обратился он к роботу. — А ты присматривай за лагерем.

Робот устал на Халлорана сенсорные элементы.

— Слушаюсь, сэр.

— Не пускай в лагерь туземцев, особенно двухголовых с вывернутыми коленками.

— Слушаюсь, сэр. — Когда речь заходила о туземцах, Макс полностью терял свое и без того скудное чувство юмора.

— Вы знаете пароль, мистер Халлоран?

— Да, Макс. А ты?

— Я знаю, сэр.

— О'кэй. Тогда до встречи.

Побродив часок по окрестностям и не найдя ничего достойного внимания, Халлоран возвратился. ПР-22—0134 спокойно патрулировал вокруг лагеря..

— Привет! — весело окликнул робота лейтенант. — Что нового?

— Стой! — приказал Макс. — Пароль?

— Не валяй дурака, Макс. Я не настроен...

— Стой! — крикнул робот.

Лейтенант резко остановился. Фотоэлектрические элементы робота угрожающе засверкали, послышался двойной щелчок — включилась боевая система. Халлоран решил действовать с осторожностью.

— Ну вот, я остановился, — игриво сказал он. — Меня зовут Халлоран. Теперь все в порядке, Максик?

— Скажите, пожалуйста, пароль.

— «Колокольчики». Тебя это устраивает, бродяга?

— Не шевелитесь, — ледяным тоном приказал робот. — Вы неправильно назвали пароль.

— Как ты смеешь, черт побери? — загремел Халлоран. — Я же сам тебе его дал!

— Это старый пароль.

— Старый? Ты что, взбесился, мерзавец? «Колокольчики» — единственный правильный пароль, и он не может быть старым, потому что не было никакого нового. Если только... — Тут Халлорана осенила мысль, от которой по телу поползли мурашки. — Если только... — упавшим голосом повторил он, — капитан Битти не дал тебе перед уходом новый пароль. Это так?

— Так, — равнодушно подтвердил робот.

— Мне следовало предусмотреть это, — сказал Халлоран и примирительно улыбнулся. Подобные накладки случались с ним не впервые, но в лагере всегда был кто-то, и дело копчалось дружеской выволочкой. Конечно, и сейчас беспокоиться не о чем, минимум здравого смысла — и нелепая ситуация будет устранена.

— Макс, — увещевающе заговорил Халлоран, — я понял, в чем дело, дружище. Капитан Битти дал тебе новый пароль, но забыл сообщить его мне. Вот потеха!

Робот молчал. Халлоран продолжал:

— Но в любом случае ошибку легко исправить, не так ли?

— Искренне надеюсь, что так, — великодушно ответил робот.

— Это совсем просто! — весело сказал Халлоран. — У нас с капитаном заведено, что когда он дает тебе новый пароль, то сообщает об этом мне. Но на случай недоразумения — такого, как сейчас, — он записывает этот пароль на бумаге,

— В самом деле? — поинтересовался Макс.

— Да. Всегда. И, безусловно, сейчас тоже. Видишь сзади палатку?

Робот развернул один сенсорный элемент на сто восемьдесят градусов, не спуская второго «глаза» с Халлорана.

— Вижу.

— О'кэй. Внутри палатки стоит стол. На нем находится серая металлическая коробка. Так вот, в коробке лежит листок бумаги, на котором записаны частоты, волны радиосвязи и пароль. Видишь, как все просто!

Робот выслушал лейтенанта с видимым равнодушием. Халлорану даже показалось, что Макс зевнул.

— Вы должны знать, как произносится пароль, а не где он записан, — последовал бюрократический ответ. — Если вы назовете пароль, я пропущу вас в лагерь. В противном случае согласно полученному приказу я не имею права так поступить.

— Проклятье! — взорвался Халлоран. — Послушай, ты, жестяной идиот, ведь это же я, Халлоран, ты меня прекрасно знаешь, пустоголовый болван! Я, который активировал тебя своими собственными руками! Вдохнул в тебя, консервную банку, жизнь! Прекрати эту комедию ипусти меня в лагерь!

— Ваше сходство с мистером Халлораном и впрямь просто удивительно, — честно признал робот, — но я не имею права доверять своим чувствам. Я поверю в истинность ваших слов только тогда, когда вы назовете правильный пароль.

Халлоран с трудом подавил новый приступ ярости.

— Макс, старый дружище, — ласково заговорил он, — ты что, принимаешь меня за туземца?

— Поскольку вы не знаете пароля, я руководствуюсь именно этим предположением, — сдержанно подтвердил демагог-робот.

— Макс! — завопил Халлоран и шагнул вперед. — Ради бога...

— Не пересекайте круг! — крикнул робот, и сенсорные элементы угрожающе вспыхнули. — Я не знаю, кто вы такой, но отойдите назад.

— Хорошо, хорошо, — поспешил подчиниться Халлоран. — Не нервничай...

Он отступил на несколько шагов, уселся на выступ валуна и задумался.

Дело принимало серьезный оборот.

Настал полдень тысячекосовых суток Регулюса V. В мертвенно-бледном небе сверкали два солнца, два деформированных белых пятна. Они вяло ползли над серым гранитным горизонтом, и от их жгучих лучей спасалось все живое.

В раскаленном небе парили редкие птицы. Разморенные зверьки перебегали от одной крошечной теги к другой. Похожее на росомаху существо что-то грызло возле палатки, по робот не обращал на эту тварь никакого внимания. На выступе валуна, скорчившись, сидел человек и наблюдал за роботом.

Дикая жара и отсутствие воды уже начинали сказываться на самочувствии Халлорана. Анализируя ситуацию, он пришел к выводу, что без воды долго не протянет и погибнет от жажды.

Вода имелась только в лагере. Воды там сколько угодно, но проклятый робот делает ее недоступной!

Через три дня Битти и Джеймс выйдут на связь, но не слишком встревожатся, если Халлоран не ответит: прохождение радиоволн здесь из рук вон скверное. Очередной сеанс связи в тот же вечер, а потом на следующий день. И только тогда, не сумев связаться, Битти и Джеймс позволят себе вернуться в лагерь.

Значит, в лучшем случае пройдут четыре земных дня. Только не все ли ему равно: четыре дня или четыре года?

Когда потеря воды составит десять-пятнадцать процентов от веса тела, он впадет в шоковое состояние. Это может произойти совершенно внезапно. Кочевники-бедуины погибают без воды через двадцать четыре часа. Автомобилисты, потерпевшие аварию в Мохавской пустыне на юго-западе США, не протягивали и суток.

Воздух на Регулюсе V был более знойным, чем в Калахари, и более сухим, чем в Долине Смерти. Местные сутки продолжались тысячу земных часов...

Сколько он еще выдержит? День? Два?

Надо выкинуть из головы Битти и Джеймса — оп их не дождется. Он должен во что бы то ни стало добыть воду в лагере. И быстро.

Но как перехитрить этого жестяного истукана?

Лейтенант пустил в ход логику.

— Макс, ты знаешь, что я, Халлоран, уходил из лагеря, и что я, Халлоран, вернулся через час, и что я теперь стою перед тобой, не зная пароля.

— Это звучит довольно правдоподобно, — уклончиво признал робот.

— Тогда... — обрадовался Халлоран.

— Но я не могу этим руководствоваться, — продолжал робот. — Я создан для того, чтобы охранять лагерь от туземцев, а не для ведения переговоров со всякими сомнительными личностями.

— Это я — сомнительная личность? — взорвался Халлоран.

— Ладно, черт с тобой, вынеси хотя бы флягу воды.

— Не имею права. Это противоречит приказу.

— От какого идиота ты получил такой приказ?

— Я его не получал. Но данное заключение вытекает из основного приказа. Я не должен помогать или содействовать туземцам.

Халлоран не выдержал. Однако Макс игнорировал все его оскорбления, поскольку был запрограммирован только на то, чтобы не допускать туземцев в лагерь.

Выложившись до конца, туземец, выдававший себя за лейтенанта, скрылся за скалой.

Через несколько минут из-за скалы, весело насвистывая, вышло какое-то существо.

— Привет, Максик, — сказала существо.

— Здравствуйте, мистер Халлоран, — вежливо откликнулся робот.

Лейтенант остановился в десяти шагах от круга.

— Я осматривал окрестности, но ничего примечательного не заметил, — сказал он. — Что-нибудь произошло за время моего отсутствия?

— Да, сэр, — ответил Макс. — В лагерь пытался проникнуть туземец.

— В самом деле? — Халлоран удивленно вскинул брови. — Как он выглядел?

— Точь-в-точь как вы, мистер Халлоран.

— Черт побери! — воскликнул Халлоран. — А как ты определил, что это не я?

— Он пытался пробраться в лагерь, не зная пароля. Настоящий мистер Халлоран никогда бы не поступил так.

— Конечно, — заверил лейтенант. — Молодец, Максик. Теперь нам надо держать ухо востро.

— Да, сэр. Благодарю вас, сэр.

Халлоран кивнул. Он был доволен собой.

Макс действовал, руководствуясь основополагающим принципом, согласно которому земляне всегда знали пароль. Согласно другому основоположению туземцы никогда не знали пароля, но всегда стремились проникнуть в лагерь. Значит, любое существо, не пытающееся войти в лагерь, лишено этого свойственного туземцам комплекса и, следовательно, должно быть землянином.

— Друг мой, — озабоченно сказал Халлоран. — Во время экскурсии я сделал весьма тревожное наблюдение.

— Да, сэр?

— Я обнаружил, что наш лагерь разбит на самом краю огромного разлома в коре планеты, по сравнению с которым пропасть Сан-Андреас — ничтожная трещинка.

— Дело плохо, сэр. Вы считаете, что есть риск?

— Еще бы, черт побери! Риск настолько серьезен, что нам предстоит изрядно поработать. Придется перетящить лагерь на пару миль к западу. Немедленно! Возьми фляги с водой и ступай за мной.

— Слушаюсь, сэр, — с готовностью подчинился Макс. — Прошу снять меня с поста.

— О'кэй, ты свободен, — сказал Халлоран. — Можешь идти.

— Не имею права, — ответил робот. — Вы должны назвать

пароль и объявить его впредь недействительным. Тогда я смогу прекратить патрулирование лагеря.

— Некогда тратить время на пустые формальности! — завопил Халлоран. — Новый пароль — «Золотая рыбка». Пошевеливайся, Макс, я только что ощутил сильнейший толчок коры.

— Я не чувствовал никакого толчка.

— Еще бы! — рявкнул Халлоран. — Ты же всего-навсего жалкий робот и не способен чувствовать. Проклятье, еще один толчок! Теперь-то ты заметил?

— Кажется, да, — неуверенно пробормотал робот.

— Так торопись же, болван!

— Не могу, мистер Халлоран, — горестно сообщил робот. — Я не имею права прекратить патрулирование, пока меня не снимут с поста по установленной форме! Прошу вас, сэр, снимите меня с поста!

— Не волнуйся, — в отчаянии сказал Халлоран. — Я передумал — мы пока оставим лагерь на месте.

— Но землетрясение...

— Я думаю, что у нас еще есть немного времени. Схожу проверю еще разок.

Он скрылся за скалой. Сердце, словно бешеное, колотилось о грудную клетку, и казалось, что кровь в жилах стала гуще. Перед глазами плясали яркие пятна. Халлоран почувствовал, как подкатывается тошнота, присел, спрятавшись в крошечную тень.

Бесконечный день продолжался. Аморфная двойная белая клякса сползла на один дюйм к горизонту. ПР-22—0134 патрулировал вокруг лагеря.

Поднялся сильный ветер и обдал песком немигающие сенсорные элементы Макса. Робот продолжал обход, не останавливаясь ни на миг. Ветер утих, и из-за скалы появилась фигура. Кто это — Халлоран или туземец? Макс воздержался строить предположения и по-прежнему бдительно нес охрану.

Из-за валуна выскочил тот самый паршивый зверек, похожий на койота, и, петляя, промчался мимо Макса. Сверху спикировала крупная птица. Раздался отчаянный визг, и на брезент палатки брызнула кровь. Птица, тяжело взмахивая крыльями, поднялась в небо, сжимая в когтях еще трепещущую жертву.

Макс не обратил на все это внимания. Он наблюдал за человекообразным существом, которое, пошатываясь, приближалось к лагерю.

Существо остановилось перед кругом.

— Добрый день, мистер Халлоран, — поздоровался Макс. — Должен сказать, сэр, что вы проявляете явные признаки сильной обезвоженности. Подобное состояние приводит к шоку, потере сознания и смерти, если не принять немедленных мер.

— Заткнись, — хрипло приказал Халлоран.

— Слушаюсь, мистер Халлоран.

— И прекрати называть меня мистером Халлораном!

— Почему, сэр?

— Потому что я не Халлоран. Я — туземец!

— Вот как? — удивился робот.

— Да. Ты что, не веришь?

— Такое безапелляционное заявление...

— Ничего, сейчас я тебе докажу... Я НЕ ЗНАЮ ПАРОЛЫ! Этого достаточно?

Чувствуя, что робот колеблется, Халлоран присовокупил:

— Мистер Халлоран велел, чтобы я напомнил тебе критерий твоего поведения: землянин — разумное существо, которое знает пароль; туземец — разумное существо, которое не знает пароль.

— Правильно, — неохотно согласился робот. — Знание пароля — мой основной критерий. Но я чувствую, что здесь что-то не так. А вдруг вы меня обманываете?

— Я? — деланно возмущился Халлоран. — Если я тебя обманываю, то я ДОЛЖЕН БЫТЬ землянином, который, естественно, знает пароль. В этом случае никакой опасности нет. Но ты знаешь, что я не лгу, поскольку ни один землянин не станет лгать насчет пароля.

— Я не уверен...

— Тогда слушай. Никакой землянин не станет выдавать себя за туземца, верно?

— Конечно.

— А знание пароля — единственный достоверный критерий различия между землянином и туземцем?

— Да.

— Значит, дело в шляпе? — заискивающе спросил Халлоран.

— Я все еще не уверен, — упрямо пробормотал Макс, и Халлоран понял, что самоуверенному, гордому своим совершенством роботу неприятно выслушивать наставления от туземца, даже если туземец всего-навсего стремится доказать, что он и в самом деле туземец.

Наконец Макс заговорил:

— Ну ладно, я согласен, что вы туземец. Соответственно я не могу пропустить вас в лагерь.

— Я и не прошу тебя об этом. Дело в том, что я пленник Халлорана. Знаешь, что это означает?

Сенсорные элементы быстро замигали.

— Нет, — ответил робот.

— Это означает, — пояснил Халлоран, — что ты должен подчиниться приказу Халлорана, который велел заключить меня в лагерь под стражу.

— Но мистер Халлоран знает, что я не могу пустить вас в лагерь! — воскликнул Макс.

— Конечно! Но Халлоран приказывает взять меня в лагере под стражу, а это совсем другое дело.

— Разве? — недоуменно осведомился робот.

— Еще бы! Ты же знаешь, что земляне всегда сажают под замок туземцев, которые пытаются проникнуть в лагерь?

— Да, кажется, я слышал что-то подобное, — в замешательстве пробормотал Макс. — Но я все равно не могу пропустить вас в лагерь. Придумал! Я буду охранять вас здесь, перед кругом! — торжествующе завопил он.

— Это неправильно, — мрачно возразил Халлоран.

— Ничего другого поделать не могу.
— Ну ладно, — согласился Халлоран, усаживаясь на раскаленный песок. — Значит, я — твой пленник?
— Да.
— Тогда принеси мне воды.
— Не могу.
— Черт побери, ты же знаешь, что с пленниками нужно обращаться гуманно.
— Да, я слышал об этом, — признал Макс. Несколько секунд он размышлял. — Я принесу вам воды, но только после того, как напьется мистер Халлоран.
— Но воды хватит для нас обоих, — запротестовал Халлоран.
— Это должен решить мистер Халлоран, — отрезал Макс.
— Хорошо, — согласился Халлоран и поднялся на ноги.
— Куда же вы? — спохватился робот.
— За скалу, — ответил Халлоран. — Настало время моей ежедневной молитвы, а я привык молиться в полном уединении.

Прошло несколько минут. Из-за скалы выпрыгнул Халлоран.
— Мистер Халлоран? — окликнул Макс.
— Да, это я, — жизнерадостно отозвался Халлоран. — Где мой пленник?
— Здесь, сэр. Он молится за скалой.
— Отлично. Послушай, Макс, когда он вернется, обязательно напои его.
— С удовольствием, сэр. Только сначала должны напиться вы.
— Вот еще, — презрительно отмахнулся Халлоран, — я совсем не хочу пить. Но ты дай немного воды этому несчастному туземцу.
— Не могу, сэр, пока не увижу, что вы напились вволю. Я уже упоминал однажды, что ваш организм сильно обезвожен, сэр, и я вижу, что ваше состояние усугубляется. Скоро вы лишитесь сознания. Я настоятельно умоляю вас, сэр, выпейте воды!
— Ну хорошо, не скули, — с деланной неохотой согласился Халлоран. — Принеси флягу.
— О, сэр! — умоляюще воскликнул робот.
— Ну что еще?
— Вы же знаете, что я не могу оставить пост.
— Почему, черт побери?
— Это противоречит приказу. К тому же за скалой скрывается туземец.
— Ничего, Максик, я посторожу за тебя, дружище, а ты будь пайнкой, принеси флягу.
— Спасибо за предложение, сэр, но я не какой-нибудь простой робот, я охраняю лагерь! Только в том случае, если я услышу пароль, снимающий меня с поста...
— О-о-о, — застонал Халлоран. Он бессильно поплелся прочь и пропал за скалой.

Халлоран лежал в полном изнеможении. Горло болело от пререканий с тупицей роботом, а тело мучительно пыло от ожогов. Опаленная беспощадными лучами кожа почернела, покрылась волдырями. Боль, жажда и усталость слились воедино.

Халлоран ругал себя последними словами. Каким болваном нужно быть, чтобы влипнуть в такое дурацкое положение! Какая нелепая смерть!

Он перекатился на спину и уставился на блеклое небо. Перед глазами мелькали какие-то черные точки. Галлюцинация? Черта с два, это стервятники! Они даже оставили койотов в покое, предвкушая более аппетитную добычу — крупную, двуногую...

Халлоран заставил себя сесть. Подумай, подумай еще...

С точки зрения Макса, все разумные существа, знающие пароль, — земляне, а все разумные существа, не знающие пароль, — туземцы.

Это значит, что...

На мгновение Халлорану показалось, что он нашел выход. Но он никак не мог сосредоточиться. Наглеющие птицы едва не задевали его своими крыльями. Из-за камня вылез койот и, мерзавец, припнулся к его ботинкам...

Думай, черт побери, думай!

Ведь объективно Макс глуп как пробка. Критерии, которыми он руководствуется, элементарны, как таблица умножения. Халлоран внезапно вспомнил слова Платона, что человек — это двуногое существо без перьев. Когда Диоген принес ему опипанного цыпленка, Платон был вынужден изменить свое определение: человек — двуногое существо без перьев, но с широкими ногтями.

Впрочем, какое отношение это имеет к Максусу?

Халлоран потряс головой, но перед глазами стоял образ цыпленка ростом в шесть футов, без перьев и с широкими ногтями.

— Черт побери! — воскликнул Халлоран. — Что за дурья башка! Как же я раньше не догадался?

Через три земных дня капитан Битти и Джеймс вернулись в лагерь. Они увидели Халлорана, который лежал без сознания и нес какую-то чепуху. Лейтенант хрипло бормотал, что Платон не пускает его в лагерь, что он, Халлоран, превратился в шестифутового цыпленка без широких ногтей и таким образом перенял все лучшее от ученого профессора и его приятеля — робота.

Правда, перед тем как лишиться сознания, Халлоран нацарапал на листке бумаги: «Нет пароля не мог вернуться сказать фабрике установить возвратный механизм в роботах типа нашего истукана».

Битти ничего не смог понять из этой тарабарщины и допросил Макса. Из рассказа робота он выяснил, что Халлоран ненадолго отлучился, что потом к роботу приставали разные туземцы, выглядевшие точь-в-точь как Халлоран. Капитан сра-

зу сообразил, что Халлоран предпринимал отчаянные попытки добыть воду.

— Но что произошло дальше? — настаивал Битти. — Как же Халлоран проник в лагерь?

— Он туда не проник, — доложил Макс. — Он просто был там.

— Но как он прошел мимо тебя?

— Что вы, сэр, — ухмыльнулся Макс, — это совершенно невозможно. Мистер Халлоран был внутри лагеря.

— Не понимаю, — сдался Битти.

— Ничем не могу помочь, сэр. Видимо, ваши мозги... Прошу прощения, сэр! Боюсь, что только мистер Халлоран сумеет вам ответить.

— Он еще не скоро сможет соображать, — сказал капитан. — Но раз он придумал выход, попробуем и мы восстановить логику событий. Итак...

Но как ни изоощряли Битти и Джеймс свое воображение, они так и не смогли понять, как Халлоран пробрался в лагерь. Им не дано было взглянуть на прошлое глазами робота ПР-22—0134.

Зной, ветер, птицы, скалы, два солнца, песок. Я не обращаю внимание на несущественное. Я охраняю лагерь от туземцев.

Что-то ползет ко мне по песку между валунами. Это крупное существо на четырех конечностях, лицо скрыто под спутанными волосами.

Я сверяюсь с основополагающими критериями, чтобы выработать соответствующую реакцию.

Я знаю, что туземцы и люди — два класса разумных существ, разум которых проявляется в членораздельной речи, данной им для того, чтобы отвечать на мои вопросы.

Люди всегда отвечают правильно, когда я предлагаю им назвать пароль.

Туземцы всегда отвечают неправильно, когда я предлагаю им назвать пароль.

И люди и туземцы всегда отвечают — правильно или неправильно.

Раз так, я должен предположить, что любое существо, которое не отвечает на оклик, не способно отвечать, и, значит, на него не следует обращать внимание.

Нужно игнорировать птиц и койотов. Нужно игнорировать крупное животное, что ползет мимо меня. Но нельзя терять бдительности, поскольку где-то недалеко находится мистер Халлоран, а за скалой молится туземец.

Но что это? Я вижу, как мистер Халлоран, каким-то чудом оказавшийся в лагере, стонет и корчится, изнемогая от обезвоживания, а животное, заползшее в лагерь, бесследно исчезло. Туземец же, видимо, еще прячется за скалой... Кажется, теперь я имею право... нет, я обязан дать мистеру Халлорану воды.

Перевел с английского А. САНИН

ДЕЛО О НАЕЗДЕ

Роман

Не надо так грустить, голубь, — он ухмыльнулся. — В конце концов, деньги — это всего лишь деньги. В жизни есть куда более важные вещи, чем доллар. Да пусть у тебя их хоть миллион, в тюрьме-то не больно развлечешься, верно? Так что переходим к делу. Мне нужны деньги. Мне надо уезжать из города, поэтому предлагаю систему разовой оплаты. Деньги на бочку, и твой босс не знает, что ты играл в бирюльки с его женой, а полиция не знает, что у меня есть шикарная фотография. Как тебе такой вариант?

— Потом ты придешь снова.

Он потянул виски, ухмылка его стала еще шире.

— Что ж, ты, конечно, рискуешь, но если мы сговоримся на кругленькой сумме, я постараюсь о тебе забыть.

Я собрался с духом.

— Сколько?

— Вас двое, — сказал, удобнее устраиваясь в кресле. — У нее должны быть бриллиантики, а их можно заложить, да и у тебя наверняка на черный день кое-что припрятано. Так что давайте сойдемся на тридцати тысячах. За мои сведения цена более чем скромная.

Ощущение неотвратимой беды змеей поползло вдоль позвоночника.

— Да ты спятил! Откуда у меня такие деньги? Я согласен купить фотографию за пять тысяч — и ни гроша больше.

Он допил виски и медленно опустил бокал.

— А виски у тебя что надо. На сбор наличности я даю неделю. В конце той недели я звоню и говорю тебе, куда привезти хrustяшки. Тридцать тысяч наличными.

— Говорю же тебе, таких денег у меня нет! Пять тысяч — это предел.

Он наклонился вперед и взял сигарету из коробки на передвижном столике.

— Что значит нет? Ты же не ребенок, голубь. Продай этот дом — вот тебе уже пятнадцать тысяч. Кое-какие деньжата сможет раскопать она. Главное — как следует взяться за дело, к тому же, как я уже сказал, плата за услуги разовая. Приходить и требовать к тебе еще я не собираюсь. Так вот, голубь, если уж я вылавливаю лопуха и всаживаю в него крючок, крю-

---

Окончание. Начало в предыдущем выпуске «Искателя».

чок этот входит глубоко, и вытащить его невозможно. Вариантов у тебя только два: либо ты вместе с ней отправляешься на пятнадцать лет в тюрьму, либо выкладываешь тридцать тысяч зелененьких. Даю тебе шесть дней. Можешь хорошенько подумать. В четверг я позвоню, и ты скажешь мне, как идут дела. — Он поднялся. — Только не советую уж слишком ломать голову, голубь. Ну что такое, в конце концов, деньги? — Он зашагал по комнате, покачивая плечами. — Извини, что пришлось тебя утихомирить, но тут ты сам виноват. Скоро мы увидимся, так что сильно без меня не томись. Счастливо оставаться, и спасибо за виски.

Он подошел к двери и, остановившись, повернулся ко мне. Я буравил его колючим взглядом. Голова снова заболела, и самочувствие было совсем никуда.

— И чтоб никаких фокусов, голубь, — сказал он. — Ты, конечно, можешь побрыкаться, это естественно, но ты должен четко понять одно: ты у меня на крючке. Скоро ты убедишься, что крючок сидит глубоко и прочно и освободиться от него нет никакой возможности.

С этими словами он вышел, а еще через минуту я услышал рев мотора и шум отъезжающей машины.

Я с трудом поднялся на ноги, налил себе хорошую порцию виски и залпом выпил. Потом поплелся в ванную, налил полную раковину холодной воды и сунул туда голову. Полегчало. Я вернулся в гостиную и сел в кресло.

Вот, значит, как выглядит шантаж на самом деле. Этот Росс сказал, что крючок сидит крепко и отцепиться не удастся. Немного поразмыслив, я понял, что сидит он действительно крепко.

Получалось, что, какой бы ход я ни сделал, все равно проигрываю. Допустим, я иду к Эйткену и рассказываю ему всю правду — он тут же выгоняет меня вон. Другой ход: я иду в полицию и рассказываю всю правду им — они хватают Люсиль, и Эйткен стирает меня с лица земли за то, что я выдал его жену. Ход номер три: я неизвестно каким образом наскребаю тридцать тысяч — в этом варианте мне просто не видать новой работы как своих ушей.

Так что же делать?

Да, у меня только один выход. Вытащить крючок — дело не простое, но ведь этого мало. Нужно вместо себя поставить на край ямы самого Оскара Росса. Выбора у меня нет. Либо я его, либо он меня.

Ну что ж, по крайней мере, у меня есть шесть дней — может, я сумею под него подкопаться. Но первым делом надо заняться «кадиллаком».

Часы показывали половину десятого. Я снял трубку и набрал номер Сэма Лаутера, хозяина гаража, где я всегда ремонтировал машину.

— Сэм, — сказал я, когда он подошел к телефону, — извините, что звоню вам так поздно, но у меня неприятности — мой «кадиллак» крепко поцеловался с деревом. Я бы хотел в темпе его отремонтировать. Как у вас со временем?

— Если вам удобно. — ответил он, — привозите машину хоть сейчас. Двое моих парней как раз болтаются без дела,

так что, если приедете, они сразу ею займутся. Если работы не очень много, в среду получите свою машину обратно, но, прежде чем обещать, я хотел бы взглянуть на нее сам.

— Ну, спасибо, Сэм, — поблагодарил я. Хотя в голове у меня жужжал улей, я был полон решимости сбыть «кадиллак» с рук сегодня. — Через полчаса буду у вас.

— Хорошо, мистер Скотт. Только вот какое дело: вы должны сначала заявить об аварии в полицию. Это из-за вчерашнего наезда на полицейского. Полиция запретила мне вести какие-либо работы на поврежденных машинах без специальной справки. Вы, наверное, сами читали об этом в газетах. Можете вы получить такую справку?

— Я ее уже получил. Как только поцеловался с деревом, сразу сообщил полиции, и они все зарегистрировали.

— Ну, тогда отлично, мистер Скотт, приезжайте, и ребята займутся вашей машиной.

Конечно, он может заметить, что на моей машине стоят чужие номера, но придется пойти на этот риск. И уж, конечно, лучше идти к нему, чем в гараж, где меня не знают, — там бы на меня обрушилась лавина неприятных вопросов.

Заперев бунгало, я направился пешком — три четверти мили — к дому Сиборна. «Понтиак» стоял на месте, там, где я его оставил.

Я закрылся в гараже и закрепил наконец переднюю табличку с номером. Потом обошел машину сзади и принялся внимательно разглядывать засохшие пятна крови на колпаке и шине. Надо эту улику уничтожить. Не могу же я надеяться на то, что Сэм ее не заметит. Я понимал, что хочу уничтожить улику, которая на суде могла бы сыграть мне на руку, но оставить кровь я просто не мог. И я взял ведро воды и смыл пятна. Потом вывел «кадиллак» на дорогу, поставил «понтиак» в гараж и поехал в сторону шоссе.

Выбора у меня не было — приходилось ехать с одной фарой. По счастью, на шоссе практически совсем не было машин, буквально две-три, но на мою одинокую фару никто вроде бы внимания не обратил.

Я въехал под большой, слабо освещенный навес и вдалеке увидел Сэма, который разговаривал с двумя механиками, — они сидели в застекленной комнатке.

— Добрый вечер, мистер Скотт, — поприветствовал он меня и взглянул на «кадиллак». — Oго! Вашей машинке пришлось несладко!

— Да. Это хороший урок для тех, кто одной рукой обнимает девушку и при этом всю жмет на газ, — беззаботно сказал я, уверенный, что его такое объяснение вполне удовлетворит.

Он ухмыльнулся.

— Да, знаю такие дела, можете не рассказывать. С самим случалось. Через женщин иногда такого натерпишься! В общем ничего непоправимого я здесь не вижу, но машину вы получите не раньше конца недели. Царапины довольно глубокие, — продолжал Сэм, осматривая боковую панель. Потом повернулся ко мне. — Справка из полиции у вас с собой, мистер Скотт?

Я сунул руку в карман за бумажником, но в этот момент

раздался звук подъезжающего мотоцикла. Я обернулся — к гаражу подруливал полицейский.

Сердце мое на какую-то секунду остановилось, потом рванулось в бешеный галоп. Все же мне удалось сохранить на лице равнодушное выражение. Широко ступая, полицейский вошел в гараж.

— Минуточку, — прервал себя Сэм и пошел навстречу полицейскому, которого он, как видно, знал. — Привет, Тим. Ты что-нибудь хотел?

— У тебя тут что, побитая машина?

— Да, мистер Скотт только что пригнал свой «кадиллак». Поцеловался с деревом.

Полицейский окинул меня недобрый взглядом, затем прошествовал к «кадиллаку» и устоялся на разбитую фару.

К этому времени я взял себя в руки и вытащил из бумажника справку.

— У меня есть справка, вот она, — сказал я. — Ее выписал лейтенант Уэст.

Вздумай он сверить номера и попросить документы на машину, мне бы пришел конец. Я ничего не мог сделать — просто стоял и ждал.

Он взглянул на номера, снова посмотрел в справку, потом сбил фуражку на затылок.

— Когда вы видели лейтенанта? — повелительно спросил он.

— Он приезжал к мистеру Эйткену, у которого я работаю, — объяснил я. — Лейтенант дал справку мистеру Эйткену и мне. — Неплохо, если бы голос мой звучал подтвержде. — Сэм хорошо меня знает, с моей машиной ему приходится возиться частенько.

— Как это произошло?

— Я врезался в дерево.

К нам подошел Сэм.

— Мистер Скотт ехал с девушкой, ну и... — Он широко улыбнулся. — В его возрасте я тоже один раз так увлекся, но мне повезло — я въехал в витрину магазина.

Полицейский, однако, не оценил шутки. Он сунул мне справку. — Надо бы забрать вас с собой, — прорычал он, злобно сверкая глазами. — Ведь вы могли кого-нибудь задавить.

— Знаю, мне лейтенант сказал то же самое. — В моем голосе появились смиренные нотки. — Я обещал ему, что это не повторится.

Полицейский колебался. Было ясно, что ему страшно хочется извлечь какую-нибудь выгоду из этой истории, но моя ссылка на Уэста портила ему все планы.

— Да, лучше не повторяйте такого, — закончил он со мной и повернулся к Сэму. — Я-то уж думал, что нарвался на шутника, который убил О'Брайена. Только что один водитель сообщил мне, что видел, как в эту сторону поехала побитая машина. Ну ладно, будь здоров. — И он неторопливой, полной достоинства походкой вышел из гаража.

Когда он отъехал, Сэм заговорщицки мне подмигнул.

— Хорошо, что вы вовремя сообразили всунуть лейтенанта Уэста, иначе этот дубиноголовый уволок бы вас с собой.

Я протянул ему справку.

— Это вам может понадобиться.

— Да, верно. — Сэм сунул справку в карман. — Я могу одолжить вам машину.

— Буду очень благодарен.

— Тогда берите вон тот «бьюик». Ваш «кадиллак» будет готов в пятницу. По дороге домой заедете сюда на «бьюике», а уедете на своем «кадиллаке».

Было не очень поздно — без двадцати одиннадцать. После встречи с полицейским я еще не совсем пришел в себя, и мысль о том, что сейчас я приеду домой, сяду в кресло в гостиной и на меня опять обрушится лавина проблем, нет, только не это. И я повернул в сторону города.

Я поставил машину неподалеку и подошел к стойке. Бармен, пожилой, слегка оплывший весельчак по имени Слим, приветственно кивнул.

— Двойной «скотч», — заказал я, взбираясь на стул.

Народу в баре было немного — в дальнем углу четверо мужчин резались в кости, вот и все.

— Сию минуту, мистер Скотт, — согласно закивал Сэм. — Что-то вы поздновато сегодня.

— Да, — сказал я, — но это не страшно — ведь завтра воскресенье.

— Точно, точно, — обрадовался Слим. — Мой любимый день. — Он налил в стакан виски, бросил туда два кубика льда и поставил передо мной. — Последние новости насчет наезда на полицейского слышали?

— Нет. А что там за новость?

Я вдруг почувствовал спазмы в желудке.

— Десять минут назад передавали по радио. Кто-то видел, как примерно в то же время, когда задавили полицейского, с шоссе на пляжную дорогу съехала машина. В ней сидели мужчина и женщина. Полиция просит их явиться в участок, надеется, что эти двое могли видеть машину, которая сбила О'Брайена. А может, они сами его и сбили.

Я отхлебнул из стакана порционную порцию виски.

— Вот как? — сказал я, не глядя на него.

— Ясное дело, они и не подумают являться. Если мужчина и женщина оказываются на такой дороге, так не для того, чтобы наслаждаться видами. — Он подмигнул. — Могу поспорить, этим двоим совсем не улыбается очутиться вместе на первых страницах всех городских газет.

— Это точно. Но полиция, я вижу, старается вовсю, хотя этого парня изловить, — заметил я, стараясь не выдавать волнения.

— Да. По-моему, слишком большую шумиху они вокруг этого подняли. Людей убивают в день десятками — и все ничего, но когда жертвой оказывается полицейский, тут уж они трубят во все трубы.

Он еще несколько минут распространялся насчет того, что за сволочная публика эти полицейские, а я сидел и слушал. Потом неожиданно спросил.

— А вы случайно не знаете такого Оскара Росса?

Слим удивился.

— Знаю, конечно. Это бармен в ночном клубе «Маленькая таверна» в Маунт Креста. Вы с ним знакомы, мистер Скотт?

— Нет, но кто-то мне говорил, что это лучший бармен в городе. — Я старался сохранить на лице безучастное выражение, хотя чуть не подпрыгнул от такого неожиданного подарка. — А сейчас я вдруг об этом вспомнил. И чем же он так хорош?

— Лучший бармен в городе? — На лице Слима я прочитал нечто вроде насмешливого презрения. — Это кто-то его, мягко говоря, перехвалил. Я даже знаю кто: женщина! Он не более чем любитель. От его мартини даже кошку блевать потянет. А вот по женщинам он действительно специалист, тут ничего не скажешь. Красивый малый, дамочки так и падают, но бармен он никудышный. Я бы его к себе, во всяком случае, ни за что не взял, даже если бы он согласился работать бесплатно.

— «Маленькая таверна»? Это не там, где поет Долорес Лэйн?

— Именно там. — Слим взял тряпку и начал полировать поверхность стойки. — Если вы ее не слышали, то ничего не потеряли.

— Кажется, она была обручена с этим полицейским, которого задавили?

Слим почесал в затылке, потом с сомнением посмотрел на меня.

— Что-то такое вроде было, но, возможно, это все газетная брехня. С чего бы вдруг певице из ночного клуба выходить замуж за полицейского?

Я допил свое виски.

— Да, вы правы. Я и сам тому, что пишут газеты, верю только наполовину, — сказал я, соскальзывая со стула. — Ну ладно, Слим, пора уже и на боковую. Поеду домой. Пока.

Я вышел на улицу и сел в «бьюик». Зажег сигару.

По чистой случайности я, кажется, наткнулся на очень важные сведения. Значит, Росс и Долорес Лэйн работают в одном кабаке. Долорес говорила мне, что собиралась замуж за О'Брайена. Да, Слим прав — какого черта певичке связываться с полицейским? Это совсем непонятно. Пожалуй, следует этим заняться.

Недолго думая, я решил поехать поглядеть на эту «Маленькую таверну». Я нажал на стартер, влился в вечерний поток машин и поехал в сторону Маунт Креста.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

Ночной клуб «Маленькая таверна» оказался типичным придорожным заведением с круговой подъездной дорожкой, яркими неоновыми огнями, расфранченным швейцаром и большой стоянкой, заставленной относительно недорогими машинами.

Пристроившись в одной из шеренг, я остановил двигатель и выключил фары, потом, прошедевывая сквозь строй машин, вернулся к главному входу.

Швейцар любезно приложил руку к козырьку, одновременно толкая для меня вращающиеся двери.

Поднявшись по покрытой ковром лестнице, я очутился в ярко освещенном коридоре. Впереди призывно сверкала неоновая надпись «Бар», и я направился туда.

В дверях я остановился и окинул помещение внимательным взглядом.

Большой зал, в дальнем конце — подковообразный бар, почти вся площадь заставлена столами, за которыми наливались субботней порцией радости человек сто.

Публика была не очень изысканная. Ни одного мужчины в смокинге. Женщины — довольно пестрая смесь. Короче говоря, это была обычная для Пальмового Города публика, которую в любой день недели увидишь в любом ночном клубе средней руки.

Я взглянул в сторону бара. Гостей обслуживали два бармена, но Росса среди них не было. Судя по волнистым черным волосам, темной, чуть блестящей коже, подобострастным яркозубым улыбкам, а также маленькому росту, это были мексиканцы.

Я и не надеялся увидеть Росса за стойкой — скорее всего у него сегодня выходной.

Я занял очередь у стойки за толстяком в чуть помятом белом костюме. Он заказывал ром с лимонным соком и выглядел изрядно пьяным.

Очередь подошла, и я заказал «скотч» со льдом. Пока бармен готовил напиток, я спросил его, в котором часу начинается представление в кабаре.

— В полдвенадцатого, сэр, — ответил он, подталкивая ко мне стакан. — Это в ресторане, второй поворот налево по коридору.

Я взглянул на часы — двадцать минут двенадцатого.

Сидевший рядом спивающийся толстяк повернулся ко мне и застенчиво улыбнулся, словно извиняясь за беспокойство. Распространяя вокруг запах рома, он сказал:

— Не советую выбрасывать деньги на это кабаре, приятель. Надувательство чистой воды, и это еще слабо сказано.

— Что, без девочек?

Он скорчил гримасу.

— Да нет, с девочками, если их можно назвать девочками.

Я повертел стакан в руках.

— А мне говорили, что эту птичку Лэйн стоит подцепить.

Он потянул из своего стакана и прикрыл отяжелевшие веки.

— Если ее подцепить, это было бы очень даже ничего, да только подцепить ее трудно. Я как-то попробовал, и что, вы думаете, из этого вышло? Два вечера подряд она пела мне свои песенки, а делает она это не лучше меня.

— Стало быть, это заведение ничем особенным не блещет?

Он обернулся через плечо посмотреть, не слушает ли нас кто-нибудь, потом наклонился ко мне и, понизив голос, сказал:

— Как другу, могу вам сказать — у них тут наверху рулетка. Ставочки такие, что будь здоров. А вся остальная мишура здесь — это так, фасад, для прикрытия. Только держите это у себя под шляпой, приятель. Я вам это говорю исключительно по дружбе.

— Может, стоит подняться и проверить, есть ли у меня лишние деньги?

Он поднял свои оплывшие плечи.

— Насчет входа у них очень строго. Это же начисто нелегально. Попробуйте поговорить с Клодом: он здесь всем заправляет. Если хотите, можете сослаться на меня. Я — Фил Уэлливер.

— Спасибо. А где его найти?

Он кивнул на дверь рядом с баром.

— Там. — Он оттолкнулся от стойки. — Надо двигаться. Обещал жене куда-нибудь сегодня с ней сходить. Представляете, только что вспомнил об этом.

Я смотрел, как его несет мимо столиков. Когда он вышел, я поднялся и тоже пошел к выходу из бара.

Слева по коридору находился ресторан. Это был овальной формы зал с неярким освещением, зеркалами в розовой оправе и голубой драпировкой. За столиками человек шестьдесят заканчивало ужин, а в воздухе плавал гул голосов и табачный дым.

Ко мне подошел метрдотель, задержанный молодой человек с изжелта-рыжими волнистыми волосами, на лице — профессиональная улыбка.

— Я хочу посмотреть кабаре, — сказал я. — А ужина не надо.

— Как вам будет угодно, сэр. Может быть, что-нибудь выпить? — Он, словно извиняясь, махнул рукой.

— Конечно, — согласился я. — Принесите мне виски и бутерброд с цыпленком.

Он удалился, и я сел за столик.

Примерно без четверти двенадцать на площадку перед оркестром, цокая каблуками, вывалились четыре девицы в набедренных повязках, лифчиках и гвардейских киверах. Это были еще те красотки — ни к одной из них я не подошел бы на пушечный выстрел. У одной были просто грязные колени. Польститься на таких могли разве что мертвецки пьяные. Попрыгав немножко по сцене и сделав глазки постоянным посетителям, девицы с огромным энтузиазмом прогарцевали со сцены. Да, для кабаре это было чистой воды надувательством.

Вскоре после полуночи на сцене появилась Долорес Лэйн. За микрофон она держалась так, как утопающий держится за спасательный пояс.

На ней было платье из желтой парчи, плотно ее облежавшее, и в свете прожектора она выглядела совсем неплохо. Она спела две латиноамериканские песенки. Голосочек был слабый, но, по крайней мере, она пела без фальши. Спасал микрофон — без него ее просто никто бы не услышал. Пела она невыразительно, словно вся эта канитель надоела ей до черта, и аплодисменты, которые она получила в награду, легко уместились бы в маленький наперсток.

Я порылся в бумажнике, нашел клочок бумаги и написал такую записку:

«Не хотите ли выпить со мной? Надеюсь, сегодня утром вы не набрали в туфли песок».

Рискованная, конечно, записочка. Но ничего, может, как раз на такую она и клюнет. Схватив за руку проходящего официанта, я сунул ему записку вместе с пятидолларовой бумажкой.

Вскоре он появился — я допивал вторую порцию виски.

— Она ждет вас в своей комнате. — Он оглядел меня с любо-

пытством. — Пройдете через эту дверь, дальше налево, а там увидите дверь с нарисованной звездой.

Он чуть замешкался на случай, если мне придет в голову еще раз слазить в карман за бумажником, но ничего такого мне в голову не пришло, и он смылся.

Допив виски и заплатив по счету, который, кстати говоря, тоже оказался крупным надувательством — раза эдак в три, — я направился к указанной двери и очутился в проходе за сценой.

Прямо передо мной находилась довольно обшарпанная дверь с выцветшей звездой. Я постучал, и женский голос ответил:

— Войдите.

Я повернул ручку двери и шагнул в маленькую комнату. Зеркало, туалетный столик, шкаф, два стула, в углу — ширма, на полу — вытершийся ковер.

Перед зеркалом, колдуя над своим лицом, сидела Долорес. На ней был халат из красного шелка.

На столе стояла наполовину пустая бутылка джина, а рядом стакан, наполненный либо джином с водой, либо чистым джином.

Она не обернулась, но посмотрела на мое отражение в зеркале.

— Я так и подумала, что это вы, — сказала она. — Хотите джина? Где-то здесь должен быть стакан.

Я сел.

— Нет, спасибо. Я сегодня пью виски. В общем-то, я хотел угостить вас.

— Почему?

Мне показалось, что она немного пьяна.

— Мне понравилось, как вы пели, и я решил, что бутылки шампанского это стоит, — сказал я, наблюдая за ней. — Кроме того, я хотел поговорить с вами.

Она отпила из стакана. По тому, как она поморщилась и даже содрогнулась, я понял — в стакане чистый джин.

— А кто вы такой?

Глаза ее чуть подернулись дымкой и слегка осоловели. Она была почти пьяна, но все-таки еще соображала, что говорит или делает.

— Меня зовут Честер Скотт. Живу и работаю в этом городе.

— Скотт? — Она слегка нахмурила брови. — Честер Скотт? Где-то я это имя слышала... Значит, вам понравилось, как я пела? — Она протянула руку. — Дайте мне сигарету.

Я протянул ей сигарету, достал зажигалку, дал прикурить ей, потом прикурил сам.

— Пели вы хорошо, только оформление никуда не годится.

— Я знаю. — Она выпустила дым к потолку, потом отхлебнула еще немного джина. — Вы слышали, какие были аплодисменты? Можно подумать, что у них волдыри на руках.

— Эта публика совсем не для вас.

Она поморщилась.

— Если артист чего-нибудь стоит, он справится с любой публикой, — отрезала она и снова повернулась к зеркалу, чтобы заняться своим лицом. — А что вы делали на пляже утром? Только не говорите, что купались, все равно не поверю.

— Просто осматривал место. А с чего это вы вдруг собрались замуж за полицейского?

Она медленно повернула голову. Ее блестящие глаза совсем подернулись дымкой.

— А вам-то что, за кого я собиралась замуж?

— Да ничего. Просто показалось странным, что такая женщина, как вы, собиралась замуж за полицейского.

Губы ее скривились в улыбку.

— А он был не простой полицейский.

— Не простой? — Я наклонился вперед, чтобы стряхнуть пепел в стоявшую на туалетном столике пепельницу. — В каком же это смысле не простой?

— У него были деньги. — Она поднялась и неверной походкой прошла за ширму. — А у вас есть деньги, мистер Скотт?

— Кое-какие есть, — ответил я. — Не очень большие.

— Единственная вещь, которая что-то значит в жизни, от которой зависит все, — это деньги. И если кто-то говорит, что это не так, не верьте. Они говорят, что самое главное в жизни — это здоровье и религия. Какая чепуха! Деньги — вот что самое главное! — разглагольствовала она из-за ширмы. — И если у вас их нет, можете смело идти в магазин, покупать бритву и резать себе горло. Без денег вы полное дерьмо. Вы не можете найти приличную работу. Вы не можете ходить туда, куда стоит ходить. Вы не можете жить там, где стоит жить. Вы не можете общаться с людьми, с которыми стоит общаться.

Она появилась из-за ширмы. Красное шелковое платье выгодно подчеркивало все ее формы. Нетвердой походкой она подошла к туалетному столику и занялась своими темными волосами.

— Я уже десять лет «процветаю» на этом поприще, — продолжала она, расчесывая волосы. — Кое-какие способности у меня есть. Не думайте, я это не сама придумала. Мои способности — это фантазия моего пьянчуги импресарио, который присосался ко мне, потому что ему просто не из кого было вытягивать деньги. Но способности, увы, всего лишь кое-какие, то есть о моих заработках не стоит говорить серьезно. И когда вдруг появился красномордый полицейский и стал приударять за мной, возражать я не стала, потому что у него были деньги. Наверное, на этом вонючем побережье нет ни одного кабака, где бы я не работала за эти десять лет, и предложения переспать или стать постоянной любовницей сыпались на меня как из рога изобилия, но никто ни разу не предложил мне руку и сердце. Тут на сцене появляется этот полицейский. Он груб, жесток и до ужаса страшен, но, по крайней мере, он хотел на мне жениться. — Она помолчала, допила свой джин. — И к тому же у него были деньги. Он делал мне дорогие подарки. — Выдвинув ящик туалетного столика, она выудила оттуда золотую пудреницу и протянула руку вперед, чтобы я мог видеть. Было ясно, что вещь дорогая, с внушающим уважение орнаментом. — Эту штуку подарил мне он и, между прочим, совсем не ждал, что я в тот же миг сброшу с себя юбку и прыгну в постель. После этого он подарил мне беличью шубку, а моя юбка все еще оставалась на мне. Он обещал мне, что, если мы поженимся, его свадебным подарком будет норковое манто. — Она умолкла, чтобы налить себе еще джина. Я внимательно слушал ее: ясно, она не стала бы пускаться на такую откровенность, если бы не была под

хорошей мухой. Поэтому я ловил каждое ее слово. — У него был дом в Пальмовой бухте, да еще какой. Терраса с видом на океан, а комнаты непростые, с фокусом: в одной, к примеру, был стеклянный пол и подсветка снизу. Да, если бы этот человек спокойно жил на свете, я бы вышла за него замуж. Но он оказался глуп, и с белым светом ему пришлось расстаться. — Она допила джин и, содрогнувшись, поставила стакан на стол. — Он оказался слишком глуп, и даже когда он и Арт Галгано... — Она вдруг замолкла и покосилась на меня. — Я, наверное, пьяна, — сказала она. — Чего это вдруг я с вами разболталась?

— Не знаю, — пожал плечами я. — Вам должно быть жаль его.

— Жаль его? — Она смяла в пепельнице сигарету. — Вы хотите сказать, что мне должно быть жаль себя. — Она плеснула в стакан еще джина. — А вы что, мистер Скотт, ищете жену?

— Да вроде бы нет.

— А что вы ищете?

— Я бы хотел выяснить, как погиб О'Брайен.

Она окинула меня изучающим взглядом.

— Как вы сказали, ваша фамилия?

— Скотт.

— И вы хотите знать, как задавили Гарри?

— Совершенно верно.

— Я могу вам рассказать. — Она потянула из стакана, затем с отвращением поднялась и вылила джин в маленькую засаленную раковину. — Во сколько вы оцениваете такие сведения, мистер Скотт?

Я бросил сигарету в пепельницу.

— Вы имеет в виду, во сколько в деньгах?

Опершись массивными бедрами на раковину, она смотрела на меня с улыбкой, однако улыбкой отнюдь не доброжелательной, и лицо ее выглядело от этого так, словно его высекли из камня.

— Да, во сколько в деньгах. Честер Скотт — ну разумеется. Я вспомнила, откуда я знаю ваше имя. Вы человек, которого шантажирует Оскар.

— С чего вы взяли? — спросил я, сохраняя спокойствие.

— Слышу, что говорят люди, — неопределенно ответила она. — Лично я шантаж не одобряю. Мне нужны деньги, мистер Скотт. Я могу дать вам сведения, которые позволят вам освободиться от крючка Оскара, но это будет вам стоить денег. Грабить вас я не буду. Всего пять сотенных — и дело сделано. Это почти даром. Я знаю, сколько просит Оскар. Пять сотен — это все равно что бесплатно.

— О каких сведениях вы говорите?

— А пять сотен долларов у вас есть, мистер Скотт?

— С собой нет.

— Но сегодня они у вас могут быть?

— Не исключено. — Я знал, что на работе в сейфе лежат восемьсот долларов. Я могу их взять, а в понедельник, когда откроется банк, положить обратно. — А с чего вы взяли, что ваши сведения будут для меня настолько ценными?

— Дайте-ка мне еще сигарету.

Я подошел к ней, дал сигарету и чиркнул зажигалкой.

— Я могу снять вас с крючка Оскара, — сказала она. — Потому что знаю весь сценарий. Хотите узнать — выкладывайте пять сотен. Я уезжаю из города, и мне нужны разгонные.

— Как это вы снимете меня с крючка Оскара? — спросил я. Уж не издевается ли она надо мной?

— Я скажу вам не раньше, чем вы выложите денежки. Когда человека кусает змея, он применяет противоядие. Я дам вам противоядие против укуса Оскара. И если вы пожалеете пятьсот долларов для спасения тридцати тысяч, значит, вы просто глупец. Можете вы заплатить сегодня?

Если она не врет и действительно знает, как я могу прижать Оскара, пять сотен — это не деньги.

— Да, могу.

— Я буду дома после двух, — сказала она. — Живу я в «Мэддокс Амз», квартира десятая. Приносите деньги, мистер Скотт, и вы получите противоядие. Приходите ровно в два. Мне нужно будет успеть на поезд. — Она подошла к двери и открыла ее. — А сейчас мне еще петь для этой осточертевшей пьяни. До встречи.

Я прошел мимо нее и очутился в коридоре. Потом обернулся. Прямо у нее над головой излучала жесткий свет голая лампочка, и я видел, что лицо ее напряжено, а глаза неестественно блестят. Кажется, она была здорово напугана.

Долгую минуту мы смотрели в глаза друг другу, потом она осторожно закрыла дверь у меня перед носом.

2

Отъехав со стоянки, я заметил, как из второго ряда машин вырuling черный «клиппер» и поехал следом за мной.

Я не придал этому никакого значения, однако он всплыл в моем сознании позже.

Без пятнадцати час я подъехал к зданию нашего агентства. Ключ от главных дверей лежал у меня в кармане, но открой я их, сработала бы сигнализация, поэтому я позвонил сторожу в надежде, что он еще не улегся спать.

Через некоторое время он вышел и принялся разглядывать меня через стеклянную дверь.

— Надеюсь, я не вытащил вас из постели, — сказал я. — Я забыл кое-какие бумаги, а мне нужно поработать в воскресенье.

— Ничего страшного, мистер Скотт, — сказал сторож. — Вы долго пробудете?

— Пять минут.

— Тогда я подожду вас здесь, а потом запроу за вами. Уж слишком много вы работаете, мистер Скотт.

На то, чтобы открыть свой кабинет и отпереть сейф, ушло всего несколько минут. Взяв из кассы пятьсот долларов, я положил на их место расписку.

По дороге из Маунт Креста я попробовал оценить складывающуюся ситуацию. Долорес сказала, что даст мне противоядие от укуса Росса. Означать это могло только одно — она соби-

рается продать мне сведения, с помощью которых я смогу его запугать, и он не осмелится использовать свои сведения против меня.

Я засунул пятьсот долларов в задний карман брюк. Насколько я могу доверять Долорес? В лифте я вдруг вспомнил слова Росса, что он собирается уезжать из города. А Долорес? Ей деньги нужны для того, чтобы тоже уехать из города. А что, если оба они были замешаны в какой-то афере, которая со смертью О'Брайена почему-то лопнула?

Да, О'Брайен, безусловно, личность, заслуживающая внимания. Если полицейский обещает подарить будущей жене норковое манто, если он живет в доме со стекляными полами, стало быть, где-то на стороне у него бьет мощный финансовый фонтан. Но тогда какого черта он оставался полицейским?

Подходя к своей машине, я обратил внимание, что на противоположной стороне улицы в дверях магазина стоит какой-то человек. Я окинул его мимолетным взглядом — что это он здесь делает? — и тот шагнул в тень.

Я поехал в сторону жилых кварталов Пальмового Города и вскоре об этом человеке забыл, но, как и черный «клиппер», он всплыл в моем сознании позже.

«Мэддокс Амз» находился на Мэддокс авеню. Это был жилой дом гостиничного типа, довольно невысокого пошиба: выцветшее каменное здание, построенное лет пятьдесят назад и выглядевшее так, словно с той поры оно не знало ремонта.

Я поднялся по ступенькам и очутился в тускло освещенном вестибюле. Справа на стене висели почтовые ящики, передо мной — древнего вида лифт, а слева — дверь с надписью: «Привратник». Квартира 10 находилась на третьем этаже. В лифте я взглянул на часы. Было без трех минут два.

На третьем этаже я вышел. Передо мной был узкий коридор: справа и слева двери. На первой же двери слева стоял номер 10.

Я остановился перед ней. К дверной панели кнопкой была прикреплена табличка с надписью: «Мисс Долорес Лэйн».

Я позвонил и услышал, как где-то в глубине квартиры зазвонел звонок.

За дверью раздалось какое-то движение, и она приоткрылась на несколько сантиметров — дальше не пускала цепочка.

— Кто там? — спросила Долорес из-за двери.

— Скотт, — ответил я. — Вы ждете кого-то еще?

Дверь на секунду закрылась — Долорес сбросила цепочку — и тут же открылась.

На Долорес поверх серого платья был накинут легкий дорожный плащ. На лице явное волнение, но она все же пересилила себя и улыбнулась мне еле заметной, ничего не значащей улыбкой.

— Входите. Когда живешь одна в таком вот притоне, в два часа ночи будешь открывать дверь с опаской.

Я шагнул мимо нее и оказался в довольно большой комнате, скудно обставленной, причем такую мебель можно увидеть только в меблированных комнатах, больше нигде: для себя такой хлам ни один здравомыслящий человек не купит.

— Не обращайтесь на это внимания, — сказала она. — Слава

богу, я уезжаю из этого болота. Единственное его достоинство — дешевизна.

Рядом находилась приоткрытая дверь — похоже, это была спальня. Около кровати стоял приличных размеров чемодан. Кажется, она действительно собиралась сматываться.

— Вы принесли деньги? — спросила она, и я уловил волнение в ее голосе.

— Принес, — сухо ответил я. — Но расстанусь с ними не раньше, чем увижу, что ваши сведения стоит покупать.

Губы ее скривились в горькой улыбке.

— Их стоит покупать. Покажите деньги.

Я вытащил из кармана пачку банкнотов и показал ей.

Она окинула их жадным взглядом.

— Хорошо, теперь я покажу вам, что у меня есть, — сказала она, подходя к обшарпанному трельяжу в углу комнаты. Она выдвинула ящик.

С самого начала меня не оставляла мысль, что я не должен полностью доверять Долорес, но — человеческая глупость и наивность беспредельны! — я отгонял эту мысль, так как считал, что с женщиной уж как-нибудь справлюсь.

Она сунула руку в ящик и вдруг повернулась ко мне. В руке ее, уставившись прямо мне в грудь, блеснул пистолет 38-го калибра.

— Не двигайтесь, — негромко приказала она. — Положите деньги на стол.

Я не мог оторвать глаз от дула пистолета. Он, словно дрель, буравил мне грудь.

В детективных романах я часто читал о том, как героя берут на мушку, и всегда верил утверждениям авторов, что герой встречал такую ситуацию не моргнув глазом. Оказалось, что до детективного героя мне далеко — во рту все пересохло, а в желудке я ощутил предательские холод и пустоту.

— Лучше опустите эту штуку, — хрипло выговорил я. — Она ведь и выстрелить может.

— Она и выстрелит, если вы не положите деньги на стол.

На лице ее застыло мрачное, колючее выражение, глаза блестели. Не опуская пистолета, она чуть подалась влево, нашарила левой рукой кнопки включения старомодного радиоприемника и включила его.

— На этом этаже никого нет, — быстро сказала она, — и выстрел никто не услышит.

В комнату внезапно ворвался трескучий вихрь джаза.

— Деньги на стол, или я стреляю, — зловеще прошипела она.

Я не отрываясь смотрел на нее. По выражению лица я понял: она не шутит. Я также увидел, что пальцы ее судорожно, так, что побелели костяшки, сжимают спусковой крючок. Господи, да ведь она может в любую секунду выстрелить!

Я положил деньги на стол. Она с облегчением перевела дыхание и немного опустила пистолет. Сквозь слой пудры проступили капли пота.

— К стене!

Я прижался к стене. Она сграбастала банкноты и сунула их в карман пальто.

Рисунки А. ГУСЕВА

— Далеко вы не уйдете, — сказал я как можно тверже, хотя думать о производимом впечатлении было уже поздно. — Вас задержит полиция.

Она улыбнулась.

— Не надо себя обманывать. Вы скажете им обо мне, а я о вас. Вы думаете, что, кроме Оскара, о вас никто ничего не знает? Ошибаетесь. Я тоже знаю. Грабить вас мне не особенно приятно — я не воровка и не шантажистка, но мне надо выбираться из города, и это для меня единственный путь. Только не рыпайтесь: если попытаете задержать меня, я вас просто застрелю. А теперь повернитесь лицом к стене и не двигайтесь.

В ее горящих глазах я прочитал решимость и одновременно испуг. Ведь действительно выстрелит, стоит мне послушаться. И я покорно повернулся лицом к стене.

Я слышал, как она забежала в спальню и тут же вышла обратно. Шаги стали вдруг тяжелые — наверное, она несла чемодан.

— Счастливо оставаться, мистер Скотт, — сказала она. — Вы оказались мне полезны. Извините, что надула вас, но вы сами виноваты — на такие приманки клюют только простофили.

Хлопнула дверь, в замке повернулся ключ.

Я отошел от стены и, достав платок, вытер вспотевшее лицо. Потом подошел к радио и выдернул шнур из сети. Тишина ворвалась в комнату таким же вихрем, каким пять минут назад ворвался трескучий джаз.

Я шагнул было к двери, как вдруг по ту сторону ее услышал крик:

— Не подходите ко мне! Не подходите! Нет! Не надо!

Я стоял и слушал, чувствуя, как леденеет сердце. В голосе ее звенел смертельный ужас.

Вдруг она пронзительно вскрикнула. Я дернулся как от удара. Послышалась непродолжительная возня, потом — глухой стук.

Она снова вскрикнула: этот вскрик иногда до сих пор слышится мне по ночам.

Наступила тишина.

Я услышал, как хлопнула дверь развалюхи лифта. Заскрипел кабель — лифт пошел вниз.

Прошла бесконечная, напряженная минута, и скрип прекратился. На улице зашумел двигатель, и быстро отъехала машина. По лицу моему струился пот. Вдруг я обмер: по ту сторону двери раздался звук, от которого похолодела кровь в жилах. Это был слабый, выворачивающий душу стон.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1

Я стоял и в смятении глядел на запертую дверь. Вдруг через меня словно пропустили электрический ток: в комнате зазвонил телефон.

Я быстро обернулся. Телефон стоял на столике и продолжал терзать тишину. Что делать? Я схватился за ручку двери, но

дверь была надежно заперта снаружи. Высадить ее, не наделав шума, — на это рассчитывать не приходилось.

Я подбежал к окну и чуть отодвинул занавеску. Окно выходило на улицу, но до нее — три этажа. Этот вариант отпал.

Еще одно окно в спальне: то же самое. В другом конце комнаты я увидел еще одну дверь и заглянул туда: кухня и туалет. Высоко под потолком оконце, через которое смогла бы пролезть разве что кошка.

Телефон продолжал трезвонить, и я не мог больше этого выдержать. Я снял трубку и осторожно положил ее на стол. Из нее донесся мужской голос.

— Долли! Это ты, Долли? Говорит Эд. Этот чертов поезд уходит через пять минут...

Я заглянул в замочную скважину. Ключ был там.

В трубке слабо бубнил мужской голос.

Я оглядел комнату. На одном из кресел лежала газета. Я сунул ее под дверь — между полом и низом двери была изрядная щель.

Я побежал в кухню и начал панически шарить в ящиках шкафа. В четвертом ящике я обнаружил пару тонких плоскогубцев. Схватив их, я вернулся в гостиную. Мне без особого труда удалось вытолкнуть ключ, и он выпал на газету.

Я осторожно потянул ее к себе. Сверху лежал ключ.

Услышал в телефоне щелчок и следом длинный гудок. Подошел к столу, положил трубку на место, вернулся к двери и с дрожащими руками повернул ключ в замке.

Рядом с лифтом лицом вниз лежала Долорес: пальто скомкалось и сбилось на бедрах, стройные длинные ноги нелепо раскинуты.

При виде ее я похолодел — так мог лежать только труп.

Что-то заклокотало у меня в горле. Я осторожно сделал несколько шагов в сторону лифта и наклонился над Долорес. Лицо ее было повернуто в другую сторону, но в волосах я увидел кровь.

Я перевернул ее на спину.

Кто-то нанес ей зверский удар в правый висок и проломил череп. Удар был страшный — наверное, убил ее наповал.

Я сунул руку в карман ее пальто, но моих пяти сотен там, разумеется, не было. Не было видно и ее чемодана.

Я выпрямился. Вытащил платок, вытер лицо и руки. Меня охватила паника — ведь, если кто-то увидит меня здесь, это убийство без долгого раздумья навесят на меня.

Скорее вырваться отсюда, скорее, пока ее не нашли! Я быстро зашагал вниз по ступенькам.

Два пролета остались позади. Вдруг я увидел, что навстречу мне снизу поднимается девушка.

На какую-то секунду я оцепенел, мелькнула мысль — наверх, на самый верх, бегом! Но я удержался и пошел дальше вниз.

На лестнице было темно, но я вполне смог бы узнать эту девушку при следующей встрече. Значит, и она меня тоже!

Она безучастно посмотрела на меня и пошла дальше.

Пошел дальше и я.

Если она сейчас поднимется на третий этаж, она прямиком

уткнется в тело Долорес. Поднимется страшный крик, и полиция будет здесь раньше, чем я успею выбраться за пределы квартала.

Я дошел до поворота лестницы, но большего мои нервы выдержать не могли — я побежал.

Вот я уже в вестибюле и схватился за ручку парадной двери. Тут я остановился и, затаив дыхание, прислушался.

Где-то наверху хлопнула дверь, но никаких криков не было. Значит, девушка жила на втором этаже. Я осторожно открыл парадную дверь и оглядел длинную пустынную улицу, быстро спустился по ступенькам и зашагал к своему «бьюику».

Только сейчас я осознал весь ужас происшедшего. Я сел в машину и несколько секунд сидел с закрытыми глазами, ощущая прилив тошноты.

Вдруг до меня донесся шум машины. Этот звук сразу привел меня в чувство — я лихорадочно всадил ключ в щель зажигания.

Мимо проехало такси и затормозило прямо перед входом в «Мэддокс Амз». Из него вышел человек с чемоданом. Расплачившись с шофером, он взбежал по ступенькам и вошел в дом.

А что, если это тот самый Эд, который звонил по телефону?

Я отъехал от тротуара, слегка нажал на газ, но у первого же поворота затормозил и повернул в боковую улочку, где стояло много машин. Если это действительно Эд, было бы глупо его упустить.

Я запер «бьюик» и бросился бегом к перекрестку. Выбравшись на Мэддокс авеню, я медленно пошел в сторону «Мэддокс Амз».

Когда до входа в дом осталось метров пятьдесят, я отошел в тень и принялся ждать.

Прошло минут пять или шесть — мне они показались вечностью, — и человек с чемоданом торопливо вышел из дверей дома.

Я вышел из тени и направился в его сторону быстрой походкой человека, возвращающегося с затянувшейся вечеринки и желающего скорее попасть домой.

Человек оглянулся по сторонам и тут увидел меня. Вздвогнув от неожиданности, он круто повернулся и быстро пошел в противоположную сторону.

Я чуть прибавил шагу, чтобы не потерять его из виду. Плохо, если он поймет, что я иду за ним.

Как только он скрылся за углом, я побежал и в самую последнюю секунду успел заметить его — он сворачивал с главной улицы в темный переулок.

Он направлялся к стоянке такси, где стояли три машины. Он сел в первую из них и уехал.

Я бросился через улицу, открыл дверцу второго такси и плюхнулся на сиденье.

— Езжайте за этой машиной, — велел я шоферу. — Если сумеете продержаться за ней — пять долларов ваши. Только не приближайтесь к ней — пассажир не должен знать, что мы едем сзади.

Машина сорвалась с места, не успел я как следует захлопнуть дверцу.

— Знаете, босс, — сказал шофер, — машин сейчас мало, прятаться не за чем. Но он сказал моему дружку, что ему надо в отель «Вашингтон».

— А что, если он передумает? — возразил я. — Терять его нельзя.

— В случае чего Элф скажет мне, куда он его отвез, — сказал шофер. — Лучше всего нам ехать прямо в «Вашингтон», иначе они нас точно засекут.

Пожалуй, он был прав.

— Хорошо. Поехали сначала прямо туда.

— Вот и отлично, — одобрил шофер, тут же свернул в переулок и прибавил скорость. — Вы небось частный детектив?

— Да, — не стал спорить я. Иначе пришлось бы объяснить ему, зачем мне нужен этот человек. — Если я его потеряю, я потеряю работу.

— Ты его не потеряешь, дружище, — пробормотал шофер, бросая машину в такой крутой поворот, что в знак протеста завизжали шины. — Только сиди крепко. Сейчас приедем.

Мы домчались до отеля в пять минут. Остановив машину в полусотне метров от входа, шофер повернулся и лихо мне подмигнул.

— Еще не приехал, но сейчас будет здесь. Мне подождать?

— Да.

Через окно я смотрел на вход в отель «Вашингтон».

Это был третьеразрядный отель, в котором останавливались заезжие коммивояжеры. Единственное его достоинство заключалось в том, что находился он около вокзала.

Минут пять или шесть мы сидели и ждали, потом, когда я уже стал было думать, что человек с чемоданом безвозвратно потерян, ко входу в отель подкатило такси.

Из него вышел человек с чемоданом и быстро вошел в отель.

— Ну вот, — радостно улыбаясь, объявил шофер. — Что я вам говорил?

Я протянул ему пять долларов, махнул на прощанье рукой и зашагал ко входу в отель. Перед двойными дверями, ведшими в вестибюль, я остановился.

Человек с чемоданом обращался к дежурному, пожилому лысому человеку, который слушал с выражением полнейшего безразличия на лице.

Они стояли по обе стороны конторки дежурного. Прямо над их головами висела лампа, свет от которой падал на лицо человека с чемоданом.

Это был совершенно не тот типаж, который подошел бы Долорес для совместного путешествия. Маленького роста, коренастый, он выглядел лет на шестьдесят. Мясистое лицо избороздили тонкие маленькие вены запойного пьяницы. При свете я смог разглядеть, что одежда на нем была довольно поношенная и старая.

Разговаривая с дежурным, он беспрерывно вытирал лицо грязным платком, и даже со своего места я мог видеть, что он сильно нервничает и волнуется.

Наконец он подал дежурному какие-то деньги, и тот подтолкнул ему книгу записи посетителей. Человек что-то там написал, взял ключ от комнаты, который дежурный бросил на стойку, потом, подхватив чемодан, пересек вестибюль и исчез на едва освещенной лестнице.

Я поколебался мгновение, потом толкнул двойные двери и вошел в вестибюль отеля.

Старый, издерганный жизнью дежурный окинул меня безучастным взглядом.

Я подошел и оперся на стойку. Увидев этого человека вблизи, я понял, что, если хочу от него что-то получить, нужно действовать самым примитивным методом. Протертый до дыр костюм и обтрепавшиеся манжеты вопили о его бедности.

— Сейчас наверх поднялся человек. Мне нужно знать, кто он такой, — сказал я веско.

Вытащив бумажник, я достал десятидолларовый банкнот, дал дежурному возможность им полюбоваться и стал аккуратно складывать его. Получился маленький комочек, и я сунул его между костяшками указательного и среднего пальцев левой руки, откуда он торчал словно флаг. Я положил левую руку на стойку в метре от него.

Глаза дежурного соскользнули с моего лица и стали ошупывать сложенный банкнот. Я увидел, как раздуваются его сплющенные ноздри, а лицо принимает осмысленное выражение.

— Мы не даем сведений о наших клиентах. — Голос его звучал неуверенно. — Кто вы такой, мистер?

— Человек, который покупает сведения за десять долларов, — ответил я.

Он втянул голову в плечи и прикрыл глаза — видимо, думал. Так он был похож на тощую нахохлившуюся курицу. Наконец он открыл глаза и снова уставился на банкнот.

— Вы не полицейский, — сказал он, как бы обращаясь к самому себе. — И не частный детектив.

— Какая разница, кто я? — нетерпеливо бросил я. — Как его имя?

Рука его — похоже, он не мыл ее неделю — робко потянулась к банкноту. Я позволил ей приблизиться, но, когда она была почти у цели, отодвинул свою.

— Как его имя? — повторил я.

— Не знаю. То, что он написал в книге, наверняка липа. — И он подтолкнул книгу ко мне.

Я прочитал: «Джон Тернер, Сан-Франциско». Почерк был неровный и мелкий.

— Он не сказал, почему прибыл так поздно? И как долго здесь пробудет?

Дежурный снова втянул голову в плечи.

— Если я буду держать деньги в руках, мистер, моя память будет работать гораздо лучше. Когда вам будет столько, сколько мне, вы увидите, что в голове уже ничего не держится.

Я выронил банкнот на стойку.

— Пусть он лежит здесь, — сказал я. — Смотрите на него.

Наклонившись над банкнотом, он затаил дыхание, потом поднял глаза и спросил:

— Так что вы хотели узнать, мистер?

Я повторил вопрос.

— Он сказал, что опоздал на последний поезд и уедет первым же утренним. Просил разбудить его в семь утра.

Подумав секунду, я спросил:

— В каком он номере?

Дежурный положил палец на банкнот и начал медленно двигать его к себе.

— В двадцать восьмом, — ответил он. — Но наверх я вас пропустить не могу — нужно снять комнату.

— Двадцать девятый или двадцать седьмой свободны?

Он посмотрел через плечо на висящие за стеклянной дверцей ключи, затем, не убирая палец с банкнота, левой рукой снял с крючка ключ от двадцать девятого номера.

Положив его передо мной, он быстрым движением, как ящерица муху, слизнул десятидолларовый банкнот со стойки.

— Два доллара за ночь, — сказал он. — Не самая плохая комната. У него, во всяком случае, хуже.

Я выудил из бумажника еще два доллара и взял ключ.

— Если я не встану сам, — велел я, — разбудите меня в половине седьмого.

— Ладно, — кивнул он. — Подниметесь по лестнице на второй этаж и повернете налево.

В коридоре тускло мерцала лампочка. Ковер на лестнице был чуть толще бумаги, двери щеголяли сбитыми косяками и выцветшей краской. Над лестницей висел слабый запах капустного супа, туалета и немых тел. Да, отель «Вашингтон» нельзя было отнести к лучшим отелям Пальмового Города.

Пройдя номер двадцать семь, я приостановился у номера двадцать восемь и стал слушать. Все, однако, было тихо, и я прошел дальше, к номеру двадцать девять, сунул ключ в замочную скважину, осторожно его повернул и открыл дверь. Нащупав на стене выключатель, я зажег свет и, стараясь ступать без шума, вошел в комнату. Скорее это была кроличья клетка. Я увидел кровать, раковину, ковровую дорожку, два стула.

На моих часах было без десяти три, и я вдруг почувствовал себя совершенно изможденным. Это, безусловно, была самая насыщенная и тревожная ночь в моей жизни, и еще неизвестно, чем она кончится.

Меня так и подмывало вытянуть ноги и прямо в чем есть завалиться спать. Я уже готов был поддаться соблазну, но вдруг услышал легкий звонок: так звякает телефон, когда вы поднимаете трубку. Звук этот раздался в соседней комнате.

Сон как рукой сняло. Я сел на кровати и прислушался.

Человек, поставивший в книге фамилию Тернер, говорил:

— Принесите мне бутылку виски со льдом, и побыстрее.

Он повесил трубку.

Несколько секунд я сидел, уставившись в пыльный ковер, потом с усилием поднялся с кровати, на цыпочках подошел к двери, слегка приоткрыл ее и выключил свет в своей комнате. Опершись о дверной косяк, я стал ждать.

Прошло минут десять — мне они показались часом. Потом я услышал, как кто-то шаркает ногами по лестнице. Порывшись в бумажнике, я вытащил пять долларов. Эта ночь стоила мне немалых денег, черт возьми, но я все же рассчитывал получить кое-что взамен.

В конце коридора показался дежурный. Он нес поднос с бутылкой виски и жестянкой со льдом.

Когда он доталился до номера двадцать пятого, я вышел в коридор и преградил ему дорогу. Я показал ему пять долларов,

потом протянул их ему. Одновременно я взял у него из рук поднос.

Он схватил банкнот так, как голодный тигр хватается кусок мяса, потом тупо посмотрел на меня, перевел взгляд на дверь с табличкой «двадцать восемь» и поплелся назад.

Я поставил поднос на пол около двадцать восьмого номера и постучал в дверь.

— Кто там? — громко спросил человек, назвавшийся Тернером.

— Ваш заказ, — ответил я, собираясь с духом. Потом оперся о дверной косяк.

Я услышал, как он встает, идет по комнате. Потом повернулся ключ, и дверь приоткрылась.

Я навалился на нее всем телом.

Дверь широко распахнулась, и я оказался в комнате.

Для человека на грани шестидесяти у Тернера оказалась превосходная реакция. Он тут же сориентировался и кинулся к кровати, где лежал «кольт».

Я обхватил его и прижал к кровати.

Его рука сжала пистолет, моя рука сжала его руку. Какой-то момент мы выясняли, кто же из нас сильнее, но возраст склонил чашу весов в мою сторону.

Вытащив пистолет из его руки, я оттолкнулся от кровати и вскочил на ноги.

Когда он наконец сел прямо, в лицо ему смотрело дуло пистолета: ничего, пусть испытает то, что испытал сегодня я.

Он смотрел на меня, и его красное, посеченное венами лицо приобретало пыльно-фиолетовый оттенок.

— Успокойтесь, — сказал я, безуспешно стараясь отдышаться. — Я хочу с вами поговорить.

Языком, похожим на кусок покрашенной в фиолетовый цвет кожи, он облизнул пересохшие губы.

— Кто вы такой? — спросил он глухим неровным голосом.

— Неважно, кто я такой, — сказал я. — Там, за дверью, вам принесли выпить. Тащите выпивку сюда, и мы с вами побеседуем за стаканом виски.

Видимо, ему позарез нужно было сейчас выпить, потому что он пулей сорвался с кровати и схватил поднос так, словно от этого зависела его жизнь.

Пока он наливал виски в стакан, я поднялся, закрыл дверь и запер ее на ключ.

Он осушил стакан с виски одним глотком и налил вторую порцию.

— Мне налейте со льдом, — заметил я.

— Кто вы такой? Что вам надо? — Он был явно озадачен — ума не мог приложить, откуда и зачем я на него свалился.

— Вопросы буду задавать я, а вы будьте любезны отвечать, — жестко сказал я. — Почему вы не позвонили в полицию, когда нашли ее?

Кровь отхлынула от его лица, оставив лишь разломанные вены на желтоватом фоне.

— Вы знаете про нее? — проскрипел он.

— Знаю. Кроме этого, я видел, как вы вошли и как вышли. Почему не позвонили в полицию?

— А что бы это дало? — спросил он, отводя взгляд.

— Как ваше имя?

Снова появился фиолетовый язык и облизнул сухие губы.

— Тернер. Джон Тернер.

— Что же, хорошо, хотите подурачиться, давайте, — сказал я и поднял пистолет. Он оттягивал руку и вообще мне мешал. В детективных романах я читал про «кольты» сорок пятого калибра, но в руках я его держал первый раз. Никогда не думал, что он такой большой и тяжелый. — Поднимитесь и встаньте к стене. Я вызову полицию.

Виски из стакана выплеснулось прямо ему на колени.

— Подождите, — прохрипел он. — Что вы от меня хотите? Я же ничего не знаю. Я наткнулся на тело. Кто-то стукнул ее по голове.

— Как вас зовут?

— Эд Натли. Я ее импресарио.

Это было похоже на правду. Долорес говорила о каком-то импресарио.

— Почему вы не позвонили в полицию?

— Я и хотел позвонить им, — пробормотал он. — Как только оправился от шока, хотел им позвонить.

— Так позвоните им сейчас, — подзуживал я, надеясь, что он выпил не слишком много виски для того, чтобы пойти на такое безрассудство.

Он опустил стакан, и какой-то неприятный момент я даже думал, что сейчас он пойдет к телефону, но вместо этого он вытащил смятую пачку сигарет, прилепил сигарету к нижней губе и чиркнул спичкой.

— Я знаю, кто вы такой, — сказал он вдруг. — Как это я сразу не догадался? Должно быть, теряю хватку. Вы собирались оплатить ей отъезд, не так ли?

Положив «кольт» на туалетный столик, я обошел вокруг Натли, взял с подноса второй стакан и плеснул туда немного виски — мне вдруг страшно захотелось выпить. Я прошел в конец комнаты и сел на стул около окна.

— А что, если так? — спросил я.

Он уставился на меня.

— Бог ты мой! Неужели вы дали ей деньги?

— Мы уходим от темы, — перебил его я. — Я хочу знать, почему вы не позвонили в полицию, когда нашли ее труп. Либо вы ответите на этот вопрос мне, либо мы идем в полицию.

Он поколебался, потом пожал плечами.

— Просто я не хотел ввязываться, — сказал наконец он и вытер грязным платком потное лицо. — Они могли бы подумать, что ее треснул я. — Он аккуратно сложил платок и убрал его. — Как будто я ее не предупреждал... — Он вдруг замолчал и нахмурился. — Просто я не хотел ввязываться, вот и все, — неуклюже заключил он.

— О чем вы ее предупреждали? — спросил я.

Он снова заколебался, взял стакан и допил свое виски. Потом налил еще и только тогда сказал:

— Не знаю, зачем я вам это говорю. Может, потому, что я

выпил, но, если уж вам так интересно, я предупреждал ее, что выходить замуж за этого полицейского — безумие.

— Почему же?

Он потянул виски, потом посмотрел на меня помутневшими глазами.

— Потому что его деньги плохо пахли. Только она не хотела меня слушать. — Он осклабился, стал вертеть в рыхлых грязных руках стакан. — Я предупреждал, что ее втянут в какую-нибудь грязную аферу. Куда там — она только смеялась надо мной. Если полицейский живет так, как жил этот тип, можно сделать один вывод — денежки плывут к нему из грязного болотца. Но ей было плевать. Она думала только об одном — вот она выйдет за него замуж и уйдет со сцены. Больше она ничего знать не желала. — Он еще отхлебнул из стакана. — Вот и доигралась — проломили глупую голову.

— А на чем О'Брайен делал деньги? — спросил я.

Он хитро посмотрел на меня.

— Этого я не знаю.

— А почему она хотела уехать из города?

Он надул щеки, потом выпустил воздух.

— Здесь ей больше нечего было делать. Она хотела посмотреть Мексику.

— Но она не просто хотела уехать, она рвалась из города. Почему?

Он плеснул в стакан еще виски.

— Так вы дали ей деньги?

— Дал, но их унес ее убийца, — сказал я.

Он потер рукой потное лицо, словно стараясь стереть с глаз пелену.

— Кажется, я перебрал сегодня. Сейчас, дайте как следует подумать. — Он еще раз потер лицо рукой и после небольшого раздумья сказал: — Если вы знаете, что с ней произошло, значит, вы видели ее раньше меня. Стало быть, и о ее смерти вы знали раньше меня. Она хотела вас расколоть на пять сотенных, и вы сами только что сказали, что принесли их ей на блюдечке. — Он легонько икнул, закрыв рот рукой. — Я, конечно, перебрал, но еще соображаю. Может, это вы ее и убили. — Откинувшись назад, он пристально посмотрел на меня. — А что? Вполне возможно. Пожалуй, стоит сходить в полицию. Может, вашей персоной они заинтересуются больше, чем моей. Мне-то убивать ее никакой корысти, а у вас мотив вполне подходящий.

— Я ее не убивал, — ответил я, выдерживая его взгляд, — и не думаю также, что это ваших рук дело, но если вам очень хочется, мы можем пойти в полицию, и пусть решают они.

Он слабо усмехнулся.

— Ладно, приятель, я вам верю, — миролюбиво произнес он. — Мне неприятности ни к чему. Между нами говоря, я и знать не желаю, кто ее убил. — Он подался вперед, потер тыльными сторонами ладоней глаза. — Знаю я, как связываться с полицией. Если они не повесят это убийство на вас, то повесят на меня. Так что лучше к ним не соваться. Ну а теперь, может, вы уберетесь отсюда и дадите мне поспать? Мне нужно успеть на первый поезд, а я устал как черт.

Я решил попробовать взять его на пушку.

— А вы такого Росса не знаете? — внезапно спросил я.

Меня ждало разочарование — ничуть не изменившись в лице, он продолжал пристально смотреть на меня.

— Никого я не знаю, — ответил он, тщательно подбирая слова. — Могу посоветовать вам одно: если хотите остаться в живых, лучше тоже никого не знайте в этом паскудном городе.

— Как вы думаете, это он убил ее?

Его дряблый рот изогнулся в ухмылке.

— Росс? Да вы смеетесь! Для него и муху-то убить проблема.

Тогда я выстрелил из пушки другого калибра.

— А может быть, ее убил Арт Галгано?

Я попал в цель.

Он вздрогнул, побледнел, руки сжались в кулаки. Целую минуту он сидел и смотрел на меня, потом наконец хрипло выдал из себя:

— Я не знаю, кто ее убил. А теперь убирайтесь!

Я почувствовал, что больше ничего от него не добыюсь. Да я и сам еле стоял на ногах. Ладно, подкараулю его завтра утром и еще немного потрясу, может, что и выплется. А сейчас спать.

— Увидимся завтра утром, — обрадовал я его и побрел к двери. — Наш разговор еще не окончен, продолжение следует.

— Да не морочьте вы себе голову, — пробубнил он и выронил стакан с остатками виски на ковер. — Я этим паскудным городом сыт по горло. Слава богу, завтра меня здесь уже не будет.

Я выбрался в тусклый коридор и закрыл за собой дверь. У меня не было никакого желания проводить остаток ночи в этом гнусном затхлом притоне, но ехать сейчас домой, в такую даль, — это было выше моих сил.

В двадцать девятом номере я зажег свет и побрел к кровати. Я скинул пиджак и туфли и плюхнулся на кровать, чувствуя, как сладко ноют кости.

Я хотел было обдумать события прошедшего дня и проанализировать все, что узнал от Натли, но куда там — через минуту я уже забылся в тяжелом сне.

Хлопок выстрела прозвучал настолько неожиданно, что я чуть не вылетел из кровати.

В комнате стояла полная темнота, я ничего не видел, но был абсолютно уверен — где-то рядом секунду назад прозвучал пистолетный выстрел.

Потом я услышал мягкий звук быстрых шагов — кто-то убежал по коридору.

Я соскользнул с кровати и, не включая свет, подкрался к двери, потом приоткрыл ее.

Коридор был пуст.

Дверь в комнату Натли была приоткрыта. Там горел свет, и оттуда сильно пахло порохом.

В углу, скрючившись, сидел Натли. Он был в грязной пижаме, босиком. Чуть ниже нагрудного кармана блестело багровое пятно.

На моих глазах пятно крови медленно начало разрастаться. Я ничем не мог ему помочь. Ему уже никто не мог помочь. Где-то дальше по коридору закричала женщина. Мне тоже хотелось кричать.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1

Казалось, я стал действующим лицом какой-то кошмарной фантазмагории, и роль моя состояла в том, чтобы убежать от мертвых тел.

Я стоял в дверном проеме и смотрел на Натли. Надо быстрее уносить ноги, ведь через минуту здесь будет полиция!

Лицо Натли было серым, отсутствующим, безучастным — такое лицо могло быть только у покойника. Я чувствовал себя совершенно разбитым, но все же через силу повернулся и, стараясь не шуметь, заспешил по коридору к лестнице.

Женщина уже не кричала, она вопила, видимо, высунувшись в окно: «Полиция! Убили! Полиция!» Меня охватила паника. Я побежал по лестнице, чувствуя, как тяжело дышать и как ползут мурашки по телу. Но в вестибюле меня ждало еще одно потрясение.

За конторкой в луже крови лицом вниз лежал дежурный. Кто-то нанес ему страшный удар в правый висок — так же была убита Долорес Лэйн.

К этому времени вид насильственной смерти уже не вызывал у меня неопишуемого ужаса — наверное, стал привыкать, — и я остановился посмотреть на тело. В эту самую секунду где-то вдалеке послышался вой полицейской сирены, и я замер на месте.

Чувствуя, что сердце вот-вот вырвется из груди, я бросился к двойным стеклянным дверям на улицу, но тут же понял, что таким путем я попаду прямо под свет фар приближающейся полицейской машины.

За стойкой дежурного я увидел дверь с надписью: «Посторонним вход воспрещен».

Я бросился за конторку, открыл дверь и очутился в тускло освещенном коридоре. Впереди были ступеньки, ведущие, по-видимому, в подвал. Я сбежал вниз и оказался в другом коридоре, который вел в кухню, потом быстро проскочил к двери с надписью: «Запасной выход».

Пришлось немного повозиться с засовами, но в конце концов я их отодвинул, толкнул дверь и увидел перед собой темную аллею.

Я быстро зашагал по аллее к главной улице. На углу остановился и осторожно выглянул.

Перед входом в отель стояла полицейская машина, но самих полицейских видно не было.

Прижимаясь к тени домов, я побежал в противоположном направлении. Это было мало похоже на бег — я еле волочил ноги.

Я пробежал таким образом пару кварталов, и тут показалось такси. Я совершенно ясно себе представил, что, если сейчас остановлю это такси, шофер обязательно обо мне потом вспомнит и

даст полиции мое описание. Не я настолько устал, что мне было уже все равно.

Я поднял руку, и такси остановилось. Я попросил шофера отвезти меня на Мэддокс авеню, и побыстрее.

Через десять минут мы были на Мэддокс авеню. Когда машина проезжала мимо «Мэддокс Амз», я осторожно выглянул в окно.

У входа стояли три полицейские машины. Рядом с машинами я увидел пятерых полицейских и одного мужчину в штатском. Мне показалось, что это был лейтенант Уэст; но он стоял в тени, и я вполне мог ошибиться. У следующего перекрестка я попросил шофера остановиться и расплатился с ним. Когда он уехал, я свернул в боковую улицу, туда, где оставил свой «бьюк».

Когда я отъехал от тротуара, часы пробили половину четвертого. Ну и ночь мне выпала! И я теперь замешан не только в случайной гибели полицейского, но и еще в трех вполне преднамеренных убийствах. Это было как раз такое похождение, в какое человек может попасть только в кошмарном сне.

Наконец я доехал-таки до дома — часы показывали без пяти четыре.

На ватных ногах я пошел по дорожке, отпер дверь и вошел в темный холл. Свет включать не стал — зачем? Я пересек холл и пошел на ощупь к двери в спальню. Открыв ее, шагнул в еще более густую темноту.

Вдруг я остановился. По спине пробежал холодок. В застоявшемся воздухе комнаты явственно чувствовался запах духов — запах, который моей спальне был совершенно несвойствен.

Я вытянул руку и включил свет. Сердце мое резко ударило по ребрам.

Лицо закрыто каштановыми волосами, обнаженные руки поверх простыни — в моей постели спящая или мертвая лежала Люсиль.

Я оперся о стену. Она лежала не двигаясь и, как мне казалось, не дыша. Меня охватил страх: а что, если она мертва?

Сегодня ночью трое уже отдали богу душу — она могла быть четвертой. От трех трупов мне пока что удалось отделаться и оторваться, но Люсиль — это совсем другое дело. Она лежит в моем доме и в моей постели.

Сделав над собой усилие, я оттолкнулся от стены и нетвердым шагом подошел к кровати. Трясущейся рукой я осторожно дотронулся до руки Люсиль.

Она пошевелилась, легонько вздохнула, чуть повернулась на бок и зарыла лицо в подушку.

Я не стал ломать голову над тем, каким образом она оказалась в моей постели и что будет, если ее найдут здесь. Главное — она жива, все остальное меня сейчас не беспокоило.

Мне хотелось только одного — спать.

Я пошел в гостевую спальню, сбросил одежду и нырнул под простыни.

Голова моя коснулась подушки, и комната начала плыть перед глазами. Мертвые тела, Люсиль в моей постели, покореженный «кадиллак», боязнь полиции и угроза Оскара Росса — все это растворилось в тяжелом сне. Я спал, а все мои проблемы и страхи сидели у изголовья кровати и ждали моего пробуждения.

Когда я открыл глаза, часы на столике у кровати показывали пять минут двенадцатого. Через прорези в деревянных ставнях пробивалось жаркое солнце и чертило на ковре остроугольные фигуры.

Некоторое время я лежал не шевелясь и смотрел в потолок — не мог сразу сообразить, приснился ли мне кошмарный сон или же события, ворвавшиеся с пробуждением в мой мозг, произошли на самом деле. Но как только я окончательно проснулся, то сразу понял, что кошмар, увы, имел место наяву.

Я побрился и сразу почувствовал себя увереннее. Выйдя из ванной, я услышал какое-то движение в спальне. Дверь открылась, и на пороге появилась Люсиль.

Мы стояли и смотрели друг на друга.

— Привет, — сказал я наконец. — Чего это вы вдруг забрались в мою постель? Или у вас на меня есть какие-нибудь виды?

Она вспыхнула.

— Извините. Я ждала и ждала, а вас все не было, — виновато пробормотала она. — Я ужасно устала и прилегла на вашу постель. Ну и, наверно, заснула.

— Ну ладно, надеюсь, спалось вам не хуже, чем мне. Я действительно пришел поздно и решил, что будить вас негуманно. Кстати, интересно, почему вы здесь — вас привело какое-то неотложное дело или вы просто решили, что смена кровати слегка разнообразит вашу скучную жизнь в «Гейблз»?

Она захлопала глазами.

— Вы же сказали, что нашли выход. Только не сказали какой. Вот я и приехала сюда и стала вас ждать — я же не знала, что вы придете так поздно.

— Понятно. А как вы проникли внутрь?

Она отвела глаза.

— А я... нашла открытое окно.

— Довольно легкомысленно с моей стороны. — Я провел рукой по волосам и поморщился — шишка на затылке здорово болела. — Знаете, я сегодня что-то плохо себя чувствую. Будьте хорошей девочкой, садитесь на свой велосипед и уезжайте, а?

— Чес, ну пожалуйста... — Она сжала кулачки и застучала ими по коленям. Я уже знал — это признак того, что она взволнована. — Я должна поговорить с вами. Этот человек... который звонил... он приходил ко мне. Он хочет нас шантажировать.

— Да, я все знаю. Что ж, хорошо, давайте поговорим, только сначала я выпью кофе. А вы пока можете пройти в ванную и принять присущий вам королевский облик — вы меня чрезвычайно этим обяжете. А то сейчас у вас такой вид, будто вы провели ночь в кустах. Я сварю кофе, а потом мы с вами устроим заседание за круглым столом.

К тому времени, когда я накрыл на стол — кофе, сок, румяные тосты, — она как раз вышла из ванной. Ее шелковистые волосы были аккуратно причесаны, а кожа сияла свежестью. Она высоко закатала рукава моего халата. Каким-то чудесным образом даже в этом не очень подходящем туалете, который к

тому же был ей на несколько размеров велик, ей удавалось вы-
глядеть очаровательной и милой. Впрочем, этот секрет, кажется,
известен всему женскому полу.

— Садитесь и пейте кофе, — сказал я. — Только говорить
пока не будем. Времени у нас достаточно.

Она села напротив меня и с угрюмым видом стала наливать
кофе.

Ситуация даже доставляла мне удовольствие. Если бы сей-
час все было нормально, и Эйткен вдруг сыграл в ящик, и Лю-
силь вышла за меня замуж... что ж, каждое утро в течение лет
этак двадцати я созерцал бы именно такую картину: она, очаро-
вательная и слегка угрюмая, сидит напротив меня и пьет ко-
фе. Да, уввы, в жизни все гораздо обыденнее.

Наконец с кофе было покончено. Пододвинув Люсиль пачку
сигарет, я прошел к кушетке и улегся на нее. Закурил, поднял
глаза к потолку. Я явно чувствовал себя лучше и был более
или менее готов ко всему, что расскажет мне Люсиль.

— Ну хорошо, — сказал я, не глядя на нее. — Начнем. Зна-
чит, нас шантажируют — я правильно понял?

— Да. Он пришел вчера вечером. Я как раз купалась. Он
появился откуда ни возьмись, когда я выходила из бассейна.

— Если вы были в том же бикини, в каком вас видел я, то
просто не понимаю, как это у него хватило духа вас шантажи-
ровать. Ну и как он вам понравился? Насколько я понимаю,
девушки именно по таким сходят с ума, а?

— А мне он показался мерзким типом, — ответила она хо-
лодно.

— Неужели? Ну это, наверное, потому, что он хочет вытя-
нуть из вас деньги. Я думаю, если бы он пригласил вас в ресто-
ран, вы бы нашли его просто неотразимым.

— Чес! Ну прекратите же, в самом деле! Он требует три-
дцать тысяч долларов!

— Я знаю. Он почему-то с детской убежденностью считает,
что нам с вами достать такие деньги — все равно что раз плю-
нуть. Мне он дал срок до конца той недели. Вы можете достать
тридцать тысяч?

— Конечно, нет!

Я стряхнул пепел в пепельницу.

— Ну а сколько вы...

— Не знаю. У меня есть бриллиантовое кольцо. Это все, что
действительно принадлежит мне. Роджер подарил мне его еще
до замужества. Я думаю, оно кое-чего стоит. — Она покрутила
кольцо на среднем пальце правой руки. — Может, вы сумеете
его продать?

Я внимательно осмотрел кольцо.

Кольцо было неплохое, но не более того. Во всяком случае,
ни один ювелир не потерял бы из-за него покой и сон.

— Может, сотен пять за него в ломбарде и дадут, — сказал
я. — Если вы им расскажете, что ваша мать умирает с голоду,
а у вас самой чахотка. — Я бросил кольцо ей на колени. — Ну
что ж, это уже кое-что. Теперь нам осталось достать всего лишь
двадцать девять тысяч пятьсот долларов.

— Чес! Ну почему вы со мной так разговариваете? — в серд-
цах воскликнула она. — Что я такого сделала? Я же говорила

вам, что нас будут шантажировать, а вы мне не верили. А теперь я же еще и виновата. Вот здорово!

— У меня сегодня была очень трудная ночь, — терпеливо объяснил я. — И ваши проблемы, Люсиль, честно говоря, ушли на второй план. Мне нужно подумать о более важных делах.

— Что значит «мои проблемы»? — вспыхнула Люсиль. — Они и ваши тоже! Где вы достанем деньги?

— Вот в чем вопрос, как сказал когда-то Гамлет. У вас есть предложения?

— Ну, я... наверное, основную сумму внесете вы? Вы же говорили, что у вас есть двадцать тысяч?

Она наклонилась вперед, в глазах — волнение и испуг. Маленький очаровательный ребенок.

— Эти деньги я должен отдать вашему мужу. Ему может не понравиться, если я ни с того ни с сего отдам их нашему другу Оскару.

— Чес! Вы что, не понимаете, насколько это серьезно? Этот человек говорит, что он расскажет Роджеру, как мы с вами занимались на пляже любовью, а полиции — что я убила полицейского! Он говорит, у него есть фотография, где вы заменяете номер на вашей машине! — Она стала бить кулачком мне по колену. — И вы и я — мы замешаны оба! Что же будем делать, Чес?

Я оттолкнул ее руку.

— Только без паники, — сказал я. — Это во-первых. Во-вторых, мистер Оскар Росс будет долго ждать, пока мы ему заплатим. А в-третьих, вы сейчас оденетесь и поедете домой, потому что сюда в любой момент может кто-нибудь прийти и застать нас в явно компрометирующем положении.

Она вся вытянулась и сцепила руки где-то под коленками.

— Вы не собираетесь ему платить? — Глаза ее округлились. — Ведь он же пойдет в полицию! Ведь он расскажет Роджеру... вы должны заплатить!

— Ничего я не должен. Пока что у нас есть шесть дней. Я рассчитываю узнать что-нибудь насчет Оскара, и тогда, мне кажется, он уже не будет таким назойливым. Такой человек, как он, не может не иметь прошлого. Например, он зачем-то рвется из города. Вот я покопаюсь в его прошлом и выясню, чего это он так торопится уехать. Я заплачу ему лишь в том случае, если буду уверен — другого выхода у меня нет. А сейчас я в этом совершенно не уверен.

Она оторопело смотрела на меня.

— Неужели вы все это серьезно? Да вы же его только разозлите. Еще, чего доброго, он цену поднимет.

— Не поднимет, — заверил я. — Потому что не дурак. Он понимает, что больше тридцати тысяч ему из нас не выжать. А теперь, пожалуйста, уезжайте.

Медленно, нехотя она поднялась.

— Не нравится мне это, — сказала она, глядя на меня сверху вниз. — Лучше бы заплатить ему и избавиться раз навсегда.

— Вам-то, конечно, так было бы лучше, потому что деньги не ваши. Если уж вам так хочется отдать ему деньги, попросите мужа одолжить вам тридцать тысяч. Вдруг он согласится?

Она гневно взмахнула руками, потом повернулась и быстро вышла из комнаты.

Я взял телефонный справочник и открыл его на букву «р». Оказалось, что Оскар Росс живет в доме под названием «Бельвю» на Прибрежном бульваре. Не самый, конечно, фешенебельный район города, но ничем не хуже моего.

Любопытства ради я посмотрел, зарегистрирован ли в справочнике Арт Галгано. Как я и полагал, его там не было.

Я вернулся в комнату, сел на кушетку и принялся обдумывать положение. Минут через десять из спальни вышла Люсиль. В своих желтых брючках и белой блузке она выглядела великолепно. В правой руке она держала белую сумку.

Люсиль остановилась в дверях, явно рассчитывая произвести впечатление. На лице ее было выражение, какое бывает у заблудившейся девочки. Такая конфетка, прямо хотелось положить в рот и съесть.

— Чес, — начала она своим тихим детским голосом. — Мы должны отнестись к этому серьезно. Я сейчас думала...

— Можете не продолжать, — перебил я. — Я знаю ваши мысли наизусть. Вы решили — разумеется, за нас обоих, — что я должен выложить все свои сбережения, до последнего цента, но вы забываете об одном: если вы платите шантажисту, он обязательно приходит еще. Росс сейчас с радостью заберет денежки, и, вполне возможно, год или даже два мы о нем ничего не услышим и будем думать, что все в полном порядке, как вдруг он заявится и расскажет нам, что попал в очень сложное положение и что ему позарез нужны деньги. Это мои деньги, Люсиль. Может быть, в конце концов мне и придется с ними расстаться, но расстанусь я с ними лишь тогда, когда увижу, что другого способа вырваться из этой переделки нет.

Она стала беспокойно шагать по комнате.

Наконец она остановилась и сказала, не глядя на меня:

— Тогда, наверное, я обо всем расскажу Роджеру. Я уверена, что он скорее заплатит этому человеку, чем позволит засадить меня в тюрьму.

— Эту сцену мы уже один раз проигрывали, к чему же повторять заезженные номера? — с улыбкой спросил я. — Вы сказали, что не хотите ничего говорить Роджеру и не будете бросаться его именем мне в лицо. Похоже, у вас короткая память. Хорошо, если уж вам так хочется ему обо всем рассказать, давайте, только мы поедем вместе, и я позабочусь о том, чтобы все факты были изложены верно.

Она побелела от гнева.

— Ненавижу вас! — крикнула она и замахнулась своей сумочкой, норовя съездить мне по лицу.

Я вовремя успел поднять руку, и удар пришелся по кисти. Столкновение было таким стремительным, что сумочка вырвалась у нее из руки, пролетела через всю комнату, шмякнулась о стену и от удара раскрылась. Все ее содержимое вывалилось на пол.

Мне бросился в глаза один предмет.

— Вот это интересно! — воскликнул я.

Люсиль бросилась к сумочке, схватила предмет и сунула его

под блузку. Потом с глазами, полными невыразимого страха, попятилась назад.

Какую-то секунду я стоял словно пригвожденный к полу и только тарачил глаза, но, когда она кинулась к двери, я пришел в себя и рванулся ей наперерез.

Я схватил ее за руку уже в холле. Она вывернулась, вырвала руку и хотела уже открыть парадную дверь. Я снова схватил ее и дернул на себя. Она вырывалась, пинала меня ногами, толкала руками и даже пыталась укусить. Неожиданно она оказалась довольно сильной, и, прежде чем я успел крепко схватить ее за руки, ей удалось угостить меня тремя-четырьмя достаточно болезненными ударами в лицо, после чего я, естественно, здорово разъярился.

Она попробовала разбить мне лицо головой — ничего не вышло, но тут ей удалось высвободить одну руку, и она что было силы вонзила мне в шею длинные ногти.

Я словно сражался с дикой кошкой. Каким-то образом ей удалось ударить меня коленом в грудь, да так сильно, что я выпустил обе ее руки. Она кинулась на меня, но в этот момент из-под блузки на пол выпал предмет.

Я поднял его.

Это было водительское удостоверение.

Выписано на ее имя два года назад.

Тогда я повернулся к ней.

Она забилась в угол комнаты и сидела там не двигаясь, закрыв лицо руками.

Потом она начала плакать.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1

Я положил удостоверение в карман и пошел в ванную. Там, я обмыл царапины на шее. Наконец мне удалось остановить кровотечение. Но следы на моем лице были достаточно красноречивы. Даже ребенку будет ясно, что я с кем-то дрался.

Я вышел в гостиную, сел к окошку и стал смотреть на прибрежную полосу песка и на далекие пальмы.

Некоторое время я сидел и курил. Потом за спиной раздалось какое-то движение.

В дверях стояла Люсиль.

— Чес... — голос ее дрожал. — Я все объясню... Я сейчас все объясню...

— Давайте объясняйте, — согласился я. — Кажется, будет что послушать. Вы уже доказали мне, что вы довольно находчивая лгунья, но то было так, семечки. А вот если вам удастся успешно выкрутиться и сейчас, вы вполне можете рассчитывать на мировое признание.

Она подошла и села в кресло напротив.

— Прошу вас, Чес... Я знаю, вы на меня сердиты, но я вам совсем не лгала. Правда, совсем. — На лице у нее появилось такое ангельское выражение, что у меня аж руки зачесались — с каким удовольствием я сейчас положил бы ее через колено и надавал по одному месту чем придется. — Если бы вы попроси-

ли у меня удостоверение, я бы вам его сама дала. Совсем незачем вам было так глупо себя вести.

— Слушайте, моему терпению может прийти конец.

Большим и указательным пальцами левой руки она провела по ноге от бедра к колену. Это должно было изображать смущение маленькой девочки, но на эту удочку я уже не ловился.

— Видите ли, Чес, я влюбилась в вас с первого взгляда, — сказала она, потом вдруг вскинула голову и посмотрела на меня огромными горящими глазами.

И на эту удочку я не попался.

— И когда же вы бросили на меня этот первый взгляд?

— Когда вы в первый раз пришли в наш дом — я увидела, как вы смотрите на меня.

Я мысленно вернулся к тому вечеру. Кажется, это было очень, очень давно.

— Когда вы любовались собой в зеркало? Это вы имеете в виду?

— Да. — Она провела пальцами от колена к бедру, потом внимательно оглядела их, словно проверяя, не пострадали ли они во время путешествия. — Я ведь ужасно одинока, Чес. Вы не представляете себе, что это такое — быть замужем за стариком. Роджер — ужасный зануда. И мне захотелось познакомиться с вами. Я знала, что с вами будет весело и интересно. Вот я и решила попросить вас научить меня водить машину — это будет хороший предлог.

Зажав окурочек между средним и большим пальцами, я выстрелил им в сад.

— Ну ничего не скажешь, лихо, — восхищенно произнес я. — Значит, это был предлог для того, чтобы познакомиться со мной?

Она взглянула на меня, потом застенчиво отвела глаза.

— Да.

— Но вот почему-то, когда я на пляже спросил вас, влюблены ли вы в меня, вы были не просто удивлены, нет, вы даже слегка рассердились от такой крамольной мысли.

Она поерзала в кресле.

— Ну... я боялась, что, признайся я вам в любви, — это... может быть опасным. Ведь я же не хотела... — Голос ее стих.

— Ну ладно, Люсиль, я не хочу вас смущать. Но одно я хочу выяснить четко. Значит, вы притворились, что не умеете водить только потому, что хотели немного поразвлечься со мной? Правильно я вас понял?

Она снова поерзала.

— Ну, не совсем так. Я хотела познакомиться с вами поближе. Я думала, что мне с вами будет интересно.

— Ну вот вы со мной знакомы. И что, это очень интересно?

Она чуть вспыхнула.

— Конечно. Всегда приятно сознавать, что в тебя кто-то влюблен. В жизни девушки любовь знаете как важна? А Роджер меня не любит.

— Вы это выяснили еще до замужества или уже после?

Она взглянула на меня, и на какой-то миг в глазах ее засветился нехороший огонек, но она тут же вспомнила роль, кото-

рую играла, и на ее лице появилось выражение оскорбленной добродетели.

— Я знаю, вам все это неприятно, Чес, — сказала она по возможности мягче. — Может быть, на вашем месте и я бы чувствовала себя так же. Так что я вас не обвиняю. Даже наоборот — прошу меня простить. Конечно, в основном это все моя вина. Я чувствовала себя такой одинокой. А благодаря вам я словно заново родилась.

— Что ж, могу только сказать, что моя жизнь благодаря вам тоже вышла из обычной колеи, — сказал я. — Ну ладно, итак, я получил ваше объяснение, нравится оно мне или нет — теперь давайте разберемся в деталях. Значит, вы водите машину два года?

Руки ее сжались в кулаки.

— Нет, нет. Что вы! Удостоверение я действительно получила два года назад, но машину я почти не водила. Роджер мне не давал пользоваться своими машинами. Я ездила, быть может, неделю, потом он сказал, что я езжу слишком быстро, и он мне больше свои машины не доверял.

Я улыбнулся. Она сразу сообразила, в какую ловушку я ееведу, и избежала ее.

— Значит, когда вы попросили меня поучить вас, вы фактически начинали все сначала?

Руки ее разжались.

— Да.

Я бросил водительское удостоверение ей на колени.

— Надеюсь, вам удастся это доказать. Надеюсь, что шофер вашего мужа весьма охотно совершит клятвopреступление, если его под присягой спросят, пользовались ли вы машинами мужа. Одно дело, когда полицейского сбивает насмерть новичок, и совсем другое — когда опытный водитель. Если судья увидит ваше удостоверение, придется приложить много усилий, чтобы убедить его в вашей неопытности.

Кажется, впервые ее уверенность в себе пошатнулась — в глазах мелькнуло какое-то раздражение.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — бросила она резко.

— Не понимаете? Знаете что, сделайте мне одно одолжение. Освободите меня от всех ваших личных драм, интересов и проблем. Заберите с глаз моих вашу игру в маленькую девочку, ваше роскошное тело — они меня больше не соблазняют. Да, не скрою, сердчишко мое застучало, когда я увидел, как вы глядитесь в зеркало в своей ночной рубашке. Да, оно стучало еще громче, когда я застал вас в своей машине. А уж когда вы лежали на песочке и, как мне казалось, предлагали себя — оно, несчастное, прямо из груди вырывалось. Только с тех пор я слегка поумнел. И вы меня больше не интересуете. Потому что я точно знаю, что вы лгунья, и подозреваю, что к тому же еще и авантюристка. Еще я знаю, что вам зачем-то позарез нужны деньги, и я знаю, что от меня вы их не получите. Поэтому уходите. Ищите простофилю в другом месте. Найдутся тысячи мужчин, которые проглотят вашу наживку вместе с крючком и даже с удочкой. Если не будете терять времени, найдете мне замену без особых проблем, могу вам только пожелать удачи.

Лицо ее внезапно побелело, глаза засветились жестким огнем.

— Я не понимаю, о чем вы говорите — произнесла она наконец. Голос ее звучал глухо и прерывисто. — Как вы можете так со мной разговаривать? Ведь нас же шантажируют! Я объяснила вам, откуда у меня водительское удостоверение, но сути это не меняет. Этот человек требует тридцать тысяч, иначе он расскажет о нас Роджеру, а полиции — о наезде!

Я поднялся.

— Ответьте мне на один вопрос, Люсиль. — Я пересек комнату и, присев рядом с Люсиль на корточки, посмотрел ей прямо в глаза. — Сколько времени вы работаете вместе с Оскаром? Сколько простофиль вы обвели вокруг пальца? Отвечайте, а потом я возьму вас за нежную лживую шейку и выброшу отсюда!

Лицо ее исказилось — на нем появилась ярость дикого зверя. Рука ее, приняв форму когтистой лапы, метнулась мне в лицо, но на этот раз ей не удалось застать меня врасплох. Я поймал ее за кисть, выдернул из кресла и завел руку за спину.

— Итак, что вы мне ответите? — Я легонько встряхнул ее. — Сколько времени вы работаете вместе?

— Вы ошибаетесь, — тяжело выдохнула она. — Я не работаю с этим человеком. Как вы могли такое подумать?

Я отпустил ее.

— Это вы ошибаетесь, когда думаете, что вас не видно насквозь. Все ясно как божий день. Вы заманили меня на уединенный пляж. Там, кроме нас, никого не было, никого — вчера я специально ездил туда, чтобы осмотреть местность. Там следы только ваших и моих ног.

Откуда же, спрашивается, Россу стало обо всем известно? Очень просто — ему рассказали вы. Вы вдвоем хотите заполучить двадцать тысяч, которые я собираюсь вложить в дело вашего мужа. Он ведь сказал вам об этом, правда? То-то вы в первый же вечер знакомства так этим интересовались! Вы рассказали Россу, а потом вдвоем решили выудить у меня эти деньги путем шантажа. Когда я позвонил вам и сказал, что нашел выход из положения, вас это насколько не обрадовало, даже огорчило, я понял по вашему голосу. Как только я положил трубку, вы позвонили Россу и сказали ему, что я могу сорваться с крючка. Тогда он сразу же приезжает сюда разобратсья, что я надумал, и даже захватывает с собой фотоаппарат со вспышкой. А теперь вы докажите мне, что это не так, полгите еще немного, у вас это так здорово получается!

Я подошел к бару и налил себе виски, бросив в бокал довольно много льда. Она перестала плакать и теперь сидела и вытирала глаза руками, словно беспризорный ребенок, который только что получил хорошую взбучку, и теперь ему очень жаль себя.

— Чес...

— Давайте, давайте, — скептически сказал я, откинувшись в кресле и глядя на нее. — Какую басню вы еще сочинили?

— Чес, не будьте ко мне так безжалостны, — в отчаянии воскликнула она, ломая руки. Это было уже что-то новое, возможно, если бы я не был сыт по горло ее штучками и ею самой, ее отчаяние и могло бы меня немножко тронуть — не очень, но

все-таки немножко. — Я ничего не могла поделать. Оскар... он шантажирует меня почти целый год.

Я отпил немного виски.

— И вы решили, что будет совсем неплохо, если он заодно пошантажирует и меня?

— Я ничего не могла поделать. — Она снова стала ломать руки. Второй раз это уже выглядело не так убедительно. — Он узнал, что у вас есть эти деньги...

— То есть это вы ему сказали?

— Я... я совсем не хотела говорить ему, Чес. Поверьте мне. Просто мы с ним разговаривали, и я сказала, что знаю одного человека, у которого много денег, и как было бы здорово, если бы такие деньги были у меня. У меня даже и в мыслях не было... просто так получилось... сорвалось с языка.

Она снова применила старый трюк — сцепила руки между коленками.

— И почему же он вас целый год шантажирует?

Она замялась, отвернулась, поерзала в кресле.

— Я не могу вам сказать этого, Чес. Это... ну, очень личное... Я как-то раз сделала одну вещь...

— Ну хорошо, хорошо, оставим пока это. Значит, он вас шантажировал, и, несмотря на это, вы иногда мило с ним беседовали, рассказывали ему о сотрудниках вашего мужа и о том, сколько у них денег.

— Все было совсем не так...

— Я в этом ни секунды не сомневаюсь. Во всяком случае, я полагаю, это он предложил вам спровоцировать меня поучить вас водить машину, а потом отвезти на уединенный пляж.

— Да.

Она приподняла волосы на плечах. Этот трюк давно не был в ходу.

— И вы не имели понятия, зачем это нужно — ехать со мной на уединенный пляж?

— Нет.

— А вы, раз он вас шантажирует, делаете все, что он скажет?

Кровь бросилась ей в лицо, руки нервно дернулись.

— Мне приходится делать то, что он скажет.

— После того как вы разыграли маленький спектакль на пляже, — сказал я, не сводя с нее глаз, — вы уехали и по дороге ухитрились сбить полицейского. Вы быстро подъехали к ближайшему телефону-автомату, позвонили Россу и рассказали ему о случившемся. Он сразу понял, что это куда более грозное оружие для шантажа, и велел вам ехать ко мне домой и разыграть там еще один спектакль, чтобы убедить меня взять всю вину на себя, а уж потом в игру вступит он и вытянет у меня деньги.

Она застучала стиснутыми кулачками — еще один расхожий трюк.

— Все было совсем не так, Чес! Я ему не звонила, я приехала прямо сюда.

— Я не верю вам, Люсиль. Я не верю, что Росс вас шантажирует. Мне кажется, что вы работаете вместе.

— Это неправда, Чес! Клянусь вам! Все было так, как я вам рассказала.

Я внимательно посмотрел на нее — конечно, она лгала.

— Хорошо. Знаете, что мы с вами сейчас сделаем? Поедем к Россу и поговорим с ним. Очень интересно, как он себя поведет, если наш визит будет для него неожиданностью. Подождите меня здесь. Я сейчас переоденусь, и мы поедем к нему.

Я вышел из гостиной и захлопнул за собой дверь — Люсиль и слова не успела сказать, — подошел к двери в свою спальню, открыл ее, но внутрь не вошел. Сильно хлопнув дверью, я быстро прошел в гостевую спальню и оставил дверь приоткрытой. Потом стал слушать.

Дверь из гостиной тихонько приоткрылась. Я осторожно выглянул и увидел, что Люсиль вошла в холл и смотрит на закрытую дверь в мою спальню. Потом она вернулась в гостиную и закрыла за собой дверь. Через секунду до моего слуха донеслись слабые звончки — она набирала номер телефона.

Я поставил простейший капкан, и он вот-вот должен был захлопнуться.

Подкравшись к двери в гостиную, я прижался ухом к скважине.

Она говорила:

— Что мне делать? Боюсь, он ничего не заплатит. Нет... он мне больше не верит. Ты должен сделать что-нибудь...

Я вошел в комнату.

Люсиль быстро повесила трубку и отошла от телефона.

— Ладно, ладно, — сказал я. — Виноватый вид, смущение — не нужно, это лишнее. Я все слышал. Значит, вы все-таки работаете вместе. Или я не прав?

Лицо ее побелело, глаза были полны ненависти. Молодость, свежесть и красота куда-то исчезли. Теперь это была повивающая виды, загнанная в угол женщина.

— Вы думаете, что умней вас никого нет, да? — закричала она, задыхаясь от ненависти. — Да, вы умный, согласна. Но только деньги вы нам все равно выложите, не отвертитесь! У нас есть ваша фотография около машины. Если не заплатите, мы отсылаем ее в полицию. А если вы будете пытаться впутать в это дело меня, так у вас нет никаких доказательств, и это всего лишь ваше слово против моего. У меня будет алиби. Найдутся люди, которые подтвердят, что в момент убийства я была с ними. Так что у вас один выход — платить, и именно это вы и сделаете!

Я стоял и разглядывал ее искаженное злобой лицо, и вдруг мне вспомнились пятна крови на правом заднем колесе машины. Вдоль позвоночника холодной скользкой змеей пополз озноб.

Мне сразу показалось, что с этими пятнами что-то не так, но только сейчас я понял, что они значили. Это не был несчастный случай. О'Брайен был убит так же, как были убиты Долорес и Натли.

— Вы с Россом убили его, — сказал я. — А потом инсценировали случайный наезд. Вы стукнули его по голове, а потом переехали задним колесом «кадиллака». Только вы в спешке сделали серьезную ошибку. Нужно было переехать его левым колесом, Люсиль, не правым, а левым. Одной такой ошибки достаточно, чтобы попасть в газовую камеру.

Она попятилась, лицо ее внезапно стало серым.

— Я не убивала его!

— Убивали, вместе с Россом. Вы хотели убить двух зайцев одним выстрелом, не так ли? Избавиться от О'Брайена, а заодно расколоть меня на двадцать тысяч!

— Это неправда! — закричала она. — Вы ничего не сможете доказать! Я не убивала его! И если вы не заплатите нам...

— И не подумаю, — сказал я, подходя к широкому от пола до потолка окну, выходящему на веранду. Я развязал оба шнура для занавесок и вытащил их. — У меня сегодня днем будет много работы, — продолжал я. — Я хочу выяснить, зачем это вам вдруг понадобилось убивать О'Брайена. Боюсь, что вы мне будете мешать, Люсиль. И поэтому я сейчас вас свяжу и оставлю здесь, пока не выясню все, что мне нужно.

Глаза ее совсем округлились, и она начала пятиться.

— Не смейте прикасаться ко мне! — воскликнула она. — Я здесь не останусь!

— Лучше соглашайтесь по доброй воле, иначе мне придется сделать вам больно, — сказал я, приближаясь к ней.

Она кинулась к открытому окну, но я схватил ее за руку и как следует дернул. Сейчас мне было уже не до рыцарства. Когда она попыталась вцепиться мне в лицо ногтями, я оттолкнул ее руки в сторону, а потом довольно безжалостно ударил правой в челюсть. Она сразу осела, закатив глаза к потолку.

Зная, что без сознания она пробудет недолго, я быстро связал ее, потом отнес в спальню и положил на свою кровать. Потом я подошел к шкафу — надо было переодеться. Оделся я по-серьезному — галстук, пиджак, темные туфли. Как раз, когда я кончил одеваться, она зашевелилась.

Я сходил в кухню, достал из ящика бельевую веревку, вернулся в спальню и аккуратно привязал Люсиль к кровати.

Через несколько секунд она открыла глаза и изумленно уставилась на меня.

— Извините, но вы сами виноваты, — сказал я, — Мне также очень жаль, что я вынужден оставить вас здесь в таком неудобном положении, но у меня нет другого выхода. Во всяком случае, я постараюсь обернуться как можно быстрее.

— Развяжите меня! — взвизгнула она, бешено пытаясь высвободить руки. — Вы за это ответите! Развяжите меня!

Я минуту-другую наблюдал за ней, потом, убедившись, что без посторонней помощи освободиться ей не удастся, направился к выходу.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

1

В городе я первым делом купил несколько воскресных газет и бегло просмотрел заголовки. Я ожидал, что убийству Долорес и Эда Натли будет уделено почетное место на первых страницах, но о них вообще не было сказано ни слова.

Я решил поехать в бар к Слимму, где за бутербродом и бокалом пива смог бы спокойно прочитать все газеты и определить план дальнейших действий.

В баре почти никого не было, но в одной из кабинок я увидел Джо Феллоуза. Он сидел с незнакомым мне человеком. Я хотел тут же смыться, но Джо меня уже заметил.

— Эй, Чес! Давай к нам!

Мне ничего не оставалось, как присоединиться к ним.

— А я думал, ты сегодня играешь в гольф, — сказал Джо. — Садись. Познакомься — это Джим Бакли, лучший журналист «Инкуайерера».

— Жаль, что редакторы «Инкуайерера» этого не знают, — сказал Бакли, широко улыбаясь. Он был невысок, толстоват, средних лет.

— Это у вас там «Инкуайерер»? — спросил он, указывая на газеты, которые я положил рядом с собой.

— Да. Хотите посмотреть?

— Вчера вечером я дал материал, а что они с ним сделали — еще не видел. — Он стал просматривать первую страницу. Потом хмыкнул, перелистал несколько страниц и на одной остановился. Наконец он вернул газету мне. — Три тысячи слов, написанных кровью и виски, а после этого какой-то лишенный фантазии злодей сокращает их до двухсот слов. Убейте меня, если я знаю, почему до сих пор работаю на эту низкопробную газетенку.

Джо объяснил:

— Джим дает материал по расследованию дела о наезде на полицейского.

Я надкусил бутерброд и принялся сосредоточенно жевать.

— Вот как? — спросил я. — А я сегодня утром не успел почитать газеты. Есть какие-нибудь новости?

Глотнув как следует из своего бокала, Бакли откинулся на спинку стула и закурил.

— Новости? Скажу вам по секрету, приятель, — это будет главная сенсация года. Наша зажавшаяся и обнаглевшая администрация сядет в огромную галашу.

— Вот даже как? — удивился Джо. — Так ты уж не темни, выкладывай. И вообще, что это за грандиозное событие, если о нем ничего нет в газетах?

— Потому что мы еще не готовы, — объяснил Бакли. — Подожди до завтра. Если нам повезет, завтра мы взорвем редкой силы бомбу.

— Какую бомбу? О чем ты вообще говоришь? — продолжал попытываться Джо.

— Ну хорошо, слушайте, — смилоствовался Бакли. — Если бы О'Брайена не убили, до него еще десять лет никто бы не докопался. Помните, что там натрепал Салливан насчет того, какой прекрасный полицейский был О'Брайен и тому подобное? Так вот, едва мы его колупнули, как сразу стало ясно, что рыльце у него было в изрядном пушку. Представляете, у него на банковском счету лежало сто двадцать пять тысяч красавчиков, а домишко был такой, что любая кинозвезда могла бы сдохнуть от зависти. А если полицейский живет как губернатор, тут есть только одно простое объяснение — значит, он берет. Об источнике его доходов могли бы рассказать два человека: певица из кабаре, на которой он собирался жениться, и ее агент, некто Натли. Знаете, что случилось с ними этой ночью?

Джо смотрел на него разинув рот.

— И что же?

— Оба отправились к праотцам. Натли нашли в отеле «Вашингтон» с простреленным сердцем. Ночному дежурному разможжили череп. А певичка была убита прямо у дверей своей квартиры.

— И об этом нет ни слова в газетах! — негодуяше воскликнул Джо.

— Почему нет? Есть десять строк в отделе хроники. Но завтра... ты даже не представляешь, старина, что произойдет завтра. Сейчас мы готовим материал. Надо только докопаться до бизнеса этого О'Брайена — пока еще неясно, на чем он делал такие деньги. Комиссар полиции считает, что он наверняка был связан с какой-то шайкой. А Салливан говорит, что скорее всего он был просто вымогатель.

— Ну а задавил-то его кто? — спросил я. — Нашли его?

Бакли пожал плечами.

— Полицейские уже нашли двадцать три поврежденные машины, и сейчас они проверяют алиби водителей. Надеются, что один из двадцати трех — это он и есть. На их месте я бы выдал ему медаль. Ведь если бы О'Брайен не умер, все это дерьмо никогда бы не выплыло наружу.

— А певичка эта пела случайно не в «Маленькой таверне»? — небрежно спросил я.

— Она самая. Довольно симпатичный воробушек, только голос у нее был тоже воробьиный.

— А кто стоит за этой «Маленькой таверной»? — спросил я напрямик.

Бакли пожал плечами.

— Представьте себе, от нечего делать я это выяснил. Официальный ее владелец — Арт Галгано, но, кто это такой, никому не известно. А фактически все дела в этом кабаке ведет Джек Клод. А почему вы спрашиваете?

— Вчера вечером я слышал, что там наверху есть рулетка и ставки очень высокие.

Бакли внимательно посмотрел на меня, потом покачал головой.

— Это болтовня. Игрных домов в нашем городе нет. Попыток-то было много, авантюристов, слава богу, везде хватает, но комиссар каждый раз успевал прищемить им хвосты, прежде чем им удавалось снять сливки. «Маленькая таверна» открылась три года назад. Будь там рулетка, об этом давно было бы известно.

— Вы так считаете? А я был там только вчера, и один знакомый сказал мне, что наверху есть рулетка.

Бакли провел пальцами по мясистому носу. В глазах мелькнул интерес.

— Минуточку, минуточку. — Он задумчиво глядел на меня. — Ведь эта «Маленькая таверна» находилась на участке О'Брайена. А что, если он знал про рулетку, но помалкивал? Может быть, отсюда и денежки? А вы там часто бываете?

— Не скажу, чтобы часто, — ответил я. — Иногда.

— А вы могли бы выяснить наверняка, есть там наверху рулетка или нет? — Бакли всем телом подался вперед.

— Эй! — вмешался Джо. — Ну ты и нахал, приятель! С какой это стати Чес должен делать за тебя твою грязную работу? Бакли с досадой отмахнулся.

— Да я же ничего не смогу узнать! Мне скажут ровно столько, сколько полицейскому. А он там, наверное, примелькался. Так почему бы ему мне не помочь, если он в принципе не против?

Пока они таким образом препирались, я быстро прикинул варианты.

— Если смогу, я это для вас выясню, — сказал я. — Я собирался ехать туда сегодня после обеда, и если что-то узнаю, сразу же вам позвоню.

Джо посмотрел на меня так, как смотрят на сумасшедшего, Бакли же радостно хлопал меня по руке.

— Вы настоящий парень. Могу сказать только, что «Инкуайерер» этой услуги не забудет. Когда в следующий раз ваши агенты придут просить место в газете, я позабочусь о том, чтобы ваша просьба была удовлетворена. Слушайте, а что, если мы заедем в редакцию и я дам вам фотоаппарат? Если бы вам удалось сфотографировать стол с рулеткой, их песенка была бы спета.

— Честно говоря, не представляю, как это можно сделать. Он хитро прищурил глаз.

— Вот увидите этот аппарат — сразу представите. Он уместится у вас в петлице. Нужно только нажать на спусковую кнопку у вас в кармане — все остальное сделают объектив с пленкой. Если вы, Скотт, принесете нам фотографию стола с рулеткой, можете считать, что газета переходит в ваше владение. Поедем, поговорим с моим боссом.

Я поднялся, но тут Джо схватил меня за руку.

— Постой, Чес, — взволнованно затараторил он. — Боюсь, как бы тебе там не надрали уши. Давай поедем вместе, а?

— Нельзя, Джо, — покачал я головой. — Двое — это уже целая толпа. Ты не беспокойся. Ничего там со мной не случится. Справлюсь.

— Конечно, справится, — поддержал меня Бакли. — Я, правда, готов держать пари, что никакой рулетки в этом кабаке нет, но если уж она там есть! Тогда, чувствую, кое из кого полетят перья, а уж комиссара мы как пить дать вытряхнем из мундира.

— Все равно, — стоял на своем Джо. — Я поеду с тобой. Может, двое — это и толпа, только, когда случается авария, в толпе как-то уютнее.

— Нет, Джо, — категорически отрезал я. — Скорее всего мне не удастся попасть наверх. А уж если нас будет двое, все сразу станет ясно. — Я выскользнул из кабинки. — К тому же, возможно, днем там никто и не играет.

— Так что, Джо, можешь пойти и утопиться, — поддакнул Бакли. — А у нас с коллегой работа. Иди, иди поплещись в океанчике. — Он хлопнул Джо по плечу, потом взял меня под руку и быстро повел из бара к стоянке.

По дороге в «Инкуайерер» я спросил:

— А кто убил эту певичку Лэйн, полиция известно?

— Фамилии они еще не знают, — ответил Бакли. — Но, во-

обще-то, этот парень уже у них в кармане. У них есть его описание и отпечатки пальцев. Одно из двух — либо это псих, либо полнейший дилетант. Он оставил отпечатки везде, где только было можно. Его видели, когда он выходил от певички, видели около отеля «Вашингтон». Отпечатки в комнате Натли и в комнате девицы одни и те же. Судя по описанию, это высокий темноволосый малый, примерно вашего возраста. Достаточно видный. Лейтенант Уэст говорит, что они возьмут его в течение суток.

Внутри у меня все оборвалось.

— Вот даже как? — пробормотал я, сосредоточенно глядя сквозь ветровое стекло. В который уже раз за эти дни у меня ушаченно забилося сердце.

— Да. Они сейчас возьят девушку, которая его видела, по городу, надеются, что она узнает его на улице. А дальше совсем просто — они снимают отпечатки его пальцев, и не успеет этот несчастный понять, что к чему, как под нос ему сунут цианистый калий.

2

В «Маленькую таверну» я приехал чуть-чуть после двух. Стоянка была запружена машинами — мне с трудом удалось найти место.

На большой террасе, заставленной множеством столиков, повоскресному расфранченная публика занималась поглощением довольно обширного меню.

Я поднялся по ступеням. Мое появление привлекло внимание разве что швейцара. Узнав меня, он поднес руку к козырьку и подтолкнул вращающуюся дверь.

Я подошел к входу в бар и остановился. Там было полно народу. Мужчины наливались алкоголем, просаживали честно заработанные деньги, говорили нарочито громкими голосами. Все это делалось с одной целью: произвести как можно более благоприятное впечатление на блондинок, брюнеток и рыжеволосых, которых они привезли сюда с собой.

За стойкой я увидел Оскара Росса. Там же — два вчерашних мексиканца. Работы у них было по горло. Росс, судя по всему, специализировался на посетительницах. Сейчас он обслуживал сразу трех дам, тянувших коктейли из шампанского, и делал это, насколько я мог судить, весьма успешно.

Не стоит пока попадаться ему на глаза. Я немного отступил и огляделся — ведь вполне возможно, что где-то здесь обретается мой вчерашний приятель по рому с лимонным соком.

Он действительно оказался в баре — я обнаружил его, когда он отделился от какой-то компании в дальнем углу и направился в мою сторону.

— Привет, — окликнул я его, когда он подошел поближе. — Помните меня?

Он был слегка на взводе, и ему пришлось прищуриться, чтобы поймать меня в фокус, но по дружелюбной улыбке я понял, что он меня узнал.

— Привет, приятель, — откликнулся он. — Приехали утопить в алкоголе свои печали?

— Я приехал посмотреть, не удастся ли здесь выиграть немного денег, — сказал я, увлекая его в вестибюль. — Как вы думаете, могу я подняться наверх и поиграть?

— Почему же нет? Я сейчас иду туда. Пойдемте со мной.

— Я думал, что могут возникнуть какие-то осложнения.

— Никаких осложнений. Меня тут все знают. Как вы сказали, ваша фамилия?

— Скотт.

— Что ж, пойдемте посмотрим, как вы сейчас просадите ваши денежки.

Он провел меня через холл к какой-то двери и открыл ее. Мы вошли в небольшой, человека на четыре, лифт. Не говоря ни слова, он нажал на кнопку, и лифт начал подниматься очень медленно и очень плавно. На третьем этаже он остановился.

Неужели все будет так неправдоподобно просто?

Миниатюрный фотоаппарат, которым снабдил меня Бакли, был прикреплен под лацканом моего пиджака. Объектив смотрел через петлицу лацкана. Обнаружить его мог только человек с глазами Шерлока Холмса. Я нащупал в кармане спусковую кнопку. Только один снимок, несколько раз напомнил мне Бакли, только один. Перезаряжать микропленку у меня возможности не будет, поэтому он умолял меня не торопиться.

— Такая возможность выпадает один раз в жизни, — убеждал он меня. — Если вы сфотографируете стол с рулеткой — хоть я и сомневаюсь, что она там есть, — мы разорвем этот город на части.

Он, кажется, не придавал значения одной мелочи: если меня застукают во время фотографирования, на куски разорвут не город, а как раз меня.

Лифт плавно остановился. С нежным шорохом открылись двери.

Мы вышли в маленький холл. Почти все пространство в нем занимали двое вышибал. Они стояли и поигрывали мускулами. Выглядели они внушительно, казалось, наставить тумачков Джо Луису и Роки Марчиано* для них абсолютно плевое дело — ну разве пришлось бы слегка вспотеть.

Они окинули Уэлливера колючим взглядом. Потом посмотрели на меня.

Никогда не забуду выражения, которое появилось на их лицах. Примерно так могли быть ошарашены масоны, если бы в разгар одного из их самых мистических ритуалов на голову им вдруг свалился балаганный шут.

Уэлливер быстрым шагом направился к двойным дверям в противоположной стене маленького холла, я зашагал рядом. На лице я постарался изобразить беззаботность воскресного гуляки.

Вышибалы были настолько ошарашены такой наглостью, что мы почти дошли до двойных дверей. Почти, но не совсем.

Голосом, которым вполне можно было скрутить ржавую гайку с пароходного винта, один из них пророкотал:

---

* Знаменитые американские боксеры.

— Эй! Эй, вы! Куда это вы собрались?

Звук этого голоса рубанул нас по затылкам и пригвоздил к месту.

Нахмутив брови, Уэлливер обернулся. Окрик его слегка отрезвил, но все-таки он был членом клуба и имел право на более вежливое обращение.

— Это вы мне? — Он постарался зарядить свой голос хорошей порцией грома, но это не помогло — рядом с вышибалой он выглядел безвреднее котенка.

— Нет, ему! — Тот, что был покрупнее, шагнул ко мне. Ощущение было такое, словно на меня надвигается бульдозер. — Куда это вы собрались?

— Это мой друг, — вмешался Уэлливер, демонстрируя максимум собственного достоинства, на которое он был в данный момент способен. — Он идет со мной. У вас есть возражения? — Мистер Клод в курсе? — спросил вышибала.

— Разумеется, — гордо ответил Уэлливер и, взяв меня под руку, подтолкнул к двойным дверям, не обращая никакого внимания на подозрительные взгляды вышибал.

Мы вошли в большую комнату, заполненную мужчинами и женщинами, мягким светом, табачным дымом и гулом возбужденных голосов.

В середине комнаты стоял стол с рулеткой. Вокруг него сгрудились люди, в которых я без труда узнал верхушку общественной лестницы Пальмового Города. Я вспомнил слова Уэлливера о высоких ставках. Что ж, это явно было сказано не для красного словца — стоило лишь взглянуть на горки разложенных по столу фишек, чтобы понять это. Наверное, за один этот поворот рулетки разыгрывалось тысяч сорок или пятьдесят.

— Подождем пока, — прогудел себе под нос Уэлливер, окинув стол взглядом профессионала. — С этими сумасшедшими лучше не связываться.

Всеобщее внимание было приковано к пожилому толстяку, перед которым стояла огромная горка фишек. Я протиснулся поближе и увидел, как он передвигает внушительный рядок фишек на черную пятерку.

Кое-кто из играющих, чьи ставки были гораздо меньше, последовал его примеру. Потом колесо рулетки завертелось, и вылетел шарик. После недолгого раздумья он остановился на черной пятерке.

Вокруг стола прошелестел мягкий вздох. Крупье, темнолицый мексиканец с лицом мумии, сгреб лопаточкой фишки проигравших, и горка перед толстяком стала еще больше.

Я оказался за блондинкой, атмосфера вокруг которой была заражена шанелью номер 5, и прижался к спинке ее кресла. Весь стол был передо мной как на ладони. Сильные лампы над столом высвечивали столбики фишек перед теми, кто играл по-крупному. Лучший ракурс для фотографирования было не найти.

Бакли сказал, что нужно стать лицом к столу и нажать в кармане спусковую кнопку, — больше ничего. Объектив срабатывал так быстро, а пленка была настолько чувствительной, что никакой промашки быть не могло.

Уэлливер стал рыскать в поисках места и оставил меня одного. Встав поудобнее, я сунул руку в карман и нащупал там кнопку. Я затаил дыхание — Бакли говорил и об этом — и мягко нажал ее. До слуха моего донесся еле слышный щелчок, и я понял, что снимок сделан.

И тут...

Я так до сих пор и не знаю, что меня выдало: то ли меня засекли следившие за игрой и порядком ставок здоровенные детины, то ли всему виной было мое застывшее от напряжения лицо. А может быть, крупье заметил, как в петлице у меня что-то блеснуло. Да какая теперь разница? Короче говоря, вокруг меня сомкнулись два очень неудобных жестких тела. Чьи-то руки, словно стальные наручники, впились в мои кисти.

С сердцем, отплясывающим рок-н-ролл, я посмотрел сначала направо, потом налево.

По бокам стояли два здоровенных детины. Это были не просто вышибалы, нет. Это были профессионалы. Их можно было принять за близнецов — оба тонколицые, от обоих так и веет холодным, бесстрастным профессионализмом. Кое-какая разница все же была: один чуть выше другого, у одного светлые волосы, у другого — темные. Но не больше. Во всем остальном это были близнецы, у каждого — вытянутое лицо, настоящее кувшинное рыло, равнодушный взгляд, ни признака мысли на лице. Безгубый рот и квадратная челюсть.

— Спокойно, приятель, — негромко произнес светловолосый. — Без шума. С тобой хочет поговорить босс.

Они незаметно извлекли меня из толпы, и это тоже было сделано профессионально. Руки мои были зажаты мертвой хваткой. В принципе я мог кричать и брыкаться, но это как-то не пришло мне в голову.

Уэлливер как раз нашел себе место за столом и обернулся ко мне. На лице его отразилось удивление, но терять только что захваченное место он не собирался, поэтому он лишь пьяно улыбнулся и проверещал что-то типа: «Встретимся позже».

Двое выводили меня из толпы, а в душе моей нарастало неприятное ощущение, что мне здорово повезет, если я еще кого-нибудь увижу на этом свете.

Светловолосый сказал:

— Дальше иди сам, приятель. Только без фокусов, иначе будет больно.

С этими словами «наручники» на моих кистях разжались, однако детины, словно две обученные овчарки, продолжали плотно конвоировать меня, подталкивая вперед плечами.

Никто в переполненной комнате не обратил на нас внимания.

Я, наверное, смог бы раз-другой взмахнуть кулаками и закричать «караул!», но чего бы я добился? Мне бы как следует врезали по затылку, а потом один из этих типов объяснил бы публике, что я нализался сверх нормы и меня надо вывести.

Поэтому я не стал искушать судьбу и пошел вперед. Они провели меня через дверь так, словно я был миллионер-инвалид, которому осталось жить четыре дня и который еще не оплатил счет своему доктору.

Мы прошли к двери на другом конце короткого коридорчика. Светловолосый постучал.

Мы услышали: «Войдите» — и светловолосый открыл дверь.

Темноволосый ткнул меня локтем в бок, и я вошел в комнату. Что за комната — то ли кабинет, то ли гостиная? Большое окно с густо-малиновыми занавесками, у окна — стол. У стола — директорское кресло, а справа в углу — стальной картотечный шкаф. Это от кабинета. Остальную часть комнаты занимали кресла для отдыха, радиоприемник с мощной акустикой, небольшой бар и диван, покрытый испанской шалью.

За столом в директорском кресле сидел полнотелый крупный мужчина в смокинге. Волосы — смесь рыжины и седины. На мясистом лице застыло ничего не значащее выражение. Маленькие серые глазки смотрели прямо перед собой.

На вид ему можно было дать лет пятьдесят пять — шестьдесят. Ему удалось сохранить неплохую форму, несмотря на лишний жирок.

Темноволосый продвинулся к столу, а его коллега закрыл за ним дверь. Кажется, я слышал, как в замке повернулся ключ.

Положение было серьезное. Найди они сейчас у меня фотоаппарат... даже страшно подумать, что может быть дальше.

Человек за столом взглянул на меня, потом, вопросительно подняв брови, перевел взгляд на темноволосого.

— Посторонний, — с легкой растяжкой произнес тот.

Серые глаза полнотелого мужчины — наверное, это и был Джек Клод — снова обратились на меня.

— Прошу прощения, дружище, — начал он обманчиво мягким тоном, — но, как вы можете догадаться, мы не очень любим, когда к нам вламываются без спроса. Можно узнать ваше имя?

— Меня зовут Честер Скотт, — сказал я. — Но в чем, собственно говоря, дело? Меня привел сюда Фил Уэлливер, он мой друг.

Это сообщение не произвело на Клода большого впечатления.

— Где вы живете, мистер Скотт? — спросил он.

Я назвал адрес.

Он наклонился вперед, взял телефонную книгу, лежавшую на углу стола, и проверил мой адрес.

— Мистеру Уэлливеру давно пора знать, что он имеет право приводить сюда друзей только с моего согласия, а также после того, как они уплатят вступительный взнос.

У меня немного отлегло от сердца.

— Этого я не знал, — сказал я. — О взносе Уэлливер ничего не говорил. Я готов заплатить. Сколько?

— Двадцать пять долларов, — ответил Клод и перевел глаза на темноволосого. Тот все еще стоял рядом со мной.

— Вам что-нибудь известно о мистере Скотте?

— Вчера он был в ресторане, — ответил темноволосый. — Ходил за сцену и разговаривал с мисс Лэйн.

Меня снова бросило в пот.

В глазах Клода мелькнул слабый огонек. Чуть передвинувшись в кресле, он спросил:

— Вы знакомы с мисс Лэйн, мистер Скотт?

— Нет. Я слышал, как она поет, — ответил я. — Мне понравилось, и я пригласил ее выпить.

— И она согласилась?

— Нет.

— Но вы заходили в ее комнату за сценой?

— Да, заходил и разговаривал. К чему все эти вопросы?

Клод взглянул на темноволосого.

— Что-нибудь еще?

— Больше ничего.

Наступила пауза. Наконец Клод сказал:

— Извините за беспокойство, мистер Скотт. С вас двадцать пять долларов.

Я достал бумажник, вытащил две десятки и пятерку и положил их на стол.

— Нам приходится быть осторожными, мистер Скотт, — сказал Клод. — Впрочем, я могу вам этого не объяснять. Надеюсь, вы станете нашим постоянным гостем.

— Скорее всего так и будет. — Неужели все сошло так гладко? Невероятно!

Конвоиры как по команде отошли в сторону. Они сразу потеряли ко мне всякий интерес, на их лицах появилась смертельная скука.

— Ну что ж, спасибо, — попрощался я и повернулся к выходу, собираясь уходить.

В этот момент где-то за моей спиной открылась другая дверь, и я оглянулся.

Вошел Оскар Росс.

На нем был костюм бармена. В руках он держал поднос, на котором стояли бутылка шотландского виски, стакан и жестянка со льдом.

Он заметил меня, только когда дошел до середины комнаты, но все равно сразу не узнал. И, только поставив поднос на стол Клода, он вдруг обернулся и уставился на меня, уставился так, словно не мог верить собственным глазам.

Я зашагал к выходу, стараясь не бежать, но все же двигаясь достаточно быстро.

Росс явно лишился дара речи.

Я повернул ручку на двери — дверь действительно была заперта.

Светловолосый шагнул ко мне, чтобы отпереть дверь, но тут Росс выдал из себя:

— Эй! Не выпускайте его!

Светловолосый остановился.

Ключ торчал в замке. Недолго думая, я повернул его и уже начал открывать дверь, но светловолосый тенью метнулся ко мне и зажал дверь ногой.

— Как он сюда попал? — справившись с голосом, крикнул Росс.

Светловолосый был явно озадачен. Он повернул голову к Клоду, ожидая инструкций.

Собравшись, я резко двинул ему правой в челюсть. Удар получился, и боль отдалась до самого плеча. Светловолосый полетел на пол и шмякнулся головой о стену.

Я распахнул дверь.

— Стой!

Это скомандовал темноволосый.

Я быстро обернулся. Из его правого кулака торчал пистолет. Конечно, он смотрел прямо на меня.

С отчаяния я решил, что он не осмелится устраивать пальбу здесь, прямо в клубе, поэтому кинулся за дверь.

За мной рванулся Оскар. Я чудом увернулся от его рук, но в коридоре замешкался, и вот он уже рядом. Он промахнулся, и тут же я со всего маху врезал ему по зубам. Он отлетел назад, а я как заяц понесся по коридору к двери в комнату с рулеткой.

Но тут что-то сзади ударило мне в колени — что-то похожее на танк, — и я повалился на землю. Это был темноволосый. Я успел чуть отвернуть голову, но спасение было слабое — ударил он здорово. Я застонал, потом отпихнул его ногой, но на меня из конца коридора уже несся Росс.

Кажется, больше всего на свете мне сейчас хотелось как следует его долбануть. Я увернулся от его удара, шагнул навстречу и, вложив в удар весь свой вес и всю свою силу, поразил его страшным крюком правой.

Но на этом мои успехи кончились.

Я смутно понял, что темноволосый поднялся с пола и приближается ко мне со скоростью и грацией балетного премьера. Я только услышал, как рука, словно кнут, со свистом рассекает воздух. Голову в сторону, в сторону!

Я понял, что на секунду запоздал — слабо освещенный коридор вдруг сверкнул тысячами огней.

В конце концов, он был профессионалом, получал за это деньги. И если он тебя вырубал, ты действительно вырубался.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДАТАЯ

1

Очнувшись, я почувствовал на лице жаркое солнце. Сквозь сомкнутые веки пробивался слепящий свет.

Кроме этого, было ощущение движения. Через несколько секунд я понял, что нахожусь в машине и меня куда-то везут на большой скорости.

Я сдержал стон и продолжал трястись в такт движению. Наконец мне стало немного лучше. Тогда я приоткрыл глаза.

Я находился на заднем сиденье взятого мной напрокат «бьюика». Рядом сидел человек. В поле моего зрения находилась брючина серо-стального цвета, и я понял, кто это был: темноволосый головорез, тот, что меня вырубил.

На переднем сиденье за рулем сидел светловолосый.

Глядя сквозь полузакрытые веки, я попытался определить, где мы находимся.

Мы ехали по одной из окраинных улиц Пальмового Города. В этот жаркий воскресный полдень они были совершенно пусты.

Я не шевелился. Куда же меня везут? Ответ на этот вопрос я получил довольно быстро.

Минут через пять мы выехали из Пальмового Города на шоссе, от которого отходила дорога к океану. Эта дорога шла ми-

мо моего бунгало. Стало быть, они собираются сгрузить меня, так сказать, с доставкой на дом.

На коленях у меня, прикрывая кисти рук, лежал легкий дорожный коврик. Кисти рук у меня были скрещены и схвачены в таком положении чем-то вроде клейкой ленты, причем схвачены так крепко, что я чувствовал, как пульсирует кровь в венах.

— Сейчас на развилке повернешь направо, Лью, — сказал вдруг темноволосый. — Его хижина метров триста по правую руку. Симпатичное уединенное гнездышко. Я бы не отказался жить в таком.

Лью, светловолосый, невесело засмеялся.

— Попроси, чтобы он тебе его завещал, — предложил он. — Ему-то оно все равно уже не понадобится.

— Черт возьми! Лучше без этого, — сказал другой.

У меня вдруг захватило дыхание, но я не успел толком понять, что они могли иметь в виду, — машина замедлила ход и остановилась.

Я не стал открывать глаза — пусть возьмется с моим обмякшим телом сами. Под ребрами неистово колотилось сердце.

Крепкие руки подхватили меня и вытащили из машины.

Меня поволокли по дорожке и наконец положили на ступеньки.

— Его ключи у тебя? — спросил Ник.

— Да. Вот они.

Я услышал, как в двери повернулся ключ, потом меня протащили через холл в гостиную и бросили там на кушетку.

— Уверен, что он очухается? — с беспокойством спросил Лью.

На шею мне легла рука. Привычным движением пальцы нащупали пульс.

— Полный порядок. Через пять минут будет в норме.

— Ну, смотри. — Лью явно волновался. — Ведь если этот тип подохнет и Галгано не успеет с ним поговорить, он с нас три шкуры спустит.

— Успокойся ты, философ. Я же тебе говорю, он в порядке. Когда я выписываю рецепт, ошибок не бывает. Через пять минут он сможет танцевать канкан.

Я испустил слабый стон и пошевелился.

— Вот видишь? Что я говорил? Дай-ка веревку.

Вокруг груди, плотно припечатывая меня к кушетке, натянута веревка. Я открыл глаза — Лью привязывал ее к ножкам кушетки. Он оглядел меня ничего не выражающим взглядом, потом шагнул в сторону.

— Ну вот и хорошо, — удовлетворенно произнес он и, наклонившись, потрепал меня по щеке. — Отдыхай, приятель. С тобой будет говорить босс. Через несколько минут он будет здесь.

— Пошли, пошли, — заторопился Ник. — Надо сматываться отсюда побыстрее. Ты что, забыл, что придется идти пешком? Лью выругался.

Ник подошел ко мне и окинул критическим взглядом веревку у меня на груди, подергал ее, потом проверил, хорошо ли дер-

жит мои кисти клейкая лента. Удовлетворенно хмыкнув, он отошел назад, и на губах его закачалась тяжелая непонятная улыбка.

— Ну пока, лопух, — сказал он.

В доме установилась гробовая тишина. Ни единого звука — только неестественно громкое тиканье часов на каминной полке.

С минуту я предпринимал отчаянные попытки освободить руки, но лента держала крепко. Я перестал дергаться и распластался на кушетке.

И тут я вспомнил о Люсиль. Ведь она лежит в спальне, привязанная в кровати! Может быть, ей удалось освободиться? Тогда она сейчас развезет меня.

— Люсиль! — позвал я. — Люсиль! Вы меня слышите?

Я прислушался. Ответа не было. Не было вообще никаких звуков — разве что равномерно продолжали тикать часы, да еще занавески легонько хлопали по окну, когда их тревожил ветер.

— Люсиль! — я уже кричал. — Отвечайте, Люсиль!

Полная тишина. На лице у меня вдруг выступил холодный пот. А если с ней что-нибудь случилось? Или ей удалось освободиться и она сбежала?

— Люсиль!

На этот раз до моего слуха донесся какой-то звук: где-то в коридоре тихо открылась дверь. Возможно, дверь моей спальни!

Дверь чуть скрипнула — значит, это и правда была дверь моей спальни! Уже больше месяца я собирался смазать петли, но мешала лень.

— Это вы, Люсиль? — громко крикнул я.

Я услышал, как кто-то идет по коридору. Это были медленные, тяжелые шаги, и меня вдруг охватил страх, какого я не испытывал ни разу в жизни.

Это не Люсиль. Медленные, крадущиеся шаги — женщина не может ступать так тяжело. По коридору шел мужчина, и вышел этот мужчина из спальни, где я оставил Люсиль, связанную и беспомощную.

— Кто там? — Я не узнал своего голоса, сердце молотом стучало в груди.

Звук медленных, тяжелых шагов приблизился и замер около входа в гостиную. Наступила тишина.

Я весь покрылся потом. По ту сторону двери кто-то дышал спокойно и размеренно.

— Ну, давайте же, входите, черт вас дер! — воскликнул я, потому что этого не могли выдержать никакие нервы. — Что вы там играете в прятки? Входите, покажитесь!

Дверь медленно начала открываться.

Этот человек явно намеревался испугать меня, и ему это полностью удалось.

Дверь открылась. Не будь я привязан к кушетке, я, наверное, от неожиданности подскочил бы до потолка.

В дверях стоял высокий крепкий человек. Он был одет в голубой спортивный пиджак, серые фланелевые брюки и неброские коричневые полуботинки. Он стоял, засунув руки в карманы, а большие пальцы торчали наружу и целились в меня.

Я смотрел на него, не веря своим глазам. Сердце вдруг сковало холод.

В дверях стоял Роджер Эйткен.

2

При виде выражения его лица меня охватил немислимый, почти религиозный страх. Ступая тяжело, неторопливо и размеренно, он вошел в комнату.

Мне сразу бросилось в глаза, что он не хромал, а шел так, как ходил всегда, но тем не менее несколько дней назад он упал на ступеньках перед «Плаза Грилл» и сломал себе ногу.

Такое бывает в кошмарном сне. Это был Эйткен и в то же время это был не Эйткен. Злобное лицо, блестящие глаза — нет, это какой-то другой человек принял облик Эйткена. Этого человека я не знаю, и он пугает меня до смерти. Но тут много раз слышанный знакомый голос сказал:

— Кажется, я немного испугал вас. Скотт.

Да, это был Эйткен. Ему и только ему принадлежали этот голос и эта улыбка.

— Да. — Я говорил хрипло и нетвердо. — Испугали, и здорово. Вижу, вам удалось очень быстро вылечить ногу.

— А с ней ничего и не было, — сказал он, останавливаясь около меня. Его блестящие глаза неторопливо обшаривали мое лицо. — Вся эта история была подстроена специально для того, чтобы вы смогли познакомиться с моей женой.

Во рту у меня стало так сухо, что я не мог выговорить и слова. Я просто лежал и смотрел на него.

Он огляделся, затем сделал шаг к креслу и сел.

— Хорошо вы здесь устроились, Скотт, — сказал он. — Немножко, правда, удаленное местечко, но зато очень уютное. И часто вы развлекаетесь с чужими женами?

— Это продолжалось совсем недолго, к тому же я не тронул ее и пальцем, — ответил я. — Вы должны меня извинить. Если бы вы развязали мне руки, мне было бы легче все как следует объяснить. А объяснить нужно много.

Я снова вспомнил о Люсиль.

Удалось ей освободиться? Или она все еще здесь, в доме? Если она все еще лежит, привязанная к кровати, Эйткену должно быть об этом известно — ведь он вышел из моей спальни.

Достав свой золотой портсигар, Эйткен закурил.

— Пожалуй, я оставлю вас так, — сказал он. — По крайней мере, пока.

Тут у меня в голове мелькнула одна мысль. Безумная мысль, но меня словно всего парализовало. Я приподнял голову и поновому посмотрел на него. Лью сказал, что кто-то должен прийти говорить со мной. Вот этот кто-то и пришел. Человек, который для меня был Роджером Эйткеном, для Лью и его коллег был не кто иной, как Арт Галгано. Безумная мысль, но, кажется, ее подтверждали факты.

— Сработала машинка? — спросил Эйткен, наблюдая за моим лицом. — Вы правы. Галгано — это я.

Я в ужасе смотрел на него. Слов не было.

Он закинул ногу за ногу.

— Вы видели, как я живу, Скотт? Неужели вы думаете, что я могу себе такое позволить только на доходы от «Международного»? Три года назад у меня появилась возможность купить «Маленькую таверну», и я воспользовался ею. Мы с вами живем в богатом городе. Здесь полно богатых дегенератов, для которых вся жизнь заключается в том, чтобы сосать виски и таскаться за чужими женами. Я знал, что эта толпа бездельников с радостью станет играть, только предоставь им такую возможность. И я им ее предоставил. Вот уже три года в «Маленькой таверне» крутится рулетка и накручивает мне хороший капиталец. Но закон запрещает азартные игры. Предпримчивых людей здесь хватало и до меня, многие пытались завести рулетку — все они так или иначе плохо кончали. Я был более удачлив. Дороги, которые ведут к «Маленькой таверне», да и вообще весь этот участок контролировал О'Брайен. И сообщать о подозрительном скоплении людей — возможных игроков — было его прямой обязанностью. Я обещал ему хороший процент, если он станет глухонемым, и он согласился. Однако я сразу понял, что у этого человека вскоре разгорятся глаза — так оно и вышло. Основной доход от рулетки стал оседать не в моих карманах, а в его. Это был настоящий кровопийца. Совершенно уникальный шантажист. Прошло какое-то время, и я увидел, что даже остаюсь в убытке. А ему все было мало, он тянул и тянул, и мне даже пришлось воспользоваться фондами своего «Международного», чтобы насытить этого зверя. Продолжаться дальше так не могло.

Часы на каминной полке ударили четыре раза. С каким-то зловещим оттенком гудел океан.

Я лежал и слушал этого человека, моего босса, которого я считал королем рекламного бизнеса. Он, как всегда, выглядел достаточно внушительно — мощный торс, одежда от хорошего портного, массивное красноватое лицо. Но он уже не внушал мне уважения.

Он погасил о дно пепельницы сигарету, достал из портсигара другую и улыбнулся мне.

— Есть только один способ освободиться от шантажиста, подобно О'Брайену, — убить его. — Блестящие глаза его встретились с моими, тонкие губы сжались. — А убийство полицейского чрезвычайно опасно, Скотт. Вы бросаете вызов всей полиции, и они лезут из кожи вон, чтобы найти убийцу. Перед тем как строить конкретные планы, я, как всегда, тщательнейшим образом оценил все «за» и «против», подумал о последствиях. Я решил, что если уж я должен убить человека, то сделать это нужно так, чтобы ко мне не вел ни один след. Это во-первых. А во-вторых, мне были очень нужны деньги. Из кассы «Международного» я взял пятнадцать тысяч, и было ясно, что в ближайшее время эту сумму необходимо вернуть. И даже если я избавлюсь от О'Брайена, пройдет не меньше двух месяцев, прежде чем я смогу рассчитаться со всеми долгами. А ведь вполне возможно, что преемник О'Брайена пронюхает о рулетке в «Маленькой таверне» и дело придется прикрыть. Короче говоря, деньги нужны были сейчас, быстро. И вот тут-то я подумал

о вас. Когда-то я слышал, что у вас есть деньги. Все сразу встало на свои места. Я приготовил наживку в виде работы в Нью-Йорке, и вы ее с радостью заглотнули.

Я лежал и слушал этот спокойный, таящий в себе столько опасности голос, а мысли мои все время возвращались к Люсиль. Неужели она все еще лежит у меня в спальне?

— На всякий случай я позаботился об алиби. Только миссис Хэппл и Люсиль знали, что я и не думал ломать ногу. Миссис Хэппл работает у меня много лет, я ей полностью доверяю. Люсиль... — Он умолк и пожал плечами. — О Люсиль надо рассказать особо. Она была танцовщицей в «Маленькой таверне». Когда я стал хозяином этого заведения, я позаботился о том, чтобы никто, кроме Клода, не знал, кто я такой. Время от времени я появлялся там, но только в качестве посетителя. Там и увидел Люсиль, она мне понравилась. Конечно, это была ошибка. Она была веселая, молодая и красивая, но, как вскоре выяснилось, в голове у нее совершенно пусто. А от таких женщин мужчины очень быстро устают, у нее, впрочем, был один плюс — она беспрекословно выполняла все мои приказы, так же, как и ее придурковатый брат Росс, — когда я купил «Маленькую таверну», он тоже работал там. Я посвятив эту парочку в свои планы. Я объяснил им, что если О'Брайен будет и дальше меня шантажировать, «Маленькую таверну» придется закрыть, тогда Росс потеряет работу, а Люсиль тоже придется несладко, потому что доходы ее мужа резко упадут. Я предложил Люсиль попросить вас научить ее водить машину — мне кажется, это была хорошая идея. — Губы его снова приподнялись в ухмылке. — Когда у меня все было готово, я велел ей предложить вам прокатиться на уединенный пляж. Недалеко от того места я назначил встречу О'Брайену — как раз подошло время платить ему месячное жалованье. Он приехал. Пока мы разговаривали, сзади подкрался Росс и стукнул его дубинкой по голове. А тем временем вы с Люсиль разыгрывали на пляже свой маленький спектакль. Я проинструктировал ее подробнейшим образом. Было очень важно, чтобы вы попытались соблазнить ее — у вас сразу возник бы комплекс вины. Было также очень важно, чтобы она уехала в вашей машине. В мужской психологии я разбираюсь неплохо и ни секунды не сомневался, что вы будете вести себя именно так, как я задумал. — Он подался вперед и стряхнул пепел с сигареты. — Потом Люсиль привела машину. Изобразить аварию было совсем не трудно. Я положил О'Брайена на дорогу и проехал по нему. Потом, поставив мотоцикл О'Брайена посреди дороги, я врезался в него на машине. Удар получился приличный. А потом я вернул машину Люсиль и Россу и велел им ехать к вашему дому.

— Вы допустили одну ошибку, — сказал я. — Все убийцы делают ошибки. О'Брайена вы переехали правым колесом, а в мотоцикл врезались левым передним крылом. Я сразу заподозрил, что с этим наездом что-то нечисто — О'Брайен никак не мог погибнуть в результате случайного наезда.

Он поднял брови.

— Это неважно. Вы любезно исправили нашу ошибку, отдав машину в ремонт. Должен признать, Скотт, что это был очень умный ход — поменять номера на машинах. Но это дало Россу

возможность получить компрометирующий снимок, и, когда он мне его показал, я сразу понял, что из вас теперь можно свить любую веревочку. — Он вытянул ноги и поднял глаза к потолку. — К большому сожалению, вы оказались слишком умны и расторопны. К большому сожалению, вы наткнулись на эту певичку Лэйн — это, безусловно, усложнило мою задачу. Я знал, что рано или поздно мне придется избавиться и от нее, ведь она наверняка знала, что О'Брайен меня шантажировал, и могла догадаться, что смерть его вовсе не несчастный случай. Мои люди постоянно за ней наблюдали, и ей это было известно. И она и Натли дрожали от страха. Они собирались бежать из города, подальше от меня, но у них совсем не было денег. Тут появились вы, и она сообразила, что вы оплатите ее отъезд из города. Мне сказали, что вы поехали к ней на квартиру. Я немножко опоздал, но все-таки услышал, что она ничего вам не рассказала — просто ограбила. Когда она вышла из своей квартиры, я убил ее. Я чуть не потерял след Натли, но один из моих людей наблюдал за ним и сообщил, что Натли, а следом за ним и вы поехали в отель «Вашингтон». Я приехал туда и застрелил его. Пришлось убрать также и дежурного — он опознал бы меня. — Не сводя с меня блестящих глаз, он потер свое красное мясистое лицо.

— Трудно совершить первое убийство, Скотт, дальше дело идет легче. Легче и одновременно сложнее. Вы совершаете убийство, а потом совершаете второе, чтобы скрыть первое, а потом приходится снова убивать, чтобы скрыть второе.

— Вы, наверное, не в своем уме, — хрипло сказал я. — Неужели вы рассчитываете, что вам все это сойдет с рук?

— Разумеется. Сейчас я лежу у себя дома со сломанной ногой. Лучшее алиби трудно придумать. Никому и в голову не придет, что я могу иметь какое-то отношение к этой истории. Кроме того, я намерен сделать козлом отпущения вас. Я вижу, у вас тут есть пишущая машинка. Я отпечатаю на ней начало признания, из которого полиции станет ясно, что вы случайно сбили О'Брайена, а Росс и Люсиль стали вас шантажировать. — Улыбнувшись, он чуть склонил голову набок. — Я забыл вам сказать, что, пока мои люди везли вас сюда, я отвез Росса к нему домой и там выстрелил ему в голову. Из того же пистолета, из которого был убит Натли. Я не оставляю никаких свидетелей, Скотт. Мне надоел этот Росс, я мне до смерти надоела Люсиль. — Он снова улыбнулся. — Что касается вашего признания, Скотт, то дальше будет написано, что Лэйн и ее агент Натли тоже пытались вас шантажировать, поэтому вам пришлось их убить. Вы оставили на месте этих убийств достаточно улик — полиция поверит, что это дело ваших рук. А дальше они прочитают, что вы поехали к Россу домой и застрелили его, а когда вернулись сюда, привязали к кровати Люсиль и задушили ее одним из своих галстуков.

Меня вдруг затоснило. На лбу выступил холодный пот.

— Вы что, убили ее? — прохрипел я, подняв голову и глядя ему в глаза.

— Разумеется, — Эйткен кивнул головой. — Было бы глупо не воспользоваться такой возможностью. Когда я нашел ее в вашей спальне, связанную и беспомощную, я понял, что вы мне

подбросили прекрасный способ избавиться от нее — завязать вокруг ее шейки один из ваших модных галстуков. Я не оставляю свидетелей, Скотт. К счастью, с неба со своей сотней тысяч свалился Хэкетт, поэтому ваши деньги мне больше не нужны. Я могу начать все сначала. Даже если колесо в «Маленькой таверне» вдруг перестанет крутиться, с таким подспорьем, как сто тысяч, и с моими способностями я могу начать все сначала.

— Вам не отвертеться, — сказал я, пристально глядя на него. — Слишком много людей знают всю правду. Например, Клод, его головорезы...

На лице его снова появилась легкая ухмылка.

— Клод и его, как вы называете, головорезы связаны со мной одной веревочкой. Если я пойду на дно, пойдут на дно и они — они это прекрасно знают. Нам осталось разыграть финал — вы, Скотт, становитесь жертвой собственной совести и стреляетесь. Полиция нисколько не удивится, что после стольких убийств жизнь стала для вас невыносимой и вы решили с ней расстаться.

Он достал из кармана кожаную перчатку, натянул ее на правую руку, потом из заднего кармана брюк вытащил «кольт».

— Это пистолет Натли, — продолжал он. — Из него были убиты Натли и Росс, а сейчас будете убиты вы. — Он поднялся. — В каком-то смысле мне жаль вас, Скотт. Вы хороший работник, но что поделаешь — другого выхода у меня нет. Уверю вас, больно не будет — выстрел в ухо убивает мгновенно.

Нервы мои вышли на последний рубеж, страх застлал глаза туманом. С пистолетом в руке Эйткен медленно шел на меня.

И вдруг раздался звонок в дверь.

Я никогда в жизни не забуду этой минуты.

Эйткен замер и обернулся в сторону двери. Большим пальцем он толкнул предохранитель пистолета вперед.

Он словно окаменел, весь превратившись в слух.

— Они поймут, что я дома, — прохрипел я. — У ворот стоит машина.

Он обернулся через плечо, скривив рот в зверином оскале.

— Только пикните — и первая пуля ваша.

В дверь снова зазвонили — настойчиво и нетерпеливо.

Эйткен тихонько подошел к двери гостиной и осторожно выглянул в холл. Он сейчас стоял спиной ко мне и, к моему огромному огорчению, во всю стену окна. Мелькнула какая-то тень, и прямо через окно в комнату шагнул высокий крепкий мужчина. Это был лейтенант Уэст. В правой руке он держал пистолет.

На меня он даже не взглянул — глаза его сверлили широкую спину Эйткена.

Он поднял пистолет и вдруг зарычал:

— Руки вверх, Эйткен, бросьте оружие!

Мощный торс Эйткена словно прошило током. Он круто обернулся и вскинул пистолет. Лицо исказили ярость и страх.

Уэст выстрелил.

Тут же громыхнул пистолет Эйткена, но он уже падал, и пуля пропахала борозду в моем паркете. Между глаз Эйткена появилось красное пятнышко, и он, качнувшись вперед, с ужасающим грохотом рухнул — затряслось все, что было в комна-

те. Он еще дернулся — видимо, чисто рефлекторно — и умер. Пистолет вывалился из его обессиленных пальцев. Уэст, словно большой медведь, увесисто протопал по комнате и подобрал оружие.

Тут же раздался звук бегущих шагов, и в комнату ворвались трое вооруженных полицейских.

— Ладно, ладно, все в порядке, — махнул рукой Уэст. — С ним все кончено.

Он запихнул пистолет в задний карман, подошел ко мне и ухмыльнулся.

— Вижу, вы здорово струхнули, — сказал он.

Я так струхнул, что никак не мог прийти в себя — только молча смотрел на него.

Он начал разматывать клейкую ленту у меня на кистях. В этот момент в комнату вбежал Джо Феллоуз. Глаза его вылезали из орбит, лицо блестело от пота.

— Привет, Чес — бросил он. Я сел и начал растирать кисти, стараясь побыстрее их оживить. — Все у тебя цело?

— Вроде бы все, — отозвался я. — А как ты сюда попал, хотел бы я знать?

— Так это же я позвал полицию, — начал было он, но вдруг остановился, увидев распластанное на полу тело Эйткена. Лицо его стало серо-зеленым, он отшатнулся. — Дева Мария! Он мертв?

— Ну ладно, вы двое, — сказал нам Уэст. — Выйдите пока отсюда. — Я с трудом поднялся на ноги, и он похлопал меня по плечу. — Пойдите посидите на крыльчке, подождите, пока я освобожусь. Тогда поговорим. Особенно не беспокойтесь. Я слышал все, что он говорил, так что вы вне подозрений. Идите на улицу и ждите меня там.

— Он убил ее? — спросил я.

— Да, — ответил Уэст. — Он, наверное, совсем спятил. Это правда, что «Маленькая таверна» принадлежала ему? И что там рулетка?

Я пощупал лацкан пиджака. Фотоаппарат был на месте. Я отцепил его и передал Уэсту.

— Здесь сфотографирован стол с рулеткой. Эту штучку мне дали в «Инкуайерере».

— Похоже, мне сегодня предстоит здорово поработать. Ну идите на крыльцо и ждите меня там. — И он пошел к телефону.

Полицейский выпроводил меня и Джо на веранду.

— Я увидел, как эти два головореза выволокли тебя через заднюю дверь клуба, — сказал Джо. — Я же как чувствовал, что ты собрался сунуть голову в пасть льву, вот и поехал за тобой. А потом приехал следом за вами сюда. Один я с ними бы не справился — больно здоровы, вот я и позвал полицию.

— Спасибо, Джо, — только и сказал я, откидываясь назад в плетеном кресле. Чувствовал я себя хуже некуда.

Медленно поползли минуты. Вдруг Джо сказал:

— Похоже, мы остались без работы.

— Это еще неизвестно. Кому-то ведь придется управлять нашим «Международным». Возможно, Джо, нам даже очень здо-

рово повезло, — ответил я, задумчиво глядя на полосу прибрежного песка.

— Да? А мне это как-то не пришло в голову. — Он поежился. — Он, должно быть, сошел с ума. Я всегда подозревал, что с ним что-то нечисто.

— Ты слышал, что он говорил?

— Я все время был за дверьми веранды. Ужасно боялся, что он меня заметит, аж дрожал. Хорошо, что со мной был этот верзила-сыщик, иначе не знаю, что бы я делал.

— Вот и я тоже дрожал, — признался я.

Мы замолчали и потом, может быть, целый час просто сидели и ждали. Наконец на веранду вышел лейтенант Уэст.

— Только что арестовали Клода и ваших двух приятелей, — сказал он, и его широкое лицо расплылось в улыбке. — А заодно — на четыре машины нашей городской знати. Завтра газетам будет о чем писать. — Он сел рядом с нами и посмотрел на меня. — Ну а теперь давайте рассказывайте все с самого начала. Кое-что мне пока неясно. А потом поедем в управление и там все запишем. Давайте начинайте рассказывать.

И я начал рассказывать.

Перевел с английского М. ЗАГОТ

На I—IV страницах обложки — рисунок А. ГУСЕВА

На II странице обложки — рисунок Ю. МАКАРОВА к повести Сергея Абрамова «Сложи так»

На III странице обложки — рисунок В. КОЛТУНОВА к рассказу Роберта ШЕКЛИ «Макс выполняет свой долг»

Редакционная коллегия: А. Г. АДАМОВ, А. П. КАЗАНЦЕВ, А. В. НИКОНОВ, А. А. НОДИЯ, В. М. ЧИЧКОВ

Редакторы выпуска: В. РЫБИН, Ю. ПЕРЕСУНЬКО

Художественный редактор Т. ПРОКУДИНА

Технический редактор А. БУГРОВА

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Адрес редакции: 103030, Москва, К-30, Суцеская, 21.
Тел. 251-15-00, доб. 4-10.

Сдано в набор 10/III 1978 г. Подп. к печ. 15/V 1978 г. А06164.
Формат 84×108^{1/32}. Печ. л. 5 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 12,1.
Тираж 250 000 экз. Цена 40 коп. Заказ 464.

Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Суцеская, 21.

Сергей АБРАМОВ — Сложи так

Роберт ШЕКЛИ — Макс выполняет свой долг

Джеймс Хэдли ЧЕЙЗ — Дело о наезде

Цена 40 коп.

